ТРУДЫ ПО РУССКОМУ ПРАВОПИСАНІЮ

ВЫПУСКЪ 1

2017

ТРУДЫ ПО РУССКОМУ ПРАВОПИСАНІЮ

ВЫПУСКЪ 1

Магаданъ
Новое Время
2017

УДК 811.161.1’0(035)
ББК 81.2-8

Труды по русскому правописанію. — Вып. 1. — Магаданъ: Новое Время, 2017. — 192 с.

Въ первомъ выпускѣ «Трудовъ по русскому правописанію» представлены статьи разныхъ авторовъ, посвящённыя нашему традиціонному письму и разсматривающія его съ точки зрѣнія науки и культуры. Также освѣщаются въ сборникѣ проблемы использованія русскаго традиціоннаго правописанія въ настоящее время.

УДК 811.161.1’0(035)
ББК 81.2-8

ISBN 978-5-600-01827-3

© Коллективъ авторовъ, 2017
© Издательство «Новое Время», 2017

Предисловіе издателя

Настоящій сборникъ статей посвящёнъ русскому правописанію. Каждый представленный ниже текстъ въ той или иной мѣрѣ затрагиваетъ этотъ вопросъ — очень актуальный въ свѣтѣ проведённой большевиками реформы, но находящійся внѣ мыслей большинства нашихъ современниковъ.

Для многихъ какъ бы не существуетъ орѳографической проблемы, ея словно нѣтъ. Съ того времени, какъ большевики издали декретъ объ упрощеніи орѳографіи и претворили его въ жизнь свойственными имъ методами, прошло безъ году сто лѣтъ. За это время совѣтская куцая орѳографическая норма вытѣснила традиціонное русское правописаніе изъ всѣхъ сферъ жизни; въ нашемъ распоряженіи остаются лишь изданные до революціи и въ эмиграціи тексты, а также ничтожная доля опубликованныхъ въ недавнее время книгъ, въ которыхъ соблюдается русское правописаніе. Впрочемъ, сейчасъ хотя бы можно открыто не принимать совѣтскіе декреты и печатать тексты (не репринты) безъ большевицкихъ орѳографическихъ изъятій, о чёмъ нельзя было помыслить до ослабленія, а затѣмъ паденія совѣтской власти. Возможности такихъ публикацій въ Россіи есть, и это уже прекрасно.

Но подавляющее большинство нашихъ современниковъ не знаетъ правилъ традиціоннаго правописанія и если берётъ въ руки книгу въ русской, а не совѣтской орѳографіи, то дѣлаетъ это крайне рѣдко; нѣкоторые за свою жизнь ни разу такой книги въ рукахъ не держали. Неудивительно, что отдѣльнымъ лицамъ русское правописаніе кажется чѣмъ-то изъ сѣдой древности, не имѣющимъ отношенія къ жизни въ настоящемъ. Заблужденіе вполнѣ естественное: ежели человѣкъ ни разу (или всего разъ-другой, и очень давно) не сталкивался съ какимъ-то явленіемъ, оно кажется ему неактуальнымъ, отжившимъ свой вѣкъ — несовременнымъ, въ общемъ. Заблужденіе только усиливается, если человѣкъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія объ явленіи. И дѣйствительно, въ школахъ учатъ совѣтскому орѳографическому суррогату, что влечётъ за собой у нѣкоторыхъ неувѣренность въ своихъ силахъ, проявляющуюся въ слѣдующемъ: человѣкъ берётъ книгу, текстъ которой не несётъ

на себѣ большевицкой печати, и откладываетъ её въ сторону, ссылаясь на «неудобство» чтенія или же «трудность воспріятія»; а всё потому, что не знаетъ несостоявшійся читатель традиціонныхъ правилъ. Иногда это объясняется не неувѣренностью, а банальной лѣнью — привычкой къ тому, чему обучили, и нежеланіемъ узнать иное — болѣе совершенное. Иные не видятъ смысла въ традиціонномъ правописаніи и его изученіи по той причинѣ, что оно отсутствуетъ въ ихъ жизни и представлено ничтожнѣйшимъ числомъ современныхъ текстовъ. Такая позиція значительно лучше, чѣмъ простая лѣнь: если людямъ объяснить необходимость нормальной орѳографіи и — самое главное — если они увидятъ, что такая орѳографія начинаетъ использоваться достаточнымъ кругомъ лицъ и въ будущемъ точно получитъ утвержденіе сверху, они безъ лишнихъ возраженій перейдутъ на новую — традиціонную норму, вѣдь безъ нея вскорѣ уже не обойтись никому.

Не зная правилъ, невозможно знать всѣхъ преимуществъ традиціоннаго правописанія передъ упрощённымъ и даже мыслить въ категоріяхъ традиціонности; не случайно орѳографію, офиціально использовавшуюся вплоть до 1918 года, чаще всего называютъ старой или дореволюціонной, волей-неволей замутняя такой терминологіей ея историчность и полноту.

Очевидно, что любое полное правописаніе будетъ совершеннѣе его неполной версіи, но привычка къ тому, чему обучили и что уже знаешь, берётъ верхъ — особенно когда не имѣешь никакого понятія о другомъ, лучшемъ, и не умѣешь примѣнять его на практикѣ.

Единственное, что можетъ зацѣпить читателя, не знающаго традиціонныхъ правилъ, — это эстетическое преимущество русскаго текста передъ совѣтскимъ. И дѣйствительно, при осознаніи зрительной красоты написаннаго работаетъ внѣшнее воспріятіе, а не внутреннее. Такъ, при разсматриваніи картины мы сначала воспринимаемъ глазами ея внѣшнюю сторону, осознаёмъ её, а лишь затѣмъ видимъ внутреннее ея содержаніе. То же съ текстомъ: мы видимъ символы, которыми онъ записанъ и чьё сочетаніе образуетъ опредѣлённую связность — своего рода графическій рисунокъ. Причёмъ это касается не только

языковъ съ іероглифической письменностью, гдѣ подобное явленіе очевиднѣе, но и языковъ, использующихъ алфавитъ.

Именно благодаря внѣшнему воспріятію люди, ещё не знающіе правилъ русскаго правописанія, осознаютъ преимущество традиціонной орѳографіи, а уже затѣмъ, желая понять текстъ — воспринять его изнутри, приступаютъ къ самостоятельному изученію правилъ. Такъ случается, напримѣръ, когда рядомъ нѣтъ никого, кто могъ бы положительно повліять на человѣка въ его отношеніи къ правописанію, — тогда именно эстетическое воздѣйствіе русской орѳографіи и играетъ рѣшающую роль. Что и говорить, вѣдь и для полнаго пониманія полотенъ геніальныхъ живописцевъ недостаточно одного внѣшняго воспріятія, а для того, чтобы воспринять картину изнутри, нужно сколько-нибудь разбираться въ искусствѣ. Такъ и съ языкомъ: чтобы понимать его, необходимо знать его законы.

Многіе помнятъ, что и послѣ революціи большое количество владѣющихъ русскимъ языкомъ большевицкой реформы не приняло. Хорошо извѣстно о дѣятеляхъ русской эмиграціи, продолжавшихъ использовать традиціонное правописаніе; кромѣ того, внѣ предѣловъ завоёванной большевиками Россіи можно было открыто говорить о своёмъ непримиримомъ отношеніи къ большевицкой орѳографической политикѣ, какъ дѣлали это философъ Ильинъ и писатель Бунинъ, и не только они. Разумѣется, что и въ Россіи оставались люди, въ душѣ не принявшіе большевицкой реформы, но въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ вынужденные молчать и использовать совѣтскую упрощённую орѳографію при публикаціяхъ своихъ текстовъ и обращеніи въ органы власти. Во всякомъ случаѣ, на кладбищахъ можно найти могильныя плиты, надписи на которыхъ выполнены въ традиціонномъ правописаніи, причёмъ такія захороненія осуществлялись при Сталинѣ, даже послѣ войны. Похоже, кладбища — единственное мѣсто, гдѣ совѣтская власть не препятствовала людямъ не принимать совѣтскую орѳографію и дала возможность, путёмъ простого отсутствія запрета и гоненій, использовать орѳографію «контрреволюціонную». Надѣюсь, въ будущемъ удастся изслѣдовать примѣненіе русскаго правописанія въ предѣлахъ СССР, особенно въ послѣсталинское время, когда уходили поколѣнія, бóльшую часть жизни прожившія до революціи.

Традиціонныхъ правилъ придерживались вынужденные изгнанники*, ихъ примѣняютъ и тѣ наши современники — люди XXI вѣка, которые понимаютъ всю красоту и важность полноцѣннаго русскаго правописанія. Можно смѣло сказать, что использованіе русской традиціонной орѳографіи де-факто никогда не прекращалось: отъ Имперіи — къ изгнанникамъ, отъ изгнанниковъ — къ русскимъ людямъ, живущимъ на освобождённыхъ отъ большевицкаго плѣна просторахъ исторической Россіи, въ полной мѣрѣ ещё не возсозданной.

Связь съ прошлымъ должна быть возстановлена во всѣхъ сферахъ нашего бытія. Въ противномъ случаѣ мы, не излѣчившись отъ недуговъ XX вѣка, по своему недомыслію сами себя лишимъ будущаго, уготованнаго намъ судьбою. А языкъ для человѣка — одно изъ основныхъ въ его бытіи, то немногое, что дѣлаетъ его разумнымъ существомъ.

Русское правописаніе ведётъ свою преемственность отъ минувшихъ вѣковъ. Оно использовалось въ княжескій періодъ, совершенствовалось въ Русскомъ Царствѣ и Западной Руси, обновилось въ Россійской Имперіи. И при всёмъ этомъ оно всегда оставалось *русскимъ* правописаніемъ, похожимъ на правописаніе нашихъ пращуровъ, жившихъ тысячу и болѣе лѣтъ назадъ, оно безпрерывно сохраняло ту же систему, данную ему изначально.

Самая большая бѣда въ реформѣ, начатой сразу послѣ Февральской революціи, но по-настоящему осуществлённой именно при совѣтской власти, — то, что она разорвала преемственность съ прошлыми вѣками, оторвала насъ отъ корней. Объ этомъ прекрасно написано въ докладѣ 1928 года молодого Дмитрія Сергѣевича Лихачёва, будущаго академика.

Безусловно, возстановленіе русскаго правописанія не произойдётъ въ одночасье, однимъ взмахомъ руки, для этого ещё нужно многое сдѣлать, разобрать завалы и — главное — подго-

---

* Внѣшніе изгнанники — эмигранты, не принявшіе совѣтскую власть и покинувшіе Россію подъ угрозой физической расправы, а также высланные самими большевиками за границу. Внутренніе изгнанники — оставшіеся жить при совѣтской власти, но не принимавшіе её, въ особенности ея культурныхъ «достиженій», и продолжавшіе использовать прежнее правописаніе, хоть такая возможность осталась развѣ что для мыслей, личныхъ записей и могильныхъ плитъ и камней.

товить общество къ данному событію. Необходимо, чтобы сформировалось сознательное меньшинство, понимающее всю суть проблемы и готовое её рѣшать. Именно тогда побѣда станетъ лишь вопросомъ времени... Но пока до этого далеко.

***

Въ настоящемъ сборникѣ представлены статьи разныхъ авторовъ, имѣющихъ различные взгляды на многія вещи, не совпадающіе другъ съ другомъ, а кое въ чёмъ могущіе не совпадать и со взглядами издателя. Но главное, что объединяетъ всѣхъ авторовъ, — ихъ неравнодушное отношеніе къ русскому традиціонному правописанію.

Сторонники реформы 1918 года любятъ упоминать, что она готовилась задолго до большевиковъ, что её разрабатывали и за неё выступали выдающіеся русскіе учёные-филологи, что она вслѣдствіе того вполнѣ академическая. На всё это необходимо сказать, что далеко не всѣ проекты учёныхъ положительно вліяютъ на нашу жизнь — иногда даже совсѣмъ наоборотъ. Кромѣ того, главной цѣлью реформы ставилось облегченіе преподаванія: ссылались на школьныхъ учителей, жаловавшихся на трудность усвоенія грамоты. Что же, стратегія была глубоко порочная: для того чтобы повысить уровень умѣнія писать правильно, нужно улучшить или совсѣмъ измѣнить методику преподаванія, а не упрощать орѳографію, — на такія вещи могутъ смотрѣть сугубо положительно косные школьные учителя (и лица похожаго круга), не признающіе ничего кромѣ догмы, а также закоренѣлые двоечники — вотъ гдѣ противоположности неожиданно сходятся. Кромѣ того, невозможно достичь грамотности путёмъ упрощенія — во всѣ времена будутъ тѣ, кто не силёнъ въ орѳографіи и пунктуаціи.

Что самое важное, не всѣ изъ тѣхъ, кто въ началѣ XX вѣка участвовалъ въ проектѣ по упрощенію правописанія, восприняли радушно проведённую реформу. Характернымъ примѣромъ является Николай Карловичъ Кульманъ, въ 1923 году выпустившій статью, критикующую введённое большевиками правописаніе. Болѣе того, онъ приводитъ слова академика Шахматова, сказанныя ему лѣтомъ 1918 во время ихъ послѣдней встрѣчи: «Мы тоже разрушители». Выходитъ, Алексѣй Александровичъ Шахматовъ призналъ

свою ошибку и раскаялся за то, въ чёмъ принялъ участіе. Трудно не вѣрить Кульману, тѣмъ болѣе что онъ, приводя слова академика, сказанныя ему лично, до того ссылается на появленіе въ печати указаній близкихъ Шахматову лицъ о томъ же. Косвеннымъ подтвержденіемъ какъ минимумъ неоднозначнаго отношенія Алексѣя Александровича къ осуществлённому упрощенію служитъ ещё слѣдующій фактъ: извѣстно, что онъ въ послѣреволюціонныхъ изданіяхъ своихъ трудовъ продолжалъ использовать прежнее правописаніе; объяснить это только привычкой Шахматова печатать «по-старому», какъ привыкъ, не будетъ точнымъ: филологъ — горячій поборникъ реформы (къ тому же принявшій участіе въ ея проведеніи) первымъ долженъ её принять и слѣдовать ей на практикѣ. Напримѣръ, Сакулинъ — сторонникъ упрощенія — уже въ 1918 году напечаталъ свой трудъ «Реформа русскаго правописанія» въ «новой» орѳографіи; какъ видно, онъ привыкъ весьма быстро — быстрѣе Ленина, по-орѳографически ставшаго цѣликомъ совѣтскимъ лишь въ самомъ-самомъ концѣ 1919 года, доказательствомъ чего служатъ многочисленные автографы вождя мірового пролетаріата въ его Полномъ собраніи сочиненій.

Разумѣется, нельзя цѣликомъ снять вину съ Шахматова за то, что произошло, — всё-таки онъ готовилъ реформу, выступалъ въ ея пользу и принялъ въ ней участіе, но Алексѣй Александровичъ хотя бы раскаялся въ содѣянномъ, увидѣвши только лишь предварительный результатъ, — въ отличіе отъ тѣхъ, кто съ большой охотой взялся за разрушеніе русскаго языка и считалъ, что дѣлаетъ благое дѣло (какъ же, двоечники «грамотными» станутъ). Хотя бы часть вины это снимаетъ съ академика. Кромѣ того, надо имѣть мужество, чтобы признать свои ошибки, — не всѣ на это способны.

Къ сожалѣнію, Шахматовъ умеръ въ 1920; кто знаетъ, — возможно, проживи академикъ дольше, онъ оставилъ бы намъ свои письменныя замѣтки, въ полной мѣрѣ характеризующія его отношеніе къ большевицкой орѳографіи. Зато это смогъ сдѣлать другой филологъ.

Статья профессора Кульмана — лучшее доказательство, что сторонники упрощенія не вправѣ ссылаться на академичность реформы.

Николай Карловичъ описываетъ, что созванное въ маѣ 1917 засѣданіе по орѳографіи не предполагало обсужденій; не

случайно Шахматовъ годъ спустя назвалъ его по духу большевицкимъ. Статья Кульмана, участника комиссіи и подкомиссіи по упрощенію правописанія, а затѣмъ — послѣ революціи — защитника письменнаго русскаго языка, обстоятельнымъ образомъ непосредственнаго очевидца доказываетъ неправоту упрощенцевъ, буквально разбиваетъ миѳъ объ «академичности».

Работа Николая Карловича, впервые вышедшая въ 1923 году, размѣщается въ настоящемъ сборникѣ первой — внѣ алфавитнаго порядка, какъ своеобразный прологъ къ текстамъ современныхъ сторонниковъ традиціоннаго правописанія.

***

Всѣ статьи даются съ учётомъ сохраненія авторскихъ особенностей. Такъ, профессоръ Геннадій Барабтарло ставитъ т. н. оксфордскую запятую — используемую передъ послѣднимъ пунктомъ въ спискѣ изъ трёхъ или болѣе элементовъ, когда отдѣляются всѣ члены перечня, чтобы не создавать ложной связи послѣднихъ двухъ, между которыми стоитъ союзъ (А, Б, и В). Данная запятая не прижилась въ русской пунктуаціи, но Барабтарло тѣмъ не менѣе пользуется ею. Кромѣ того, кое-гдѣ у того же автора послѣ *можетъ быть*, являющагося вводнымъ, иногда сознательно не стоитъ запятая: профессоръ предпочёлъ немного отступить отъ нормы и не перегружать короткую фразу знаками препинанія. Также по просьбѣ Геннадія Александровича въ сноскахъ къ его статьѣ сначала стоятъ иниціалы, а затѣмъ фамилія автора цитируемаго произведенія. Въ трудѣ Кульмана сохраняются арабскія цифры для написанія столѣтій.

Всѣ даты въ статьяхъ современниковъ даны по новому стилю, если объ этомъ спеціально не оговорено, — такъ, какъ было указано при написаніи самими авторами.

Я надѣюсь, что любопытный читатель найдётъ въ представленныхъ ниже текстахъ много новаго для себя, а у нелюбопытнаго для начала появится интересъ къ русскому орѳографическому вопросу.

Данный сборникъ — лишь шагъ на пути возстановленія русскаго правописанія, но пути вѣрнаго и необходимаго.

Михаилъ Спартаковичъ Тейкинъ
16 (29) ноября 2016 года, Магаданъ

Николай Карловичъ Кульманъ
(1871–1940)

О русскомъ правописанiи

Ну, а у насъ, вѣрно, другое образованiе, и съ предковскими преданiями связь разсыпана, дабы всё казалось обновлённѣе, какъ будто и весь родъ русскiй только вчера насѣдка подъ крапивой вывела.

Лѣсковъ. Запечатлѣнный ангелъ

Да неужели такъ и въ другихъ странахъ?

Бунинъ. Деревня

За послѣднiй годъ въ зарубежной русской печати появился рядъ статей, посвящённыхъ вопросу о русскомъ правописанiи. Послѣ пражскаго съѣзда педагоговъ русской средней школы толки о правописанiи стали ещё оживлённѣе, причёмъ въ нѣкоторой части эмиграцiи новое правописанiе попало въ разрядъ «завоеванiй революцiи». Такъ, напримѣръ, въ редакцiонной статьѣ парижской газеты «Послѣднiя Новости» (№ 916) читаемъ: «Вопросъ о правописанiи, въ самомъ дѣлѣ, не чисто педагогическiй вопросъ... Наши симпатiи въ данномъ случаѣ всецѣло на сторонѣ тѣхъ, кто понимаетъ связь новаго правописанiя съ новой Россiей»[1].

Новое правописанiе называютъ то «большевицкимъ», то «академическимъ». Хотя ни тотъ, ни другой терминъ не опредѣляютъ сущности новаго правописанiя, однако, если выбирать, то терминъ «большевицкiй» и исторически, и психологически имѣетъ большее право на существованiе. И въ то время, какъ одни съ извѣстной долей наивности только теоретически признаютъ новое правописанiе «завоеванiемъ революцiи», другiе энергично его пропагандируютъ; послѣднiе не безъ основанiя полагаютъ, что чѣмъ меньше различiй будетъ между «нами»

[1] Надо, впрочемъ, замѣтить, что, хотя симпатiи газеты и «всецѣло» на сторонѣ новаго правописанiя, однако, она продолжаетъ печататься по-старому.

и «ими» даже въ мелочахъ, тѣмъ скорѣе устранится взаимная непримиримость. Есть, конечно, и такіе защитники новаго правописанія, которые совершенно чужды политической точкѣ зрѣнія, но ихъ, по-видимому, немного.

Въ спорахъ о новомъ правописаніи и защитники, и противники его обнаруживаютъ порою большую неосвѣдомлённость. Для защиты буквы «ѣ», напримѣръ, ссылаются на то, что многіе (въ томъ числѣ Бальмонтъ и Вяч. Ивановъ) прекрасно отличаютъ въ литературномъ произношеніи «ѣ» и «е». Конечно, ничего подобнаго нѣтъ: произношеніе «ели» (ель) и «ѣли», «ѣсть» и «есть», «нѣкогда» и «некогда» — совершенно одинаково. Люди, утверждающіе, что они ясно слышатъ «ѣ», на самомъ дѣлѣ только различаютъ два рода звука «е», въ зависимости отъ характера слѣдующаго звука: въ словахъ «ѣлъ» и «ѣли», «мѣдникъ» и «мѣдь» мы произносимъ «ѣ» не одинаково, совершенно такъ же, какъ не одинаково произносимъ «е» въ словахъ «мелкій» и «мель», «грекъ» и «греки», но «ѣ» и «е» тутъ ни при чёмъ. Врядъ ли вѣрно утвержденіе, будто бы буква «ѣ» ещё въ 18-мъ вѣкѣ обозначала дифтонгъ «іе»[2]. Стоитъ повнимательнѣе прочесть «Россійскую грамматику» Ломоносова, чтобы убѣдиться въ необоснованности этого утвержденія. А въ «Лиро-дидактическомъ посланіи княгинѣ Е. Р. Дашковой» Ник. Николева можно найти и прямое указаніе, что «ѣ» произносилось въ литературномъ языкѣ 18-го вѣка, какъ «е»:

Межъ тѣмъ, гдѣ «ѣ» писать и «е»,
На то законъ, примѣта есть;
Труда не зритъ писатель въ этомъ.
Привыкши Россъ вѣщати *свѣтъ*,
Не скажетъ вѣчно онъ *свіетъ*.
За что жъ за *ѣ* браниться съ свѣтомъ?

Самое появленіе новаго правописанія объясняется иной разъ необычайно упрощённо: «Академія слиберальничала», — говоритъ одинъ изъ защитниковъ стараго правописанія, — «Веселовскій и Соболевскій не явились на засѣданіе, провёлъ реформу мягкій и добрый А. А. Шахматовъ»[3].

---

[2] Ст. Ю. А. Никольскаго въ «Общемъ Дѣлѣ», № 422.

[3] Г[осподинъ] Ю. Никольскій, въ той же статьѣ. Отмѣчу, на всякій случай, что А. И. Соболевскій не только былъ на засѣданіи комиссіи, но даже былъ избранъ въ подкомиссію и присутствовалъ на нѣсколькихъ ея засѣданіяхъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что рано или поздно наступитъ время, когда вопросъ о правописаніи придётся поставить ребромъ, и я, какъ членъ орѳографической комиссіи и подкомиссіи, созванныхъ въ 1904 году Академіей Наукъ и выработавшихъ основы упрощенія правописанія, считаю себя обязаннымъ освѣтить его съ возможной полнотой и общедоступностью. Быть можетъ, это позволитъ читателю, особенно читателю, мало освѣдомлённому въ исторіи правописанія и вообще въ наукѣ о языкѣ, составить болѣе или менѣе опредѣлённое мнѣніе о томъ, слѣдуетъ ли примириться съ новымъ правописаніемъ или въ будущемъ возвратиться къ старому, а сейчасъ это старое правописаніе всячески охранять.

Наше письмо, какъ извѣстно, въ основѣ своей звуковое. Но изъ этого ещё не слѣдуетъ, что звуковой составъ нашей рѣчи совершенно совпадаетъ съ письменнымъ. Это значитъ только, что мы для письменной передачи нашей рѣчи пользуемся извѣстными знаками (буквами), *условно* обозначающими звуковую сторону рѣчи. Поэтому одна и та же буква можетъ изображать два, три, а иногда и большее число звуковъ: въ словѣ «молоко» каждое изъ трёхъ «о» имѣетъ особый оттѣнокъ; буква «а» въ словахъ «часъ», «часовщикъ», «часы» обозначаетъ различные звуки. Часто одна и та же буква въ одномъ и томъ же словѣ произносится различно, въ зависимости отъ того, какой звукъ за нимъ слѣдуетъ: *изъ* дома (въ предлогѣ *изъ* слышится «з»), *изъ* сада (въ предлогѣ *изъ* слышится «с»).

Этотъ на первый взглядъ недостатокъ нашего письма на самомъ дѣлѣ представляетъ большія выгоды, такъ какъ если бы мы захотѣли обозначить *всѣ* оттѣнки нашей рѣчи, то письмо получилось бы исключительно сложное и малоустойчивое.

Конечно, въ моментъ изобрѣтенія буквъ старались писать такъ, какъ произносили. Правописанія въ нашемъ смыслѣ слова ещё не было: господствовалъ принципъ *фонетическій*, было естественное стремленіе передать на письмѣ рѣчь возможно ближе къ произношенію.

Но языкъ живётъ, и жизнь его, какъ и всякая жизнь, проявляется въ разнообразныхъ измѣненіяхъ:

1) измѣняется *звуковой составъ* словъ. Напримѣръ, слово *стаканъ* звучало *стоканъ*, *ястребъ* — *ястрябъ*; буквы «ъ» и «ь» не были твёрдымъ и мягкимъ знаками, а имѣли особое

звуковое значеніе; частица *съ* («извольте-съ») образовалась изъ «су» отъ слова *сударь* (раньше *государь*), и т. п.;

2) измѣняется *значеніе словъ*. Напримѣръ, слово *верста* изъ первоначальнаго значенія 'борозда' получило слѣдующія значенія: мѣра длины; верзило; верстовой столбъ («только вёрсты полосаты попадаются однѣ»); рядъ предметовъ по прямой линіи («класть кирпичи въ одну версту»); пара, ровня («божественная и свѣтозарная версто, Борисе и Глѣбе...»); возрастъ («отъ молодой версты», «юнъ верстою» — отсюда слово сверстникъ);

3) измѣняются *флексіи*. Напримѣръ, слово *господа* склонялось когда-то, какъ *вода* («кланяемся вамъ, господѣ своей», «цѣлуемъ крестъ ко своей господѣ», «бѣжитъ отъ господы»); слова *медвѣдь*, *голубь* склонялись, какъ *путь*, и т. д.;

4) измѣняются *синтактическіе обороты*. Напримѣръ, въ лѣтописи читаемъ: «выгнаша осень (= осенью) князя»; «Куряне придоша коньми» (= на коняхъ); «Всеволодъ ожени сына своего Святослава Васильковною» (= женилъ на Васильковнѣ).

Въ теченіе долгихъ вѣковъ своей жизни русскій языкъ претерпѣлъ много и другихъ измѣненій, но намъ важно только отмѣтить здѣсь, что языкъ не остаётся неподвижнымъ, а имѣетъ очень сложную и интересную исторію. *Измѣненія въ произношеніи словъ, однако, не всегда измѣняли ихъ написаніе*, потому что время, литература и школа успѣвали вырабатывать извѣстную привычку, традицію писать соотвѣтственно прежнему произношенію словъ. Въ правописаніе, такимъ образомъ, мало-помалу вторгался *историческій* принципъ: писали такъ, какъ писали раньше. Поэтому мы сохранили «ъ» въ концѣ словъ, по старинѣ употребляемъ «ѣ» и т. п.

Наконецъ, въ цѣломъ рядѣ случаевъ мы пишемъ, руководствуясь не произношеніемъ словъ и не историческимъ преданіемъ, а сопоставленіемъ даннаго слова съ другими, ему родственными. Такой принципъ правописанія называется *этимологическимъ*.

Есть языки, въ орѳографіи которыхъ одинъ изъ этихъ принциповъ выраженъ болѣе ярко, чѣмъ другіе: такъ, французская орѳографія построена преимущественно на историческомъ принципѣ, въ нѣмецкой сильнѣе выражена фонетическая основа. Что касается нашей орѳографіи, то въ ней слиты всѣ принципы

и притомъ не всегда послѣдовательно. Такъ, въ силу *историческаго* преданія мы, какъ только что отмѣчено, сохраняемъ «ѣ» и «ъ». По *фонетическимъ* соображеніямъ пишемъ *вос, ис, нис, рас (рос)* передъ буквами *к, п, т, ф, х, ц, ч, ш, щ* и въ то же время по *этимологическимъ* соображеніямъ пишемъ *воз, из, низ, раз (роз)* передъ буквой *с*, а въ приставкахъ *без* и *чрез* никогда не мѣняемъ *з* на *с*. По *этимологическому* принципу мы пишемъ *лѣзть* черезъ *з*, а по *фонетическому* — *лѣстница* черезъ *с*.

Какъ уже сказано, литература и школа охраняютъ историческій принципъ, но охрана эта не всегда бдительна. Даже съ буквой *ѣ* не всё въ этомъ отношеніи благополучно, хотя её издавна охраняли особенно ревниво, и древніе русскіе книжники говорили: «вельми зазорно и укорно *ять* съ *естемъ* мѣшати, понеже отъ сего великое несмысленство ученію бываетъ». Напримѣръ, мы пишемъ *е* въ словахъ *ведро, семья, темя*[4] и нѣкоторыхъ другихъ, гдѣ нужно бы писать *ѣ*; съ другой стороны, мы пишемъ: *сѣкира, змѣй, Алексѣй* и др., вмѣсто правильнаго въ этихъ словахъ съ исторической точки зрѣнія *е*.

Помимо этого, литература и школа выработали рядъ искусственныхъ орѳографемъ. Таковы, напримѣръ, правила объ *е* и *я* въ имен.–винит. падежахъ множественнаго числа имёнъ прилагательныхъ, различеніе *они* и *одни* въ мужескомъ и среднемъ родахъ и *онѣ* и *однѣ* въ женскомъ. «Е и Я», — говорилъ въ «Россійской грамматикѣ» Ломоносовъ, — «нерѣдко за едино употребляются, особливо во множественномъ числѣ прилагательныхъ пишутъ, *святые* и *святыя*. Сіе различіе буквъ Е и Я во всѣхъ родахъ имёнъ прилагательныхъ никакова раздѣленія чувствительно не производитъ: слѣдовательно, обоихъ буквъ Е и Я во всѣхъ родахъ употребленіе позволяется; хотя мнѣ и кажется, что Е приличнѣе въ мужскихъ, а Я въ женскихъ и среднихъ». Или: «Различіе рода во множественномъ числѣ не весьма чувствительно, такъ что безъ разбору одинъ вмѣсто другого употребляются: однако, лучше въ среднемъ и женскомъ *онѣ*, а въ мужескомъ *они*»[5].

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ орѳографическія правила идутъ даже вразрѣзъ съ особенностями древнерусскаго языка: такъ,

---

[4] Учебники русской грамматики начала 19-го столѣтія требовали ещё написанія этихъ словъ черезъ *ѣ*.

[5] Впослѣдствіи *онѣ* стали писать только въ женскомъ родѣ.

формы «ея» русскій языкъ не зналъ, а исконная форма была «еѣ»[6].

Хотя русское правописаніе *неизмѣримо легче* французскаго и англійскаго, однако, на усвоеніе тонкостей его тратилось очень много времени, особенно въ низшей школѣ. Это было, конечно, ненужно ни съ общеобразовательной, ни съ узко-педагогической точки зрѣнія, но правописанію, въ силу цѣлаго ряда причинъ, стали у насъ придавать, начиная со второй половины 19-го вѣка, какое-то исключительное значеніе въ школѣ; правильные же методы обученія правописанію были извѣстны только меньшинству учителей. Вотъ почему за послѣднія 35 лѣтъ и въ педагогическихъ обществахъ, и на страницахъ спеціальной и общей повременной печати не разъ говорилось о необходимости упрощенія офиціальнаго Гротовскаго правописанія, въ цѣляхъ облегченія его усвоенія, а въ 1903 году Педагогическое общество при Казанскомъ университетѣ обратилось въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, съ просьбой отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

1) признаётъ ли Академія Наукъ правописаніе, рекомендованное академикомъ Я. К. Гротомъ, *своимъ?*

2) признаётъ ли Академія это правописаніе *научнымъ?*

3) не усматриваетъ ли сама Академія въ этомъ правописаніи внутреннихъ противорѣчій и притомъ такого рода, что они наводятъ на мысль о необходимости его систематизаціи въ томъ или другомъ смыслѣ?

Менѣе чѣмъ черезъ годъ Отдѣленіе получило и другой запросъ — отъ Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній, которое, ссылаясь на постановленія бывшаго въ декабрѣ 1903 года съѣзда преподавателей русскаго языка и словесности, просило Академію:

1) увѣдомить, признаётъ ли она руководство академика Грота своимъ офиціальнымъ изданіемъ, безусловно обязательнымъ для школъ;

---

[6] У Тургенева въ разсказѣ «Стучитъ» мужикъ Филоѳей на вопросъ, знаетъ ли онъ дорогу, даётъ отвѣтъ: «Да какъ *еѣ* не знать-то!» Это и есть настоящая русская форма, а *ея* — книжное заимствованіе изъ древнеболгарскаго. Ломоносовъ очень хорошо зналъ, что русскій языкъ не имѣетъ формы *ея*, но ввёлъ эту форму, слѣдуя своему ученію о штиляхъ: «*Её* въ просторѣчіи, *ея* въ штилѣ употреблять пристойнѣе», — писалъ онъ въ «Россійской грамматикѣ».

2) поставить на обсужденіе вопросъ объ упрощеніи русскаго правописанія въ тѣхъ предѣлахъ, какіе сама Академія признаетъ цѣлесообразными.

Академія обстоятельно отвѣтила на эти вопросы, причёмъ заявила, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности, «признавая достоинства за трудомъ Я. К. Грота "Русское правописаніе", не можетъ, однако, считать безспорными, не подлежащими критикѣ, представленныя здѣсь рѣшенія различныхъ вопросовъ русскаго правописанія... На руководство академика Грота ошибочно было бы смотрѣть какъ на изложеніе требованій по правописанію, исходящихъ отъ Отдѣленія». Одновременно Отдѣленіе сообщало, что оно «не могло бы представить принципіальныя возраженія противъ мысли о желательности замѣнить правописаніе академика Грота другимъ, болѣе простымъ и болѣе систематичнымъ».

Отвѣтила Академія и на вопросъ о *научности* правописанія, и этотъ отвѣтъ не мѣшаетъ помнить тѣмъ, кто, несмотря на малую освѣдомлённость въ исторіи русскаго языка и его правописанія, особенно настойчиво заявляетъ о научности новаго правописанія: «Въ примѣненіи къ литературному языку, имѣющему за собою болѣе или менѣе длинное прошлое, *правописаніе должно представлять условный компромиссъ двухъ принциповъ — фонетическаго и историческаго.* Требованія правописанія, основывающіяся на каждомъ изъ двухъ этихъ принциповъ въ отдѣльности, *подлежатъ вѣдѣнію науки, которая опредѣляетъ, соотвѣтствуютъ ли эти требованія дѣйствительности, какъ по отношенію къ написаніямъ, передающимъ звуковыя различія, наблюдаемыя въ современномъ языкѣ, такъ и по отношенію къ случаямъ, въ которыхъ имѣется въ виду исторія звуковой стороны данныхъ словъ*; но самое соглашеніе этихъ разнородныхъ принциповъ, основывающееся на тѣхъ или другихъ практическихъ удобствахъ, находится внѣ контроля какой-либо иной науки, кромѣ логики, хотя логичность, послѣдовательность въ построеніи правилъ правописанія, конечно, не дѣлаетъ научнымъ самое правописаніе».

Какъ видимъ, соображенія Академіи Наукъ — единственно правильныя — ограничивали, казалось бы, кругъ упрощеній и ни въ коемъ случаѣ не могли бы привести къ той системѣ, кото-

рая теперь называется новымъ правописаніемъ. Съ точки зрѣнія Академіи, ничего нельзя было возразить противъ устраненія изъ Гротовскаго правописанія всего излишняго, искусственно сложнаго, случайнаго, противорѣчиваго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Академія Наукъ, какъ учёное учрежденіе, обязанное хранить культурныя цѣнности литературы и языка, не допускала мысли, чтобы разрушена была *вся* существующая система «компромисса фонетическаго и историческаго принциповъ» и чтобы создалась какая-то новая, въ которой была бы стёрта не только исторія *звуковой* стороны отдѣльныхъ словъ, но и многовѣковая исторія *флексивной* стороны языка. Однако, случилось нѣчто иное и для большинства академиковъ неожиданное.

Чтобы ясно представить обстановку, въ которой происходили первыя обсужденія вопроса объ упрощеніи правописанія, нужно вспомнить, что это было въ 1904 году. Оппозиціонныя и революціонныя настроенія нарастали, воздухъ былъ пропитанъ протестами всякаго рода и по всякому поводу. Въ старой орѳографіи многіе стали видѣть одинъ изъ способовъ, которымъ правительство держало народъ въ темнотѣ. Эта мысль находила особенно много приверженцевъ среди сельскихъ учителей, которые дѣйствительно страдали отъ слишкомъ строгихъ для начальной школы требованій по орѳографіи. И психологически совершенно естественно, что мысль о пересмотрѣ Гротовскаго правописанія превратилась мало-помалу въ мысль о рѣшительномъ разрушеніи всей системы русскаго правописанія, во имя якобы блага и просвѣщенія народа. Этимъ настроеніямъ, подкладка которыхъ была, въ сущности, только революціонно-политическая, поддались и нѣкоторые учёные.

Такова была общая обстановка, когда былъ поставленъ вопросъ объ упрощеніи правописанія. Всѣ ждали иниціативы со стороны Академіи Наукъ. Наконецъ, по постановленію Отдѣленія русскаго языка и словесности образовалась комиссія изъ 50 лицъ. Въ неё вошли, кромѣ представителей науки о языкѣ и другихъ соприкасающихся отраслей гуманитарныхъ наукъ, ещё представители школы, литературы и повременной печати.

Въ исторіи образованія этой комиссіи наиболѣе видную роль играли два покойныхъ академика, А. А. Шахматовъ и Ф. Ѳ. Фортунатовъ. Фортунатовъ принадлежалъ къ крайнему

теченію въ вопросѣ объ упрощеніи правописанія и слышать не хотѣлъ о скромныхъ размѣрахъ упрощенія, намѣчавшихся въ отвѣтѣ Академіи Наукъ по поводу Гротовскаго правописанія. По мнѣнію Фортунатова, ни въ какихъ проектахъ частичнаго упрощенія не слѣдовало принимать участія, если не будетъ поставленъ вопросъ объ уничтоженіи нѣкоторыхъ буквъ алфавита, главнымъ образомъ *ѣ*.

Шахматовъ придерживался болѣе умѣренныхъ взглядовъ и находилъ, что надо упорядочить наше правописаніе въ области тѣхъ орѳографемъ, установленныхъ Гротомъ, которыя не оправдывались ни фонетикой, ни исторіей языка и которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, создавали значительныя и ненужныя трудности при обученіи правописанію.

Многіе изъ участниковъ комиссіи думали, что въ итогѣ ихъ работы получится, благодаря неизбѣжности контроля и окончательной санкціи со стороны Академіи Наукъ, практически-цѣлесообразное и научно-оправдываемое упрощеніе, не противорѣчащее исторіи нашего литературнаго языка. Поэтому уступка Фортунатову представлялась извѣстнымъ тактическимъ пріёмомъ.

Первое засѣданіе комиссіи, опредѣлённымъ образомъ подобранной, состоялось *12 апрѣля 1904 года* въ залѣ Академіи Наукъ подъ предсѣдательствомъ покойнаго Великаго Князя Константина Константиновича. На этомъ засѣданіи, послѣ рѣчей академиковъ, делегатовъ педагогическихъ обществъ и другихъ, было *единогласно* признано желательнымъ *упростить* русское правописаніе. Но по вопросу объ упрощеніи правописанія въ связи съ измѣненіемъ алфавита мнѣнія раздѣлились: меньшинство находило, что надо упростить *безъ исключенія какихъ-либо буквъ изъ алфавита*, большинство высказалось за исключеніе *ѳ*, *ъ*, одного изъ начертаній *и* (т. е. *и* или *і*) и *ѣ*.

Голосованіе было по каждой изъ указанныхъ буквъ отдѣльное и притомъ закрытое, что въ своё время дало обильную пищу для насмѣшливыхъ остротъ. Результаты этого голосованія не лишены психологическаго интереса: *ѳ* привлекла только 3 голоса изъ 50, оба *и* — 11, *ъ* — 14, *ѣ* — 15. Эти цифры свидѣтельствовали о нѣкоторой неустойчивости голосовавшихъ, но, какъ бы то ни было, принципіальное рѣшеніе было вынесено. Послѣ

этого засѣданія и враги, и защитники старой орѳографіи обнаружили много страстности, что дало поводъ академику Коршу, во время одной изъ схватокъ по какому-то орѳографическому вопросу, сочинить слѣдующій экспромтъ:

Старинѣ я буду вѣренъ:
Съ дѣтства чтить её привыкъ.
Обезѳиченъ, обезъеренъ,
Обезъяченъ нашъ языкъ!

Для разработки проекта упрощенія, основаннаго на исключеніи изъ алфавита четырёхъ поименованныхъ буквъ, была избрана небольшая подкомиссія, въ которую вошли академики Коршъ, Соболевскій, Фортунатовъ и Шахматовъ и профессора и приватъ-доценты Бодуэнъ де Куртенэ, Р. Брандтъ, Буличъ, Н. Каринскій, Сакулинъ и авторъ настоящей статьи. Уже на первыхъ засѣданіяхъ подкомиссіи было высказано мнѣніе, что надо пересматривать правила правописанія, не считаясь съ постановленіемъ комиссіи объ исключеніи нѣкоторыхъ буквъ[7]. Но это мнѣніе, естественно, встрѣтило отпоръ по формальнымъ соображеніямъ: подкомиссіи дано было опредѣлённое заданіе, и, каковы бы ни были взгляды отдѣльныхъ ея членовъ, она обязана была представить въ комиссію предварительный проектъ, который послѣ утвержденія въ комиссіи долженъ былъ поступить на окончательное разсмотрѣніе въ Академію Наукъ. Отъ Академіи зависѣло, принять его или отвергнуть — цѣликомъ или частично.

Въ маѣ 1904 года подкомиссія опубликовала «Предварительное сообщеніе», вызвавшее очень много замѣчаній, возраженій и пожеланій буквально со всѣхъ концовъ Россіи. Полученный матеріалъ былъ тщательно разсмотрѣнъ орѳографической подкомиссіей, затѣмъ былъ составленъ докладъ для представленія въ комиссію, а самыя постановленія подкомиссіи были въ 1912 году напечатаны. Сущность ихъ сводится къ слѣдующему:

1) буква *ѣ* замѣняется буквою *е*;

2) буква *ѳ* замѣняется буквою *ф*;

---

[7] Это мнѣніе было высказано академикомъ Соболевскимъ, не желавшимъ исключенія «ятя», академикомъ Коршемъ, находившимъ полезнымъ ввести въ нашъ алфавитъ йотъ, и проф. Брандтомъ, стремившимся создать систему фонетическаго письма.

3) буква *і* замѣняется буквой *и*;

4) буква *ъ* въ концѣ словъ и въ серединѣ сложныхъ словъ уничтожается, но сохраняется какъ знакъ раздѣлительный, напр., въ словѣ *съёмка* и подобныхъ;

5) желательно, но не обязательно, различеніе на письмѣ *е* и *ё*;

6) въ прилагательныхъ, мѣстоименіяхъ и причастіяхъ, гдѣ въ старомъ правописаніи окончаніемъ женскаго и средняго рода было *я*, родъ не различается и всюду пишется *е*;

7) родительный падежъ единственнаго числа мужескаго и средняго рода прилагательныхъ, мѣстоименій, числительныхъ и причастій оканчивается на *ого* и *его*;

8) именительный падежъ множественнаго числа мѣстоименія *онъ*, *она*, *оно* для всѣхъ родовъ — *они*, числительнаго *одинъ*, *одна*, *одно* — *одни* (*однихъ*, *однимъ* и т. д.);

9) родительный падежъ мѣстоименія *она* — *её*;

10) приставки *воз*, *из*, *низ*, *раз (роз)*, *без* и *чрез* передъ согласными *к*, *п*, *т*, *ф*, *х*, *ц*, *ч*, *ш*, *щ* и *с* пишутся черезъ *с*.

Кромѣ того проектъ упрощенія коснулся правилъ переноса и правописанія нѣкоторыхъ нарѣчій[8].

Когда «Предварительное сообщеніе», а затѣмъ «Постановленія орѳографической подкомиссіи» были опубликованы, по вопросу о реформѣ правописанія очень быстро создалась обширная литература. Она свидѣтельствовала не только о возникшей распрѣ, но и о томъ, что *громадное большинство русскаго культурнаго общества подобной реформѣ не сочувствовало*. Этимъ объясняется, что проектъ былъ сданъ въ архивъ, и комиссія не созывалась вплоть до весны (11 мая) 1917 года, когда, по иниціативѣ тов. министра народнаго просвѣщенія Герасимова, Шахматовъ её созвалъ. Но въ этой комиссіи было немало новыхъ лицъ; изъ членовъ комиссіи 1904 года многихъ уже не было въ живыхъ, а нѣкоторые не пришли на засѣданіе.

Никакого обсужденія «Постановленій» не было: тов. министра народнаго просвѣщенія, по-видимому, даже не допускалъ мысли о необходимости что-то обсуждать, настойчиво требуя только голосованія en bloc. Общее настроеніе въ это время было таково, что торопливыя и легкомысленныя рѣшенія брали верхъ надъ стремленіемъ къ серьёзному обсужденію. На этомъ

[8] Подкомиссія рѣшительно высказалась противъ употребленія паерка (апострофа) вмѣсто раздѣлительнаго «ъ», но Мануйловъ его ввёлъ.

засѣданіи я выступилъ противникомъ предложенія Герасимова и въ своей рѣчи указалъ на всю недопустимость подобнаго отношенія къ одному изъ важныхъ вопросовъ нашей духовной культуры, но меня поддержали только немногіе, и циркулярами министра народнаго просвѣщенія проф. Мануйлова отъ 17 мая и 22 іюля 1917 года новое правописаніе было предложено къ введенію въ школы.

Академія Наукъ, къ счастью, своей руки къ этому акту не приложила, и мы такъ и не узнали, какъ не знаемъ и до сихъ поръ, ея мнѣнія. Реформа была принята въ атмосферѣ революціоннаго кипѣнія и при помощи революціонныхъ методовъ. Хотя я былъ всегда убѣждёнъ въ необходимости упростить и упорядочить Гротовское правописаніе, однако, такая расправа съ общей системой русской орѳографіи заставила меня выступить въ печати противъ мануйловскаго циркуляра со статьёй, которую я озаглавилъ «Приказъ № 1 въ области русскаго правописанія». Было несомнѣнно внутреннее родство между циркуляромъ Мануйлова и тѣмъ приказомъ № 1, которымъ было положено начало разложенію нашей арміи.

Впрочемъ, наша духовная культура оказалась сильнѣе воинской дисциплины: *несмотря на общую «революціонность», и очень многія школы, и рѣшительно вся печать, частью инстинктивно, а частью сознательно, дали отпоръ попыткѣ ввести новое правописаніе революціоннымъ способомъ.* Въ массѣ учебныхъ заведеній, по постановленію педагогическихъ совѣтовъ и родительскихъ комитетовъ, съ осени 1917 года продолжало примѣняться *исключительно* старое правописаніе, что же касается печати, то она, съ повседневной прессой во главѣ, упорно придерживалась стараго правописанія. Понадобились большевики съ ихъ «методами прививки новыхъ навыковъ», понадобились угрозы и насиліе, чтобы изгнать употребленіе стараго правописанія. Такимъ образомъ, *новая орѳографія, совершенно не будучи академической, стала большевицкой.*

Въ настоящее время насъ стараются увѣрить, что новому правописанію надо подчиниться потому, что оно «стало фактомъ». Аргументъ ходячій, но сомнительный: вѣдь фактомъ стала и совѣтская власть со всѣми ея пріёмами, фактомъ стало и многое другое.

Защитники новаго правописанія любятъ ссылаться на Шахматова, какъ на авторитетнаго проповѣдника реформы правописанія. Дѣйствительно, 11 мая 1917 года онъ предсѣдательствовалъ въ засѣданіи комиссіи, на которомъ, по настойчивому требованію революціоннаго министерства народнаго просвѣщенія, проектъ былъ принятъ. Но, какъ уже было замѣчено выше, Шахматовъ никогда не являлся слѣпымъ защитникомъ реформы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые боятся осудить себя за сдѣланную ошибку. Въ печати появились указанія близкихъ Шахматову лицъ на то, что реформа правописанія была «предметомъ раскаянія» его «въ послѣдніе годы». Не знаю, въ чёмъ выражалось это раскаяніе, но что мысль о зловредности реформы преслѣдовала его, для меня несомнѣнно. Мнѣ пришлось видѣться съ Шахматовымъ въ послѣдній разъ въ іюнѣ 1918 года. Результаты большевицкой работы уже сказывались: въ Петроградѣ появилось не только недоѣданіе, но и голоданіе, атмосфера рабства сгущалась всё болѣе и болѣе, печать была задушена, тюрьмы переполнены. Впечатлительный Шахматовъ чувствовалъ себя морально придавленнымъ, и на всей его фигурѣ лежала печать какого-то безысходнаго ужаса. При встрѣчѣ онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, который я слышалъ отъ него уже не разъ и съ которымъ онъ въ это время обращался ко всѣмъ своимъ друзьямъ и знакомымъ: «Какъ вы смотрите на то, что происходитъ? Чѣмъ всё это кончится?» Мы обмѣнялись мыслями, и вдругъ Шахматовъ торопливо, словно боясь, чтобы я его не прервалъ, началъ говорить: «А знаете, въ томъ, что происходитъ, отчасти и мы виноваты. Засѣданіе, въ которомъ мы приняли новую орѳографію, было по настроенію большевицкимъ. Вы были правы, назвавши циркуляръ Мануйлова приказомъ № 1. Мы тоже разрушители». Очевидно, Шахматова, какъ и многихъ другихъ, мучилъ вопросъ, нѣтъ ли и его доли участія въ разложеніи культурныхъ основъ русской жизни. По существу, Шахматовъ, конечно, былъ правъ въ своихъ самообличеніяхъ: *реформа правописанія прошла по тому пути, на которомъ было много психологически родственнаго большевизму.*

Такимъ образомъ, ссылка на Шахматова при добросовѣстной защитѣ новаго правописанія можетъ быть сдѣлана только

съ оговорками. Да если бы даже Шахматовъ и не усумнился въ цѣлесообразности реформы, то его авторитету можно было бы противопоставить не менѣе сильный авторитетъ академика Соболевскаго, опредѣлённаго противника искаженія нашего правописанія, и многихъ другихъ, болѣе или менѣе крупныхъ, учёныхъ.

Что касается возраженій противъ реформы въ ея крайнемъ видѣ, то въ своё время ихъ сдѣлано было много. Главныя изъ нихъ можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) *никто не имѣетъ права насильственно производить измѣненія въ системѣ установившейся орѳографіи*, такъ какъ орѳографія всякаго живого языка, имѣющаго за собой продолжительную исторію, «насквозь пропитана исторіей народа, отражаетъ всё его прошлое и въ замѣтной степени опредѣляетъ его будущее». Допустимы только такія измѣненія, которыя происходятъ исподволь, незамѣтно;

2) *въ реформѣ нѣтъ никакой настоятельной надобности*. Если усвоеніе нашего правописанія сопряжено со сравнительно большой ученической работой, то это объясняется не столько трудностью правописанія, сколько плохими методами обученія;

3) *реформа совершенно неразумна* безъ перепечатанія всѣхъ учебниковъ и всѣхъ классическихъ авторовъ.

Не всѣ возраженія были одинаковой силы и убѣдительности, но несомнѣнно было одно: крутая и насильственная ломка правописанія въ странѣ съ богатымъ литературнымъ наслѣдіемъ — недопустима. Система нашего новаго литературнаго языка и его правописанія началась съ геніальной «Россійской грамматики» Ломоносова, появившейся въ одинъ годъ съ открытіемъ нашего перваго университета, и съ тѣхъ поръ эта система развивалась и упорядочивалась безъ насильственныхъ потрясеній. Культурныя силы Россіи, за ничтожными исключеніями, дорожили полученнымъ богатствомъ, и *безъ помощи большевиковъ новая орѳографія не смогла бы, конечно, войти въ жизнь*.

Многихъ интересуетъ вопросъ, что представляютъ собою постановленія орѳографической подкомиссіи съ *научной* точки зрѣнія. Съ научной точки зрѣнія одинаково допустимо писать

и «её» и «ея», и «они» и «онѣ», и «доброго» и «добраго»*, и «хорошіе» и «хорошія». Съ «ятемъ», правда, дѣло обстоитъ болѣе сложно. Хотя онъ въ литературномъ произношеніи звучитъ одинаково съ «е», однако, во многихъ русскихъ (мало-, велико- и бѣлорусскихъ) говорахъ замѣны «ѣ» черезъ «е» не произошло; то же надо сказать и о Галиціи, и объ Угорской Руси. Ввиду этого, научная точка зрѣнія требуетъ къ «ятю» особо внимательнаго и бережнаго отношенія. Въ общемъ, противъ такъ называемой «научности» орѳографическая подкомиссія, несомнѣнно, не погрѣшила. Но въ этомъ отношеніи нужно помнить приведённыя уже мудрѣйшія слова нашей Академіи Наукъ: «Въ примѣненіи къ *литературному языку, имѣющему за собою болѣе или менѣе длинное прошлое*, правописаніе должно представлять условный компромиссъ двухъ принциповъ — фонетическаго и историческаго. Требованія правописанія, основывающіяся на каждомъ изъ двухъ этихъ принциповъ въ отдѣльности, подлежатъ вѣдѣнію науки, которая опредѣляетъ, соотвѣтствуютъ ли эти требованія дѣйствительности <...>, но самое соглашеніе этихъ разнородныхъ принциповъ, основывающееся на тѣхъ или другихъ практическихъ удобствахъ, находится внѣ контроля какой-либо иной науки, кромѣ логики, хотя логичность, послѣдовательность въ построеніи правилъ правописанія, конечно, не дѣлаетъ научнымъ самое правописаніе». Никто не станетъ отрицать, что нашъ литературный языкъ имѣетъ за собой скорѣе *болѣе*, чѣмъ *менѣе*, «длинное прошлое», и потому установившіеся въ его правописаніи компромиссы двухъ принциповъ, историческаго и фонетическаго, безнаказанно ломаться не могутъ. Правописаніе — часть нашей культуры, неотъемлемая часть нашей литературной исторіи. Нѣкоторыя измѣненія въ кругу этихъ компромиссовъ были и будутъ, но *разрушеніе всей системы* компромиссовъ, послѣ вѣковой блестящей исторіи нашей литературы, оправдано быть не можетъ: *это знаменовало бы собою участіе въ «нагроможденіи развалинъ», а не творческую*

* Въ изданіи 1964 года, видимо, ошибочно «добраго» стоитъ на первомъ мѣстѣ, а «доброго» на второмъ. Поскольку во всѣхъ остальныхъ примѣрахъ сначала даются слова въ варіантѣ упрощённой орѳографіи, а затѣмъ — въ орѳографіи традиціонной, то и здѣсь логично идти отъ плохого къ хорошему и сначала дать упрощённый варіантъ, а за нимъ — традиціонный. — *Прим. издателя.*

работу по усовершенствованію полученнаго отъ предковъ культурнаго наслѣдства.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что *свободная* Академія Наукъ такъ и оцѣнила бы большевицко-мануйловскую реформу, но мнѣнія свободной Академіи не спросили: или имъ не интересовались, или его боялись. Вся обстановка, въ которой была проведена реформа, насильственный характеръ ея внѣдренія, вопреки ясно въ своё время выраженному несочувственному отношенію къ ней всей нашей печати и большей части школы, несовершенство многихъ новыхъ орѳографемъ — *всё это должно заставлять насъ оберегать старую орѳографію и донести её до новой Россіи.* Въ новой Россіи она будетъ въ нѣкоторыхъ мелочахъ упорядочена, въ школахъ ей не будутъ отдавать исключительнаго вниманія, но прекрасная система ея, вырабатывавшаяся въ теченіе полутора вѣковъ, должна быть въ основѣ своей сохранена.

Ссылка на то, что старую орѳографію нельзя вернуть, такъ какъ Россія пишетъ *уже 5 лѣтъ* по новой, малоубѣдительна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наивна: по старой орѳографіи писали, подвергая её ничтожнымъ измѣненіямъ, *болѣе 150 лѣтъ.*

Возвращеніе къ старой орѳографіи будетъ тѣмъ легче, что большевики совершенно уничтожили народное образованіе, и отъ успѣховъ, которые были достигнуты въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія до-революціонной Россіей, ничего не осталось. Если ещё кое-что сохранилось въ высшей и средней школѣ, то народная представляетъ собою одни обломки. Пособій же и книгъ, напечатанныхъ по новой орѳографіи для школъ, почти не существуетъ.

Для кого «новая» Россія начинается съ большевиковъ, тотъ, само собой, долженъ защищать и новое правописаніе, одинъ изъ ихъ атрибутовъ, но кто не съ большевиками, тотъ долженъ старую орѳографію оберегать. Она одна изъ нашихъ большихъ культурныхъ цѣнностей, вѣрный спутникъ блестящаго періода нашей литературы.

У насъ любятъ искать примѣровъ въ другихъ странахъ, но разъ уже ихъ искать, то лучше всего обратиться къ тѣмъ языкамъ, орѳографія которыхъ неизмѣримо болѣе сложна и трудна, чѣмъ наша. Такими языками являются французскій и англійскій. Однако, всѣмъ извѣстно, какъ ревниво французы и англичане оберегаютъ «аристократическія» системы своихъ орѳографій

отъ попытокъ ихъ коренного измѣненія. Во Франціи и Англіи ясно понимаютъ, что усвоеніе нѣкоторыхъ культурныхъ цѣнностей вообще трудно, что эти цѣнности по самой своей природѣ въ полномъ объёмѣ доступны не всѣмъ. Но здѣсь одновременно такъ же ясно понимаютъ, что *упрощеніе* и *облегченіе* во что бы то ни стало могутъ привести не къ распространенію культуры, а къ оскопленію ея.

Правда, есть страна, которая рискнула провести реформу правописанія въ рѣзкомъ видѣ; это — Норвегія. Однако, не слѣдуетъ забывать, что всё населеніе Норвегіи равняется населенію до-революціоннаго Петрограда, и, кромѣ того, даже въ этой маленькой странѣ реформа вызвала большую смуту: тамъ сейчасъ существуетъ три орѳографическихъ системы. Чѣмъ кончится эта смута, предугадать, конечно, трудно, но ущербъ культурѣ уже наносится.

Новое русское правописаніе русскими дѣтьми нѣкоторой части Россіи можетъ быть усвоено легче, чѣмъ старое. Но пусть не увлекаются мыслью объ этомъ. Облегченіе ученія само по себѣ ещё не идеалъ, и *опрощеніе* ученія только понижаетъ общій уровень тѣхъ, которые способны къ высшей духовной культурѣ. Съ орѳографической же неграмотностью нѣкоторой части населенія нужно мириться такъ же, какъ съ недоступностью для массъ цѣлаго ряда дисциплинъ, научныхъ идей и фактовъ. Прошедшій французскую или англійскую начальную школу пишетъ, mutatis mutandis, гораздо безграмотнѣе, чѣмъ кончавшіе нашу прежнюю, далёкую отъ совершенства, начальную школу, но упрощеніе правописанія только во имя облегченія его усвоенія показалось бы французамъ и англичанамъ варварствомъ.

При сравнительной оцѣнкѣ нашего новаго и стараго правописанія надо, кромѣ того, отмѣтить, что, какъ показалъ опытъ, иностранцы усваиваютъ нашъ языкъ по старой орѳографіи съ большей лёгкостью. Психологически это понятно: при новой орѳографіи образы словъ сливаются, слова теряютъ свою индивидуальность, однообразіе утомляетъ и не даётъ почвы для отчётливаго различенія явленій языка.

Въ заключеніе нельзя не сказать, что намъ, подобно французамъ и англичанамъ съ ихъ высокой культурой, лучше не разсыпать связи «съ предковскими преданіями», не стремиться

къ тому, чтобы «всё казалось обновлённѣе», и не видѣть особаго почёта въ положеніи тѣхъ, кого «только вчера насѣдка подъ крапивой вывела».

Проф. **Н. Кульманъ.**

Геннадій Александровичъ Барабтарло
докторъ филологическихъ наукъ,
профессоръ русской словесности Миссурійскаго университета
(Колумбія, Соединённые Штаты Америки)

Инородная рѣчь
(О переводѣ съ русскаго на русскій)

Три публикуемые здѣсь отрывка изъ печатныхъ интервью и изъ послѣсловія къ русской «Лаурѣ» Набокова были собраны въ приложеніи къ моей книгѣ «Сочиненіе Набокова» (Пбгъ, изд-во Ивана Лимбаха, 2011). Для настоящаго изданія я ихъ ревизовалъ, гдѣ поверхностно, гдѣ капитально.

Я хотѣлъ бы прибавить одинъ важный пунктъ. Сколько мнѣ извѣстно, совсѣмъ не замѣчено, что кромсательной реформѣ подверглась не только русская письменность, но заодно съ нею и ея высокій учредитель, законодатель и наставникъ — языкъ церковно-славянскій. Если первая была изуродована декретомъ власти вполнѣ и открыто богоборческой, не распространявшимся, однако, ни на какіе иные помимо русскаго языки, то церковно-славянскій былъ искажёнъ по новымъ правиламъ совѣтской церковной властью гораздо позже и безъ всякаго шума, какъ нѣчто само собой разумѣющееся. Всѣ новыя (т. е. не репринтныя) славянскія изданія Св. Писанія, служебныхъ, частныхъ, учительныхъ и проч. книгъ какъ ни въ чёмъ не бывало слѣдуютъ правиламъ не церковно-славянскаго, но совѣтскаго правописанія. Такъ издаются не только молитвословы, но и даже служебныя минеи — напримѣръ, такъ называемыя «зелёныя минеи» въ 24-хъ томахъ, изданіе особенно цѣнное своимъ составомъ (множество службъ русскимъ святымъ), открыть которое, однако, такъ же больно, какъ видѣть на фотографіи наскоро обритое тюремнымъ брадобреемъ благообразное лицо священника по доставленіи его въ слѣдственный застѣнокъ. Вотъ когда вполнѣ сбылись слова Лихачёва, что декретная реформа стоитъ въ ряду съ изъятіемъ и оскверненіемъ церковныхъ цѣнностей!

Надпись на подножьѣ памятника свв. Кириллу и Меѳодію на Славянской площади въ Москвѣ (б. Ногина) старательно пытается воспроизвести славянское правописаніе, вплоть до числоразличительнаго употребленія прописной и строчной «есть» и до діакритическихъ знаковъ. Въ концѣ, однако, ваятель (Клыковъ) знаменательно срывается: во фразѣ «Благодарная Россія» послѣднее слово испорчено сразу двумя орѳографическими ошибками. До настоящей Россіи — на дѣлѣ, а не напоказъ благодарной «первоучителемъ словенскимъ», — по-видимому, ещё далеко.

Г. Б., Колумбія, Миссури,
26 октября 2016.

1.

Въ началѣ декабря 2009-го года, сразу по шумномъ выходѣ въ свѣтъ неоконченнаго романа Набокова *Лаура и ея оригиналъ* въ моёмъ переводѣ на русскій языкъ, мнѣ прислалъ свои вопросы журналистъ Дмитрій Бавильскій, тогдашній редакторъ эѳирнаго журнала «Частный Корреспондентъ». Это былъ одинъ изъ двухъ случаевъ, когда мои отвѣты были помѣщены въ томъ видѣ, въ какомъ были посланы, т. е. согласно русскому правописанію. Это обстоятельство, равно какъ мои объясненія, вызвали шквалъ возмущённыхъ, оскорблённыхъ или пытающихся оскорбить откликовъ: по увѣренію г-на Бавильскаго, его частный журналъ читало сорокъ тысячъ анонимовъ. Когда послѣ выстрѣла въ тирѣ увеселительнаго парка начинаетъ бѣшено вертѣться мельница, а заяцъ бить въ литавры какъ въ ладоши, то, значитъ, стрѣлявшій попалъ въ цѣль. Заглавіе и вступленіе принадлежатъ г-ну Бавильскому; какъ и его вопросы, они по настоянію издателя настоящаго сборника транслитерированы по правиламъ русской орѳографіи.

Геннадій Барабтарло: «Не иначе какъ десницею…»

Переводчикъ набоковскаго романа «Лаура и ея оригиналъ» о старомъ правописаніи и новой публикаціи

Одной изъ главныхъ сенсацій мірового книгопечатанья въ этомъ году стала публикація послѣдняго, незавершённаго романа Владиміра Набокова «Лаура и ея оригиналъ».

На русскій языкъ романъ этотъ, изданный «Азбукой», перевёлъ Геннадій Александровичъ Барабтарло, который отказывается отвѣчать на вопросы, связанные съ собой, считая ихъ личными, но достаточно подробно разсказываетъ о Набоковѣ и своей работѣ надъ переводомъ «Лауры».

Почему вы настаиваете на публикаціи вашихъ отвѣтовъ съ «ерями» и «ятями»? Чѣмъ эта ваша личная инициатива можетъ помочь русской словесности?

Вашъ вопросъ есть слѣдствіе недоразумѣнія. Русское правописаніе для меня такъ же естественно, какъ вашимъ читателямъ совѣтское. Это не поза и не чудачество, не говоря уже объ «инициативѣ» или желаніи «помочь русской словесности».

Помочь общему возрожденію не только словесности, но и вообще русской цивилизаціи могло бы безусловное и массовое отшатываніе рѣшительно отъ всего, произведённаго совѣтской властью, какъ отшатываются съ отвращеніемъ отъ порчи или заразы, и это едва ли не въ первую очередь относится къ рѣчи, во всѣхъ ея формахъ, въ томъ числѣ и письменной (литературный языкъ — послѣдняя и наименьшая забота). Нужно обучать русской грамотѣ въ начальныхъ школахъ, но для этого нужно учить учителей, а для этого нужно сознаніе необходимости контрреволюціонной реформы языка — и тѣмъ самымъ перемѣны и самого сознанія. Разомкнуть этотъ кругъ человѣку не подъ силу, но къ счастью для себя, человѣкъ только предполагаетъ.

Между прочимъ, «ерей» большевицкая реформа не отмѣняла; это славянское названіе буквы было вытѣснено довольно несуразнымъ (и съ научной точки зрѣнія невѣрнымъ) «мягкимъ знакомъ». Вы конечно имѣете въ виду не «ерь», а «еръ», упразд-

нённый на согласномъ концѣ слова, гарнитурныя литеры котораго были во исполненіе буквы декрета уничтожены въ большихъ типографіяхъ сознательной чернью такъ ревностно, что ихъ долго потомъ недоставало, и потому въ совѣтской печати, а оттуда и на письмѣ, на поколѣніе утвердился пріёмъ ставить по необходимости апострофъ въ серединѣ слова («из'ятие», «от'явленный» и т. п.).

Китайскій врачъ прежде всего проситъ паціента, на что бы тотъ ни жаловался, показать языкъ и долго, минутъ десять, его изучаетъ. О пореформенномъ русскомъ, прежде чѣмъ перейти къ діагностикѣ внутреннихъ болѣзней, можно по однимъ только языковымъ симптомамъ («Красноватый налётъ. Типунъ. Урѣзанъ») заключить объ искривленіи позвоночника и сердечной недостаточности.

За тѣ нѣсколько лѣтъ, что я печатаю свои сочиненія или переводы въ Россійской Федераціи (только книжка стиховъ была набрана орѳографически правильно), мнѣ случилось прочитать немало насмѣшливыхъ, недоумѣнныхъ, фантастическихъ, презрительныхъ или возмущённыхъ («куда смотрятъ корректоры!», «кто позволилъ!») отзывовъ по этому именно поводу. Я отсылаю тѣхъ, кому любопытно знать моё мнѣніе, къ своему послѣсловію къ «Лаурѣ» (и къ предисловіямъ ко всѣмъ другимъ изданіямъ Набокова въ моёмъ переводѣ).

Какъ вы готовились къ переводу «Лауры и ея оригинала»?

Нисколько не готовился. Вообще говоря, я берусь за переводы довольно рѣдко и между дѣломъ, и притомъ непрофессіонально, т. е. не изъ денегъ, а въ частныхъ видахъ. Когда-то давно я переводилъ Набокова въ видахъ совершенствованія собственнаго слога и болѣе глубокаго пониманія его сочиненій, т. к. нѣтъ лучшаго способа изучить чужеязычное сочиненіе, чѣмъ честно перевести его на свой языкъ. Переводъ романа можно уподобить процессу демонтажа и сборки сложнаго механизма, съ числомъ деталей, близкимъ къ числу составляющихъ книгу словъ, каждое изъ которыхъ должно быть взвѣшено въ рукѣ.

За переводъ «Лауры» я взялся не потому, что высоко ставлю своё умѣнье, а главнымъ образомъ для того, чтобы устранить возможность легальнаго появленія этой вещи на совѣтскомъ жаргонѣ,

который повсемѣстно замѣнилъ собою родной языкъ Набокова (или Неплюева, или Новосёлова, вообще любого образованнаго русскаго).

Если переводы между дѣломъ, то какое дѣло для васъ является главнымъ?

Смотря по тому, что называть «главнымъ дѣломъ». Моё академическое мѣсто доставляетъ мнѣ постоянное жалованіе и перемѣнное удовольствіе: больше тридцати лѣтъ я читаю въ одномъ губернскомъ университетѣ курсы по русской литературѣ (иногда и кинематографу) студентамъ и аспирантамъ. Предполагается, что всякій профессоръ въ нынѣшней Америкѣ занимается научной дѣятельностью (гораздо болѣе важной для его карьеры, чѣмъ педагогическая), которая должна непремѣнно и регулярно приносить печатные плоды. Поэтому я пишу учёныя статьи и книги, дѣлаю доклады и т. д., впрочемъ теперь не такъ часто, какъ прежде, до производства въ ординарнаго профессора, когда это было и практически необходимо.

Но если Вы спрашиваете о моихъ письменныхъ занятіяхъ, внѣ и помимо служебныхъ обязанностей я иногда сочиняю въ стихахъ и въ прозѣ, по-англійски и по-русски.

Для того, чтобы осуществить переводъ, пытались ли вы представить романъ внутри себя какъ нѣкое цѣлое, законченное произведеніе? И какъ тогда, по вашему мнѣнію, оно должно было бы развиваться?

Собственно для перевода этого не требуется: иныя роли лучше играть, не зная всего сценарія. Представить себѣ весь романъ по той трети или четверти, которая была изъ него записана, невозможно именно оттого, что методъ сочиненія Набокова не поддаётся реконструкціи. Здѣсь къ тому же композиціонная и повѣствовательная стратегія предполагаетъ вставной, внутренній романъ, о чёмъ говоритъ и названіе, что дѣлаетъ всякія предположенія обо всей книгѣ совершенно фантастическими. Я только предложилъ считать три карточки записью финала романа, и объясняю свою

мысль въ послѣсловіи. Съ нѣкоторой — весьма, впрочемъ, небольшой — долей вѣроятія можно вообразить, что герой внутренняго романа, Филидоръ Соважъ, телепатически истребляетъ свою невѣрную жену Лауру съ мстительной постепенностью, «отъ ногъ до гребёнокъ».

Къ какому роману Набокова, по вашему мнѣнію, «Лаура и ея оригиналъ» могла бы быть близка или хотя бы намекала своимъ строемъ и наполненіемъ?

Въ томъ же послѣсловіи я указываю нѣсколько. Собственно, «Лаура и ея оригиналъ», въ томъ разрозненномъ видѣ, въ какомъ она была оставлена, чрезвычайно напоминаетъ въ одномъ тематическомъ отношеніи послѣдній напечатанный романъ Набокова «Посмотри на арлекиновъ!»: и тамъ и тутъ выведены, какъ на смотръ, «другія сочиненія того же автора» (какъ обычно пишутъ на оборотѣ титульнаго листа), но не въ своёмъ настоящемъ видѣ, а съ разными смѣщеніями и осмысленными деформаціями.

Какой Набоковъ вамъ ближе, берлинскій Сиринъ или американскій Набоковъ, пишущій по-англійски?

Я, пожалуй, не знаю русскихъ эмигрантовъ изъ числа любителей литературы, которые не предпочитали бы русскаго Набокова англійскому, что довольно естественно. Такъ думала и покойная сестра его, Елена Владиміровна Сикорская, которая, въ отличіе отъ большинства даже и искушённыхъ въ литературѣ русскихъ, глубоко понимала и англійскія вещи брата. Но одно дѣло «ближе», а другое «лучше», и въ извѣстномъ артистическомъ смыслѣ англійскій Набоковъ ушёлъ далеко отъ Сирина, въ томъ же общемъ направленіи. Эта тема завела бы насъ дальше, чѣмъ принято въ такихъ бесѣдахъ. Скажу только, что стальными пальцами протеза можно гнуть пятаки, но затруднительно подбирать ихъ съ полу, и что нѣкоторыя вещи могутъ быть названы по-англійски, но не по-русски. Хорошо это или нѣтъ, другой вопросъ.

Меня всегда интриговалъ способъ набоковской работы — писаніе на карточкахъ. Какъ на вашъ взглядъ, это помогаетъ

разгадкѣ замысла или, напротивъ, запутываетъ? Удобный ли это способъ конструированія романа?

Онъ сталъ записывать на разлинованныхъ оксфордскихъ карточкахъ «Лолиту» отчасти потому, что удобнѣе писать, держа такую карточку на колѣнѣ или на ладони: большая часть книги была написана во время лѣтняго автомобильнаго путешествія на западъ Америки. Смежныя по темѣ или сценѣ стопки онъ стягивалъ широкой резинкой, потомъ клалъ въ коробку. Техническія преимущества такого способа передъ записью на листахъ бумаги для Набокова очевидны. Онъ, какъ извѣстно, сочинялъ свои книги въ воображеніи, цѣликомъ и въ значительныхъ подробностяхъ, а записывалъ и развивалъ темы и соединялъ части потомъ, причёмъ не подрядъ и обычно не отъ начала. Это, конечно, дѣлаетъ задачу даже частичнаго возстановленія не дописаннаго на ¾ текста вдвойнѣ неразрѣшимой.

Какъ вы думаете, какъ бы Набоковъ отнёсся къ изобрѣтенію компьютера? Пользовался бы имъ? А интернетомъ?

Вѣроятно, съ живымъ любопытствомъ; но пользоваться сомнительными услугами вычислительныхъ машинъ скорѣе всего не сталъ бы, предоставивъ это женѣ или секретарю. Вы знаете, что онъ никогда не садился и за пишущую машину, которая была изобрѣтена незадолго до его рожденія. Для этого много причинъ практическаго и философическаго характера, но главная въ томъ, что всякій настоящій писатель знаетъ, или по крайней мѣрѣ чувствуетъ, тончайшую, но ненарушимую связь между образомъ выраженія (въ его высшихъ формахъ) и правой рукой съ писчимъ инструментомъ межъ трёхъ пальцевъ. Первоначальна только рукопись, а никакъ не машинопись. Строго говоря, ни одинъ шедевръ ни въ прозѣ, ни тѣмъ болѣе поэтическій не былъ и не можетъ въ принципѣ быть написанъ иначе какъ десницею. На ремингтонахъ и макинтошахъ можно сочинять или «писать» всякую всячину (не говорю тутъ о перепечатываніи перебѣлённой рукописи, это дѣло обычное), что и дѣлается сплошь, но такимъ искусственнымъ опосредованнымъ способомъ ничего нельзя создать въ высшихъ художественныхъ разрядахъ.

Переводя «Лауру и ея оригиналъ», перевоплощались ли вы въ автора?

Помилуйте, я вѣдь не актёръ. Да и ничего такого для честнаго перевода не требуется: нужно главнымъ образомъ максимальное (техническое и историческое) знаніе обоихъ языковъ и знаніе стиля перелагаемаго автора. Нуженъ кромѣ того воспитанный на хорошихъ образцахъ вкусъ и нѣкоторая сила въ правой рукѣ.

Пытаясь понять логику Владиміра Владиміровича изнутри, вы поняли о нёмъ что-то такое, чего не знали раньше?

Что касается «Лауры», то, читая и разбирая её для своей задачи, я, пожалуй, почувствовалъ острѣе, чѣмъ прежде, какими путями Набоковъ продёргиваетъ нить темы смерти, всегда поблёскивающую въ его книгахъ, но здѣсь (какъ, въ меньшей степени, и въ предыдущемъ романѣ) звучащую другимъ тономъ и съ другой высотой, можетъ быть менѣе увѣренно. Передъ лицомъ смерти самый увѣренный въ себѣ сочинитель можетъ иначе смотрѣть на свои сочиненія. «Даръ» кончается словами «…и не кончается строка»; «Евгеній Онѣгинъ» — «Блаженъ, кто праздникъ жизни рано / Оставилъ, не допивъ до дна / Бокала полнаго вина, / Кто не дочёлъ ея романа, / Кто вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ».

Набоковъ не дописалъ своего послѣдняго романа, и скончался, не кончивъ строки, но — какъ я пытаюсь показать въ концѣ своего послѣсловія, — можетъ быть, когда онъ понялъ, что умираетъ, эта книга, да и самое сочиненіе книгъ, не имѣли уже для него прежняго значенія, и оттого-то онъ — какъ знать? — просилъ жену сжечь написанное: за ненадобностью.

2.

Въ началѣ 2010-го года, когда первая волна ажитаціи спала, а вторая, пониже, ещё не поднялась, неожиданно пришла просьба объ интервью изъ журнала «русско-украинской роскоши» съ названіемъ «Платинумъ». Я хотѣлъ было отказаться подъ благовиднымъ предлогомъ, но г-жа Марина Козленко, чрезвычайно любезный ихъ репортёръ, съ готовностью приняла моё казавшееся

мнѣ неисполнимымъ въ сёмъ случаѣ условіе печатать по русскому правописанью, и я согласился. Номеръ съ моими отвѣтами задержался выходомъ, какъ оказалось, отчасти оттого, что художнику пришлось спеціально рисовать «ять» для наборной гарнитуры! Узнавъ объ этомъ, я почувствовалъ себя неловко, какъ привередливый гость, ради котораго его добрые хозяева, зная загодя о его аллергіи, рѣшили держать свою кошку въ чуланѣ во всё время званаго обѣда. Наконецъ въ маѣ номеръ вышелъ, дѣйствительно на роскошной бумагѣ, и тамъ это интервью оказалось между молодымъ Наполеономъ, рекламирующимъ часы Брегета за годъ до рожденія Пушкина, и духами «Императорское величество» (четверть милліона долларовъ за флаконъ). Лаура Вайльдъ оцѣнила бы это единственное въ своёмъ родѣ сосѣдство.

«Лаура и ея оригиналъ» — не первая книга Владиміра Набокова, надъ переводомъ которой вы работали. Разскажите, пожалуйста, что ещё изъ наслѣдія классика вы перевели?

Не первая, вы правы, и однако нужно сказать, что я занимаюсь переводами между прочимъ и время отъ времени. Я читаю лекціи по русской литературѣ въ одномъ казённомъ университетѣ и, какъ положено американскому профессору, пишу учёныя статьи, дѣлаю доклады и т. д. Кромѣ того я сочиняю въ стихахъ и прозѣ. Переводы служатъ отличнымъ пособіемъ и въ научномъ изслѣдованіи, т. к. нѣтъ болѣе надёжнаго способа досконально изучить произведеніе словеснаго искусства, и въ художественномъ, ибо переводъ служитъ отличнымъ шлифовальнымъ станкомъ для оттачиванія слога и средствъ выраженія.

Больше двадцати пяти лѣтъ тому назадъ я издалъ въ Америкѣ русскій переводъ «Пнина», начатый ещё въ Москвѣ, до эмиграціи изъ совдепіи. Его редактировала вдова Набокова, съ которой мы обсуждали едва ли не каждое слово: въ письмахъ и во время моихъ пріѣздовъ въ Монтрё, гдѣ мы съ ней, бывало, сидѣли часами надъ рукописью, несмотря на ея уже преклонный возрастъ. «Преклонный» и въ буквальномъ смыслѣ тоже, такъ какъ её сгибалъ остеопорозъ и ей нелегко было подолгу сидѣть. Четверть вѣка спустя я издалъ «Пнина» заново, начисто его передѣлавъ. Кромѣ того, я перевёлъ всѣ девять англійскихъ разсказовъ Набокова,

романъ «Истинная жизнь Севастьяна Найта», и его предисловія къ англійскимъ переводамъ его старыхъ русскихъ книгъ.

Почему вашимъ выборомъ сталъ именно этотъ писатель и его богатые, изощрённые, витіеватые, вычурные, полные отсылокъ и аналогій тексты?

Первыя два, а можетъ быть и три прилагательныхъ изъ этого ряда отчасти сами отвѣчаютъ на вашъ вопросъ; третье есть только частное слѣдствіе перваго, а четвёртое къ Набокову непримѣнимо, потому что узорчатость его письма отнюдь не производное прихоти или шаблона, но, напротивъ, есть результатъ строгаго расчёта и наивысшаго пониманія художественной задачи.

Набоковъ принадлежитъ вовсе не къ такъ называемымъ «классикамъ», какъ вы его назвали: такихъ теперь прудъ пруди. Онъ занимаетъ очень высокое мѣсто въ очень избранномъ и очень разобщённомъ въ пространствѣ и времени международномъ обществѣ сильнѣйшихъ художниковъ надъ-нобелевскаго, такъ сказать, класса. Ихъ очень мало, и списокъ ихъ имёнъ отнюдь не цѣликомъ совпадаетъ съ общепризнаннымъ перечнемъ классическихъ имёнъ. Средній читатель вѣдь невзыскателенъ, и его вкусъ несамостоятеленъ. Чтобы серьёзно и съ пользой читать Набокова, не довольно обычнаго литературнаго опыта; тутъ нужно высшее читательское образованіе.

Сила Набокова не столько въ словесномъ искусствѣ, сколько въ искусствѣ композиціи, гдѣ ему нѣтъ равныхъ. Подъ композиціей я разумѣю соотношеніе частей, сквозное движеніе темы, системы взаимодѣйствія тематическихъ ходовъ, координацію конца и начала, общую топографію книги и т. д. Онъ какъ никто умѣлъ съ равнымъ мастерствомъ называть и описывать въ поразительныхъ подробностяхъ и тварный міръ, доступный всѣмъ пяти чувствамъ (и особенно зрѣнію), и незримый міръ ощущеній и эмоцій. Болѣе того, во многихъ своихъ романахъ онъ пытался тонкими, незамѣтными даже искушённому читателю пріёмами изслѣдовать недоступную ни чувствамъ, ни умопостиженію область, которую можно назвать метафизической. Такой послѣдовательно и расчётливо трёхъярусной литературы, такого сочетанія испытующаго артистическаго взгляда сверху внизъ и одновременно снизу вверхъ — нигдѣ больше не встрѣтишь.

Съ какими сложностями Вы столкнулись, работая надъ «Лаурой и ея оригиналомъ»? Въ чёмъ специфика работы переводчика съ текстами Набокова и «Лаурой…» въ частности?

Вообще переводъ любой книги Набокова на любой языкъ — весьма трудное дѣло вслѣдствіе колоссальнаго богатства и разнообразія его лексики и чрезвычайной аналитической тонкости изобразительной и выразительной техники. Но переводить его англійскія сочиненія на *русскій* языкъ труднѣе всего, потому что его родного языка больше нѣтъ въ живыхъ, а тотъ, на которомъ теперь пишутъ и говорятъ, называя его русскимъ, представляетъ собой отдалённое и оскудѣвшее подобіе. То нарѣчіе, которое теперь въ общемъ употребленіи и которое Набоковъ называлъ «совѣтскимъ говоркомъ», такъ же мало пригодно для перевода его прозы, какъ малярная кисть для портретной живописи.

По состоянію русскаго языка можно многое сказать не только о состояніи, но и о составѣ народа, на нёмъ говорящаго и пишущаго. Страшное обѣднѣніе словаря съ одновременнымъ его испакощеніемъ блатной лексикой, политическими штампами и непереваренными заимствованіями; ободранное большевицкимъ декретомъ правописаніе, съ надорванной связью съ церковно-славянской исторической фонетикой и грамматикой; чудовищныя новообразованія, «компьютерный языкъ» и телеграфныя сокращенія; безцензурная площадная брань и вообще всякаго рода сквернословіе и гнилословіе — всё это, сдѣлавшись едва ли не нормой даже въ печати, не говоря уже о пиксельной эфемеріи и мало чѣмъ отъ нея отличающейся теперь рѣчи, неимовѣрно затрудняетъ переводъ русскаго писателя Набокова на его родной языкъ. Я никоимъ образомъ не могу сказать, что мнѣ удалось сдѣлать это удовлетворительно. Но я по крайней мѣрѣ ясно сознаю этотъ ограничительный порокъ средствъ выраженія и пытаюсь восполнить его, изучая и усваивая сколько возможно старые образцы.

Дополнительная трудность перевода «Лауры» заключается вовсе не въ ея фрагментарности, но въ значительно большей свободѣ и лексическомъ разнообразіи англійскаго языка по сравненію съ русскимъ во всёмъ, что касается области эротическихъ, особенно относящихся къ сферѣ пола, терминовъ и описаній. Русскій языкъ образованныхъ людей (разумѣю тутъ языкъ К. Д. Лёвина,

а не П. Е. Левина) сравнительно цѣломудренъ и такихъ описаній избѣгаетъ.

Извѣстно, что Набоковъ не хотѣлъ, чтобы «Лаура…» публиковалась. Онъ не успѣлъ закончить книгу и поэтому просилъ жену уничтожить записи. Она ослушалась, и вотъ сынъ и наслѣдникъ Набокова объявилъ о своёмъ рѣшеніи обнародовать черновики. Если не секретъ, какова ваша роль въ этой исторіи?

Вѣра Набокова однажды сказала мнѣ о существованіи рукописи и о томъ, что не можетъ пока рѣшиться исполнить волю покойнаго мужа спустя четыре года послѣ его смерти, въ гостиницѣ «Паласъ» въ Монтрё, гдѣ мы занимались русскимъ «Пнинымъ». Больше объ этомъ рѣчи между нами не было. Въ своёмъ послѣсловіи къ русскому изданію «Лауры» я привожу мѣсто изъ письма сестры Набокова Елены Сикорской, изъ котораго слѣдуетъ, что и она не знала о содержаніи карточекъ съ записаннымъ текстомъ. Когда въ мартѣ 2008 года Дмитрій Набоковъ обдумывалъ вопросъ, печатать или нѣтъ, я былъ среди тѣхъ нѣсколькихъ людей, къ кому онъ обратился за совѣтомъ, предварительно приславъ манускриптъ для изученія. Коротко говоря, я совѣтовалъ не печатать.

Если бы судьба «Лауры…» была въ вашей власти, что бы сдѣлали вы — опубликовали бы текстъ или уничтожили его? Какъ вы думаете, что важнѣе въ данномъ случаѣ — мнѣніе общественности (т. е. желаніе поклонниковъ прочитать романъ) или воля автора?

Между публикаціей и уничтоженіемъ есть мѣсто для неуничтоженія безъ публикаціи, т. е. того состоянія, въ которомъ рукопись пребывала тридцать два года.

На вашъ прямой вопросъ прямо отвѣтить и легко и трудно. Легко, потому что «мнѣніе общественности» безусловно не можетъ тутъ имѣть ни малѣйшаго значенія. Воля умирающаго автора, конечно, совсѣмъ другое дѣло, и тутъ трудность мучительная. Объ этомъ я пишу въ самомъ концѣ своего послѣсловія къ русскому изданію.

Что до моего мнѣнія, то, будучи сугубо частнымъ, оно не можетъ быть интересно публикѣ. Но можетъ быть, на мѣстѣ сына

я поддался бы соблазну сохранить нѣкоторыя мѣста, вставивъ въ спеціально сочинённую съ этой цѣлью повѣсть, можетъ быть тайно помѣтивъ симпатическими чернилами стиля или композиціи эти инкрустаціи, такъ, чтобы ихъ видно было только при нагрѣвѣ или на просвѣтъ.

Насколько мы знаемъ, единственное, что осталось издателямъ и, соотвѣтственно, вамъ какъ переводчику, — это полторы сотни каталожныхъ карточекъ съ набросками. Какъ повліяла на вашу работу незавершённость «Лауры…»? Этотъ нюансъ упростилъ или усложнилъ переводъ?

Пожалуй, легче переводить отрывки, потому что тутъ не нужно постоянно свѣряться съ чертежами, пригонять углы, прикладывать отвѣсъ къ стѣнамъ, пытаясь воспроизвести цѣлостную стройность законченнаго оригинала.

Какъ вы думаете, кто станетъ читателемъ «Лауры…» (кромѣ рьяныхъ почитателей Набокова)? Чѣмъ романъ можетъ заинтересовать молодыхъ русскоязычныхъ читателей, привыкшихъ больше читать «френдленты» и «твиттеры», нежели сложные и по смыслу, и по художественной формѣ тексты?

На второй вопросъ отвѣтить легко: *ничѣмъ*, и такъ оно и должно быть. Литература этого высшаго разряда — не для нихъ, и, болѣе того, даже и не для людей, привыкшихъ читать «вообще беллетристику». Здѣсь нѣтъ высокомѣрія нравственнаго, хотя есть ремесленное, но оно не должно быть никому въ обиду, т. к. любое художество ограничиваетъ доступъ къ тайнамъ своего искусства тѣмъ больше, чѣмъ оно искуснѣе, т. е. чѣмъ больше таланта и усилій надобно для его постиженія. Такого рода сегрегація существуетъ въ самыхъ разныхъ формахъ, и нечванливыми людьми обычно принимается какъ само собой разумѣющаяся разница въ склонности, способности, пониманіи, навыкѣ, опытѣ. Скажемъ, одни вовсе не умѣютъ играть въ шахматы, другіе «знаютъ ходы», третьи иногда играютъ съ племянникомъ (но берутъ ходы назадъ и вообще предпочитаютъ шашки), четвёртые — недурные любители, пятые — сильные практическіе игроки, дающіе фору про-

стакамъ на бульварѣ по цѣлковому за партію, и т. д. по восходящей. И есть профессіональные мастера, которые изучаютъ шахматы вглубь и практикуютъ игру съ дѣтства, и ихъ знаніе началъ и концовъ, пониманіе типическихъ позицій въ разныхъ стадіяхъ партіи, дальнобойный расчётъ ходовъ и т. д. отличаются отъ любителя шахматъ тѣмъ же кореннымъ образомъ, какимъ отличается музыкальное пониманіе піаниста отъ пониманія любителя популярныхъ пѣсенъ: одинъ, читая партитуру сонаты, наслаждается стройностью композиціи и фразировки, другой дёргаетъ колѣномъ въ тактъ знакомой мелодіи, пульсирующей между наушниками, и зѣваетъ до слёзъ въ залѣ концертной, куда его затащила подружка (а той отдала билеты товарка, которая выиграла ихъ въ лотерею у себя въ редакціи). Всё это никому не обидно и, повторю, само собой разумѣется. И только въ литературѣ отчего-то завелось рѣдко обсуждаемое правило, что школьная грамотность, и ужъ тѣмъ болѣе такъ называемое «высшее образованіе» въ какой бы то ни было области, позволяетъ человѣку постигать произведеніе искусства любой художественной сложности и высоты и, мало того, имѣть и даже высказывать о нёмъ сужденіе. Это, конечно, смѣшное заблужденіе. Серьёзная литература точно такъ же элитарна, какъ и серьёзная музыка, микробіологія или высшая математика, и для ея пониманія и о ней сужденія требуются склонность, способности, спеціальныя знанія, многолѣтній навыкъ чтенія, и тонкій, разборчивый вкусъ. Набоковъ писалъ именно для такихъ читателей.

Это не значитъ, что всѣмъ остальнымъ входъ въ міръ его книгъ заказанъ, но это значитъ, что случайные или неприготовленные посѣтители увидятъ только то, что бросается въ глаза, а у Набокова это чаще всего поставлено именно для *отвода* глазъ — отвода отъ очень важныхъ и даже, можетъ быть, полезныхъ ископаемыхъ, доступныхъ только опытнымъ старателямъ.

Разъ ужъ я упомянулъ шахматы и музыку, позвольте привести изъ книги, гдѣ двѣ эти темы сплетены, два примѣра тонкой психологической подтушёвки, разсчитанной на чуткое вниманіе опытнаго читателя. Въ «Защитѣ Лужина» безымянная (какъ и большинство главныхъ персонажей) тётка Лужина говоритъ ему: «Какой ты всё-таки хорошій мальчикъ». Это едва замѣтное *«всё-таки»* безъ объясненій пріоткрываетъ благодарному развѣдчику тайный ходъ за сцену, гдѣ невидимо для зрителя проходитъ

одна изъ главныхъ темъ книги. У отца Лужина романъ съ этой тёткой, двоюродной сестрой жены, и, очевидно, тамъ, за сценой, онъ ей жаловался на угрюмый, неотзывчивый нравъ сына. Толстой бы всё это непремѣнно растолковалъ, т. к. считалъ своего читателя неспособнымъ безъ его подсказки понимать такія вещи. Набоковъ же ставитъ своего читателя очень высоко, на то же мѣсто, гдѣ самъ стоялъ, когда писалъ.

Я хочу на этомъ примѣрѣ показать, что, въ то время какъ виртуозное мастерство *письма* Набокова замѣтно всякому (хотя не многіе понимаютъ, въ чёмъ собственно оно состоитъ), мастерства его психологической аппликатуры и несравненной композиціонной техники обычно не замѣчаютъ. О метафизикѣ нечего и говорить.

Что до «Лауры», то вѣдь это скорѣе болѣе, чѣмъ менѣе, загадочное собраніе отрывковъ, и оттого можно говорить только о достоинствахъ слога въ нѣкоторыхъ доступныхъ глазу или воображенію описаніяхъ. Нѣтъ зданія, только начатыя тамъ и сямъ работы; нѣтъ даже архитектурныхъ чертежей, только смѣты и нѣсколько эскизовъ. Поэтому одни читатели этой книги будутъ недоумѣвать (большинство), другіе же (сравнительно немногочисленные спеціалисты), въ зависимости отъ своего общаго отношенія къ Набокову, будутъ качать головой или потирать руки.

3.

У Пушкина есть забавное замѣчаніе: «Пріятель мой печаталъ свои сочиненія и имѣлъ удовольствіе потомъ читать о нихъ печатныя сужденія… что называлъ онъ въ своёмъ энергическомъ просторѣчіи — подслушивать у кабака, что говорятъ о насъ холопья». Каждому понятно, кто этотъ пріятель, но нелегко вообразить, что бы онъ сказалъ, если бъ имѣлъ возможность вылавливать о себѣ непечатныя, въ обоихъ смыслахъ слова, сужденія въ помутившемся синемъ морѣ всемірнаго эфемернаго журнала! Частные дневники, записные альбомы, долгіе дебаты, немыслимые и мгновенно переносимые слухи, — совершенно сознательно открыты любому постороннему взгляду изъ-за плеча.

Слухъ, причёмъ самый дикій, обо мнѣ прошёлъ по всей Руси Федеративной, и всякъ называлъ меня по-всякому: бѣлогвардейцемъ,

бѣжавшимъ отъ большевиковъ «въ какомъ-нибудь 1918 году», притворой, разыгрывающимъ публику, ретроградомъ, желающимъ отмѣны отмѣны крѣпостного права, рафинированнымъ спесивцемъ, докторомъ Кинботомъ, докторомъ Джекилемъ, мистеромъ Гайдомъ, рехнувшимся старымъ профессоромъ въ зелёномъ суконномъ сюртукѣ (это всё почти дословныя, хотя и припудренныя для печати цитаты), медіумомъ Набокова, ненавистникомъ лѣвшей и пишущихъ машинокъ, отрицателемъ всѣхъ совѣтскихъ достиженій науки и даже техники, включая поголовную электрификацію, ликвидацію безграмотности и духовенства, завоеваніе космическаго пространства и земного, отъ Бѣломорско-Балтійскаго канала до Волго-Донского, отъ Днѣпровской плотины и до Рифея, откуда льётъ Уралъ-рѣка (она металломъ отливаетъ; её навстрежь переплываютъ бойцы отряда РККА, держа винтовки надъ водой, — и съ ними дядька ихъ морской).

Всё тутъ, кромѣ медіума, зелёнаго сюртука и литературныхъ сравненій, или правда, или недалеко отъ нея. Но болѣе всего читателей русской «Лауры» взбудоражилъ ея языкъ: его составъ, его грамматика, его правописаніе, — и краткія историко-лингвистическія поясненія, содержащіяся въ послѣсловіи. Послѣдовавшія за выходомъ книги интервью только подлили масла въ огонь, который не погасъ и черезъ годъ. Ясно, что тутъ задѣтъ нервъ, и это конечно указываетъ на глубину залеганія этого важнѣйшаго вопроса, которую здѣсь неумѣстно было бы вскрывать. Однако не могу вовсе пройти мимо нѣкоторыхъ его особенностей и приведу то мѣсто изъ моего послѣсловія къ «Лаурѣ», которое вызвало наибольшее возмущеніе въ средѣ совѣтскихъ читателей.

Въ предисловіяхъ къ изданнымъ «Азбукой» въ моёмъ переводѣ «Пнину» и «Истинной жизни Севастьяна Найта» я пытался объяснить единственную въ своёмъ родѣ трудность перевода англійскихъ книгъ русскаго писателя Набокова на русскій же будто бы языкъ въ томъ отчаянномъ положеніи, въ которомъ родной его языкъ оказался въ нѣкогда родной его странѣ. Судя по всему, эти замѣчанія или не были замѣчены вовсе, или вызвали только непріязненное удивленіе и оживлённые дебаты на открытыхъ эфемерныхъ форумахъ о томъ, напримѣръ, для чего я пишу приставки «без-» и «чрез-» сплошь безъ оглушенія, съ разными болѣе или менѣе фантастическими предположеніями. (Между «живо-журналистами»,

пишущими нарочно на групповомъ ломаномъ языкѣ, бытуетъ заблужденіе, что нужно писать «без-», а не «бес-» по той причинѣ, что въ реформированномъ видѣ это написаніе множитъ поминаніе нечистой силы, не подозрѣвая по-видимому, что слово «бѣсъ» *пишется* черезъ ять, а съ другой стороны, забывая, что передъ глухимъ согласнымъ «без-» всё равно *произносится* «бес-».) Одинъ интеллигентный издатель (псевдонимъ: Васильевъ) написалъ мнѣ, что если мнѣ угодно пользоваться языкомъ *«Пушкина и Ивана Грознаго»*, то это моё личное дѣло, но что его изданію это не подходитъ, такъ какъ читатели просто рѣшатъ, что тутъ допущены грубѣйшія грамматическія ошибки. Одинъ трескучій журналъ съ благозвучнымъ названіемъ «Бизнесъ-Балтія» помѣстилъ рецензію, гдѣ говорится, что *«отъ этого небреженія современными нормами грамматики вѣетъ бѣлоэмигрантской спесью… кажется, дай ему волю, Барабтарло вернулся бы къ ѵжицамъ и ятямъ»*. Случалось, что за это и вправду лишали воли, но тамъ, гдѣ я это пишу, такая воля — писать по русскимъ правиламъ — мнѣ дадена, и я ею всегда и повсемѣстно пользуюсь. Однако тамъ, гдѣ мои русскія вещи печатаются, у меня ея нѣтъ, по очевиднымъ въ нынѣшнихъ условіяхъ практическимъ причинамъ. Пишу же я такъ вслѣдствіе коренного и совершенно неподдѣльнаго отвращенія отъ всякаго совѣтскаго даже мало-мальскаго изобрѣтенія и нововведенія; а здѣсь вещь важная.

Чтобы узнать температуру больного, градусникъ нужно ставить не куда-нибудь, а подъ языкъ. Въ 1928 году Дмитрій Лихачёвъ за изъятые у него при арестѣ тезисы непревзойдённаго по глубинѣ пониманія доклада объ убійственномъ вредѣ введённой въ совдепіи орѳографіи получилъ пять лѣтъ концентраціоннаго лагеря «особаго назначенія». И когда десятки лѣтъ спустя ему позволили снять съ нихъ копію въ архивѣ ленинградской тайной полиціи и онъ ихъ напечаталъ — въ томъ видѣ, въ какомъ они были написаны, по «старой, традиціонной, освящённой, исторической русской орѳографіи» (изъ заглавія его доклада), то въ набранномъ семистраничномъ текстѣ я насчиталъ *восемьдесятъ* орѳографическихъ ошибокъ наборщика и бросилъ считать; набирать и корректировать по несовѣтскимъ правиламъ въ 1993 году уже было некому[1]. Иные

[1] *Д. С. Лихачёвъ.* Статьи раннихъ лѣтъ. Тверь, 1993. С. 7–14. Теперь я её перечёлъ и насчиталъ *сто девять* орѳографическихъ ляпсусовъ. Кстати объ орѳографіи и проч.: на оборотѣ титульнаго листа сказано: «Книга издана съ участіемъ акціонернаго общества “Пожзащита”». Эта культяпая *пожзащита* краснорѣчивѣе суммы смысловъ ея составляющихъ.

изъ разсудительныхъ, но несвѣдущихъ обладателей аттестатовъ зрѣлости и дипломовъ «вузовъ» (вотъ краткое, но дивное словцо) повторяютъ бродячій сюжетъ о «приготовленной ещё до революціи реформѣ», которую большевики, извѣстные вообще умѣніемъ сказку сдѣлать былью и наоборотъ, только, молъ, провели и закрѣпили декретомъ. Эти люди не знаютъ ни исторіи, ни существа, ни изнанки этого вопроса, и тѣхъ изъ нихъ, кто заблуждается искренно, я отсылаю къ помѣщённому въ этомъ сборникѣ старому и неоспоримому свидѣтельству профессора Кульмана, члена той самой академической комиссіи по реформѣ[2].

Крушеніе языка нельзя, конечно, свести къ одному искалѣченному правописанію: мнѣ попадались тексты, написанные безупречно съ точки зрѣнія русской орѳографіи, но на всё томъ же утломъ совѣтскомъ діалектѣ. Лексически, тотъ языкъ, что теперь во всеобщемъ употребленіи, съ одной стороны, чудовищно оскудѣлъ противъ настоящаго русскаго языка, съ другой — нещадно засорёнъ и осквернёнъ; наслѣдственныя связи разорваны; естественный строй фразы изломанъ; произношеніе и интонаціи не коробятъ слуха «русско-язычниковъ», по формулѣ одного замѣчательнаго митрополита, оттого, что они на слуху у всѣхъ отъ рожденія въ третьемъ поколѣніи[3]. Этотъ говорокъ ими усвоенъ какъ подлинный и природный; дѣйствительно же природный русскій языкъ именно коробитъ ихъ какъ иностранный выговоръ. Любимая ихъ бездумная поговорка «всякій живой языкъ *развивается*» неосновательна не только оттого, что русскій языкъ былъ обезображенъ *насильственно* и въ продолженіе исторически относительно короткаго времени, прежде всего путёмъ уничтоженія *en masse* лучшихъ изъ тѣхъ, кто говорилъ и писалъ на нёмъ, но и оттого ещё, что слово «развивается» не указываетъ направленія: развивается вѣдь и тяжёлая болѣзнь, и отъ исхода этого развитія, т. е. прекратится ли оно и, дойдя до кризиса, пойдётъ вспять, или нѣтъ, — зависитъ жизнь больного.

Современныя нормы наряжены и закрѣплены негодными нормировщиками въ исключительно неблагопріятныхъ условіяхъ.

---

[2] *Проф. Н. Кульманъ.* О русскомъ правописаніи // Русская Мысль. Кн. VI–VIII. Берлинъ, 1923.

[3] См. «Языкъ революціонной эпохи» А. М. Селищева (М., 1928), замѣчательный ранній трудъ объ искаженіи русскаго языка уже въ первыя восемь лѣтъ послѣ переворота.

Съ другой стороны, вѣдь и Набоковъ — бѣлоэмигрантъ, и нѣтъ спеси въ томъ, что его переводчикъ пытается доступными ему средствами воспроизвести родную имъ обоимъ рѣчь[4]. Какъ разъ такъ называемая совѣтская школа перевода привыкла къ насилію надъ оригиналомъ, и тамъ дѣйствительно имѣется и собственное правописаніе, и собственная гордость, и тамъ на буржуевъ смотрятъ свысока и переводятъ ихъ по-свойски.

Нѣтъ у меня и желанія оригинальничать. Многіе эмигранты (бѣло-, разумѣется, — хотя и розово- тоже иногда, напр. Цвѣтаева) отказывались печатать по совѣтскимъ правиламъ у про-совѣтскихъ издателей, и въ 1920-е годы (Набоковъ въ 1924 году пишетъ матери: «…сунулся я съ моей трагедіей [г. Морна] къ Гржебину… но оказалось, что онъ печатаетъ по новому правописанью, что, конечно, мнѣ не подходитъ»), и въ 1940-е, когда Бунинъ отказывался по этой причинѣ помѣщать свои вещи въ обезсилѣвшемъ «Новомъ Журналѣ». Потомъ поколѣнія смѣнились и сопротивленіе сошло на нѣтъ.

По соглашенію съ московскими и петербургскими издательствами, гдѣ я печатаю свои оригинальныя вещи и переводы, я сохраняю только двѣ-три черты старой школьной русской орѳографіи, оговорённыя въ каждомъ изданіи какъ «особенности правописанія автора (или переводчика)»; и «особенности» эти — просто вѣшки, столбики или кресты на дорожной обочинѣ, напоминающіе о произошедшей здѣсь нѣкогда катастрофѣ.

---

[4] Въ апрѣлѣ 1975 г. онъ подумывалъ, не издать ли въ своёмъ переводѣ «Аду», по тѣмъ же причинамъ, что прежде перевёлъ «Лолиту»: чтобы книги эти были переведены «по-русски — не на совжаргонъ и не на совжурналингву, а на романтическій и точный русскій языкъ» (запись въ дневникѣ, по-англійски, въ моёмъ переводѣ).

Валерій Эдуардовичъ Будейко
кандидатъ филологическихъ наукъ, доцентъ каѳедры теоретическаго и прикладного языкознанія Челябинскаго государственнаго университета (Челябинскъ, Россія)

Кириллическіе сvмволы за послѣдніе четыре вѣка[1]

Предлагаемая статья является общимъ обзоромъ ряда изслѣдованій, связанныхъ съ русскими кириллическими символами съ XVII столѣтія по настоящее время; поскольку измѣненіе графическихъ образовъ буквъ русской кириллицы продолжается, то на это надобно обратить вниманіе учёнымъ, тѣмъ болѣе, что потерянные отечественной культурой символы имѣютъ немаловажное значеніе въ современной жизни. Намъ бы хотѣлось, чтобы научная общественность не закрывала глаза на эти очевидныя явленія отечественной письменности, имѣющія далеко идущія послѣдствія для русской цивилизаціи.

Терминъ «символъ» въ этой работѣ используется наравнѣ съ терминомъ «графическій образъ», когда рѣчь идётъ объ информаціонной составляющей зримаго письменнаго знака (съ его тріадой: знакъ — значеніе — смыслъ), имѣющаго своеобразныя подробности въ начертаніи и смыслѣ изображенія.

Какимъ образомъ символъ можетъ быть связанъ съ Абсолютомъ, съ Богомъ и истиной? Отвѣтить на этотъ вопросъ возможно, давъ только предварительный видъ модели, схемы, указывающей самое приблизительное направленіе поисковъ истиннаго источника познанія:

знаніе — миѳологическое творчество — вѣра — Богъ. Между знаніемъ и вѣрою прозябаетъ миѳологическое творчество, которое включаетъ поэзію символовъ (μυθολογικὴ ποίησις), ихъ объясненіе и отвлеченіе отъ сферы реальнаго, далѣе слѣдуетъ миѳъ, непосредственно граничащій, сосѣдствующій съ вѣрой и подкрѣпляющій её своими отвлечёнными сужденіями, переходящими въ молчаніе, т. е. въ чистый миѳъ (ибо *др.-грч.* μύθος тѣсно связанъ съ *лат.*

[1] Публикуется впервые.

mutus, нѣмой). Изнанка формы изучается современной наукой ещё робко и недостаточно успѣшно: идіосѵнкразія звука и формы (изслѣдованія звукобуквы А. П. Журавлёва, фрактальные образы и структуры, симметрія разныхъ видовъ, гармонизація графики, ея единства и цѣлостной слаженности).

Какъ извѣстно изъ исторіи нашего кирилловскаго письма, въ основѣ коего очевидно присутствовала и присутствуетъ графика унціальнаго (литургическаго) византійскаго письма, азбука X–XI вѣковъ состояла изъ 44 знаковъ [Хабургаевъ 1986], рядъ ихъ имѣлъ слѣдующіе виды:

Названіе буквъ	**Буквы кириллицы**	**Греческій алфавитъ** *и другіе знаковые источники*	**Буквы глаголицы**
аѯъ	а	A > α	ⰰ
боукъі	б	< B > β	ⰱ
вѣдн	в	B > β	ⰲ
глаголн	г	Γ > γ	ⰳ
доброо	д	Δ > δ	ⰴ
есть < естъ	є	E > ε	ⰵ
жнвѣте	ж		ⰶ
ѯѣло > ѕѣло	ѯ > ѕ	Z > ζ	ⰷ
ѯемлѧ	ѯ	Z > ζ	ⰸ
нжен	н	H > η	ⰹ
нже < іже	і	I > ι	ⰺ
ѣервь	ѣ – ѧ	*лат.* h + -	ⰻ
како	к	K > κ	ⰼ
людне	л	Λ > λ	ⰽ
мъслнте	м	M > μ	ⰾ
нашь	н	N > ν	ⰿ
онъ	о	O > ο	ⱀ
покон	п	Π > π	ⱁ
рьцн	р	P > ρ	ⱂ
слово	с	Σ > σ = ς	ⱃ
тврьдо	т	T > τ	ⱄ
оукъ	оу > ȣ	OY > ου	ⱅ

фрьть	ф	Ф > φ	Ф
хѣръ	х	Х > χ	ҍ
ѡмега	ѡ	Ω > ω	Ѡ
отъ < ѡтъ	ѿ		Ѡ ѿ
цн	ц	< *др.-евр.* цаде צ	Ч
чрьвь	ч	< *др.-грч.* коппа Ϙ > ϙ	҂
ша	ш	< *др.-евр.* шинъ ש	Ш
ща	щ	< *кирил.* ш + т	Ѿ
єръ	ъ		Ꙗ
єръı	ъı < ън	< *кирил.* ъ + и	ꙗ҃ < ꙗ҃
єрь	ь	р	Ꙗ
ꙗть < ѣть	ѣ	ь + -	Ѧ
ю	ю	ı + о	Ꙋ
ꙗ	ꙗ	ı + а	
ѥ	ѥ	ı + є	
юсъ малъıн	ѧ		Є
йотованный	ѩ	ı + ѧ	Ѥ
юсъ большъıн	ѫ		Ѥ
йотованный	ѭ	ı + ѫ	Ѥ
ксн	ѯ	Ξ > ξ	
псн	ѱ	Ψ > ψ	
ѳнта	ѳ	Θ > θ	Ѣ
ѵжнца > нжнца	ѵ	Υ > υ	ꙗ - ꙗ

Вышеуказанный перечень и его виды въ полнотѣ своей содержалъ христіанскіе символы, значеніе коихъ невозможно отрицать и умалить. Разнообразные виды крестовъ: ѣ т щ ѣ х ѱ ѵ; прочіе символы христіанской художественности: ж ч н ш ъ ъı ь ю ꙗ а ф ѫ ц ѧ ѳ о ѕ і ї ѻ. Объ этомъ писали многіе прежде насъ [Уваровъ 1908].

Уже къ XVIII столѣтію остатокъ графическихъ символовъ сокращается, видоизмѣняется:

Начертаніе буквы	Названіе, имя буквы	Чтеніе буквы
А, а	а҆́зъ	[а]
Б, б	бꙋ́кы > бꙋ́ки	[б]
В, в	вѣ́ди	[в]
Г, г	глаго́ли > глаго́ль	[г]
Д, д	добро̀	[д]
Є, є, є	є҆́сть	[е]
Ж, ж	живѣ́те	[ж]
Ѕ, ѕ	ѕѣлѡ̀	[з]
З, з	землѧ̀	[з]
И, и	и҆́жеи > и҆́же	[и]
І, ї	і҆́же > і҆̀	[и]
К, к	ка́кѡ	[к]
Л, л	лю́дїе > лю́ди	[л]
М, м	мы́слѣте	[м]
Н, н	на́шъ	[н]
О, о, о	о҆́нъ	[о]
Ѡ, ѡ	ѡ҆ме́га	[ō]
Ѿ, ѿ	ѿ	[ōт]
П, п	поко́й	[п]
Р, р	рьцѝ > рцы̀	[р]
С, с	сло́во	[с]
Т, т	тве́рдо	[т]
Ѹ, ѹ, ѹ	ѹ҆́къ	[у]
Ф, ф	фе́ртъ	[ф]
Х, х	хѣ́ръ	[х]

Ц, ц	цѝ > цы̀	[ц]
Ч, ч	че́рвь	[ч’]
Ш, ш	ша̀	[ш]
Щ, щ	ща̀	[шч’] > [щ]
Ъ, ъ	є҆ръ	[ŏ]
Ы, ы	є҆ры̀	[ы]
Ь, ь	є҆рь	[ĕ]
Ѣ, ѣ	ꙗ҆ть	[иᵉ] / [ē]
Ю, ю	ю҆	[ю]
Ꙗ, ꙗ	ꙗ҆	[я]
Ѧ, ѧ	ю҆съ ма́лый	[я]
Ѯ, ѯ	ѯѝ	[кс]
Ѱ, ѱ	ѱѝ	[пс]
Ѳ, ѳ	ѳита̀	[ф]
Ѵ, ѵ	ѵ҆жица	[и] / [в]

Эта совокупность, называемая нынѣ современной церковнославянской азбукой, или азбукой новоцерковнославянскаго языка, и содержитъ 40 знаковъ (съ нѣкоторыми варіантами письма). Убраны изъ употребленія символы: ꙁ н ѣ ꙗ ѵ ѫ ѭ ѥ. Буква «червь» пріобрѣтаетъ асимметричное начертаніе: ѵ > ч.

Представленное сравненіе со всей очевидностью вопіетъ: первоначальная азбука была дана славянамъ навыростъ, дабы способствовать общему движенію къ всеславянскому объединенію различныхъ славянскихъ языковъ, нарѣчій и діалектовъ, дабы идти по такъ называемому греческому пути гармонизаціи языкового и символическаго развитія. Путь иной, который выбираетъ четыреста лѣтъ тому назадъ русская культура, — это путь національнаго обособленія, эклектики и вторичнаго упрощенія, болѣе строгіе критики назовутъ его вавилонскимъ смѣшеніемъ языковъ и письменностей, что мы наблюдаемъ и по настоящее время. Въ будущемъ русская цивилизація будетъ добирать новые символы изъ

другихъ культуръ, выбросивъ свои. Изнанкой этой формы азбуки X–XVII вв. является фракталъ въ видѣ восьмиконечной (восьмилучевой) звѣзды, звѣзды Богородицы.

Но и этого оказалось мало реформаторамъ XVIII вѣка, они доводятъ русскую азбуку до состоянія такъ называемой «имперской гражданицы», т. е. письма, предназначеннаго для мірского употребленія, и при этомъ какъ бы раздѣляющаго единую жизнь — на жизнь духовную и жизнь бездуховную, а съ нею и міръ, вселенную, удобренную, заселённую «просвѣщённымъ и непросвѣщённымъ человѣчествомъ».

Русскій алфавитъ (русская гражданица или имперская гражданица) начала XIX в. до реформы 1917–1918 г. содержалъ 35 буквъ и 2 факультативныхъ (необязательныхъ по выбору и используемыхъ по редакторскому усмотрѣнію буквы Ё ё, а также Й й, послѣдняя опредѣляема какъ составная И и съ діакритическимъ знакомъ краткости). Такимъ образомъ, русская мірская азбука, уже прошедшая черезъ реформы къ началу XX вѣка, имѣла такой видъ:

А а, Б б, В в, Г г, Д д, Е е, (*факультативная* Ё ё), Ж ж, З з, И и, (*факультативная или буква съ діакритическимъ знакомъ* Й й), І і, К к, Л л, М м, Н н, О о, П п, Р р, С с, Т т, У у, Ф ф, Х х, Ц ц, Ч ч, Ш ш, Щ щ, Ъ ъ, Ы ы, Ь ь, Ѣ ѣ (*образъ курсивной Ѣ ѣ*), Э э, Ю ю, Я я, Ѳ ѳ, Ѵ ѵ [Славянскій или церковный букварь 1908: 2–3].

Какъ писалъ Я. К. Гротъ, «послѣдняя буква [поставляется нами] въ скобкахъ, потому что она почти никогда не употребляется. Буквы **и**, **е** получаютъ ещё особое назначеніе помощію надстрочныхъ знаковъ (й, ё), при которыхъ онѣ изображаютъ другіе звуки и потому въ этомъ видѣ должны бы также занимать мѣсто въ азбукѣ» [Гротъ 1910: 2].

Какъ видимъ, изгоняются изъ мірского письма: ѯ ѱ ѿ ѹ ѡ ѧ ѩ ї.

Измѣняется обликъ нѣкоторыхъ буквъ, явно имѣющихъ христіанскіе графическіе смыслы: щ ѩ. Буква щ пріобрѣтаетъ некрасивый асимметричный видъ «щ».

Примѣчательно, что графика, какъ это признавали и сами реформаторы и ихъ клевреты, была заимствована изъ латинскихъ шрифтовыхъ гарнитуръ, которыя связаны со стародавними языческими временами, названія кириллическихъ буквъ тоже были переименованы на латинскій манеръ.

Однако въ самой латиницѣ никогда за послѣднія 900 лѣтъ не было никакихъ изъятій. Напротивъ, w появилось въ XI в., добавлены въ XVI в. буквы: J j, K k, U u. Буквы c, k, q передаютъ одинъ и тотъ же звукъ [k], задненёбный, взрывной, глухой. Буквы i, y передаютъ звукъ [i]. Образно выражаясь, никто и слова не сказалъ, что это «лишнія буквы въ латинскомъ письмѣ». У насъ же за послѣднія 300 лѣтъ — звучатъ нескончаемыя «лѣностныя пѣсни о лишнихъ буквахъ» въ русской азбукѣ.

Для новой «имперской гражданицы» свойственны мірская ладность графическихъ формъ, засѣчекъ, петель, виньетокъ, мачтъ и т. п. По нашимъ сравнительнымъ подсчётамъ, болѣе половины графическихъ элементовъ въ русскихъ буквахъ составляютъ латинскія имитаціи, въ рукописныхъ школьныхъ прописяхъ, общеупотребительныхъ начеркахъ и почеркахъ этого даже больше половины, намного больше половины! О чёмъ это можетъ свидѣтельствовать? О томъ, что реформаторы азбуки имѣли въ качествѣ перспективнаго идеала, модели новаго письма — письмо и алфавитъ латинскіе. Отсюда предусмотрительное искаженіе симметричныхъ образовъ нѣкоторыхъ буквъ, введеніе арабской цифири, разрушеніе символическаго единства и ладности знаковъ, т. е. введеніе началъ неразумной эклектики или «вавилонскаго символическаго блуда».

Наконецъ, реформа коммунистовъ-большевиковъ 1918 года убрала изъ нашего письма столь очевидные символы, связанные съ имперской символикой, символикой христіанской, которая графически была связана съ знаменемъ и гербомъ Россійскаго государства: ѣ ѳ ѵ і. Такое изъятіе обѣднило символическую сокровищницу нашего письма и узаконила въ качествѣ полноправныхъ буквъ: «ё, й», хотя «ё» нѣкоторыя партіи, организаціи и до сего дня не признаютъ. Ежели считать буквы по употребительности на письмѣ большинствомъ пользователей, то азбука современнаго русскаго языка составитъ только 32 символа. Если же представлять симметрію изъ 33 символовъ этого ряда, то изнанка сей графики — это фракталъ въ видѣ шестиконечной звѣзды — звѣзды ветхаго завѣта.

Говорятъ, что графика не важна, что это параграфическое приложеніе къ языку и культурѣ, поскольку современной культурѣ нѣтъ дѣла до этихъ знаковъ.

Но такъ ли это? Или за этими словами скрывается какая-то тайная подоплёка, манипуляція общественнаго сознанія, о которой не догадываются непосвящённые?

Если бы за графикой не было ничего, никакого смысла, какъ полагаютъ профаны и полуобразованцы, то графику не использовала бы реклама, торговыя и банковскія корпораціи; эти господа прекрасно понимаютъ, какъ воздѣйствуетъ графика на сознаніе и подсознаніе читателей, посѣтителей, пользователей. Современные составители графическихъ совокупностей придаютъ большое значеніе своимъ брендамъ, ярлыкамъ и графическимъ символамъ и платятъ за таковыя удачныя составленія.

Графическій, буквенный образъ не можетъ не вліять на воспріятіе звука, на работу тѣхъ или иныхъ структуръ мозга. Когда мы видимъ букву, то въ сознаніи, слѣдовательно и въ мозгѣ, измѣняется общее состояніе, сейчасъ же звучитъ соотвѣтствующій звукъ, возникаетъ образъ, включаются структуры мозга, и наоборотъ. Буква какъ бы своимъ образомъ устанавливаетъ, узакониваетъ воспріятіе звука, образа, смысла, помогаетъ выработать въ сознаніи общій образъ звука, смысла, закрѣпляетъ ихъ съ помощью графическаго изображенія. Даже если мы не читаемъ, а слушаемъ или произносимъ про себя слова «вѣра, Богъ, дѣло», буквы давятъ, вліяютъ, вспыхиваютъ въ нашемъ сознаніи, въ самыхъ интимныхъ уголкахъ нашей памяти, заставляя воспринимать разумомъ не совсѣмъ то, что воспринимается слухомъ, и т. д. [Журавлёвъ 1991: 11]. Такимъ образомъ, буквы становятся частью, вписываются навсегда своеобразными реагентами въ книгу нашего внутренняго міра.

Требуется время и обдумываніе, чтобы понять окончательныя намѣренія сильныхъ міра сего. Но то, что исторія нашего алфавита, азбуки свидѣтельствуетъ о борьбѣ реформаціи противъ христіанской символики, для многихъ изслѣдователей становится очевиднымъ свидѣтельствомъ борьбы антихристіанскихъ силъ противъ любыхъ напоминаній объ образахъ, о символахъ христіанства. Только легкомысленный человѣкъ будетъ отрицать это.

Свѣтскія реформы нашего письма за послѣднія 300 лѣтъ уничтожили антистихъ какъ орѳографическій принципъ, присутствующій въ правописаніи многихъ европейскихъ языковъ [Кузьминова 2001: II: 549–552].

Исторія знака «ѣ» весьма поучительна въ этомъ отношеніи. Какъ извѣстно, символъ, сходный съ «ѣ», встрѣчается уже въ IV вѣкѣ н. э. въ перевёрнутомъ видѣ подъ наименованіемъ «константиновскаго креста» [Уваровъ 1908: 73–74].

Этотъ же символъ не случайно появляется въ славянской кириллицѣ, что несомнѣнно доказываетъ хорошее знакомство составителя кириллицы съ византійской символикой.

Итакъ, этотъ символъ существуетъ съ XI в. до 1918 года на Руси, въ Россіи, а въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ письменностяхъ до 1945 года (Болгарія).

Затѣмъ его изгоняютъ и предаютъ забвенію, якобы какъ «лишнюю букву» въ этихъ письменностяхъ. Затѣмъ переворачиваютъ и придаютъ символу нѣсколько асимметричный видъ, и онъ становится символомъ россійскаго рубля. Интернетъ-голосованіе въ ноябрѣ 2013 года представило гнусный фарсъ, пошлый спектакль для профановъ, которые ничего не знаютъ положительнаго изъ исторіи христіанской символики и славянской письменности, ибо современное среднее образованіе въ Россіи готовитъ такихъ недоучекъ въ неограниченномъ количествѣ. Однако замѣчательно, что большинству интернетъ-пользователей этотъ символъ понравился. Ещё бы — это же архетипическій образъ-символъ нашей 2000-лѣтней христіанской культуры. Нашёлся и «авторъ знака». Вся эта «комедія» со знакомъ «ѣ» напоминаетъ эпизодъ изъ романа «Золотой телёнокъ», гдѣ влюблённый О. Бендеръ ночью сочиняетъ стихи: «…я помню чудное мгновенье…», но утромъ вспоминаетъ, что ихъ уже написалъ А. С. Пушкинъ. Однако современные «авторы новаго знака» — «новаго символа рубля» вспомнить, подобно О. Бендеру, не могутъ, гдѣ-то у нихъ недостаётъ для этого вспоминанья правды…

Другимъ ритуальнымъ и дальновидно продуманнымъ дѣйствомъ является рѣшеніе Ц.Б. Р.Ф. печатать символъ святаго Георгія Побѣдоносца на россійскихъ копѣйкахъ, которыя легко и непринуждённо попираются ногами гражданъ и негражданъ Россіи, ибо копѣйки стремительно обезцѣниваются и теперь почти не принимаются къ оплатѣ торговыми и кредитными организаціями. Вообще за послѣднія 26 лѣтъ Ц.Б. Р.Ф. лихо осваиваетъ христіанскую символику и мондіально перевращаетъ её въ своихъ особливыхъ подробностяхъ…

Ещё К. Н. Леонтьевъ писалъ полтора вѣка тому назадъ, что «распространеніе прогресса дѣлаетъ человѣка пошлѣе», что мы достаточно ясно и наблюдаемъ въ настоящее время.

Литература

1. *Будейко В. Э.* Проблемы представленія информаціи въ алфавитахъ (на матеріалѣ кириллицы восточнославянскихъ языковъ): монографія / Научн. ред. Л. А. Шкатова. — Челябинскъ, 2012. — 300 с.

2. *Гротъ Я. К.* Русское правописаніе. Руководство, составленное по порученію 2-го отд. Имп. Акад. Наукъ. — 19-е изд. — СПб.: Изд-ніе Имп. Акад. Наукъ, 1910. — 120 + 44 с.

3. *Деррида Ж.* О грамматологіи: пер. съ франц. — М.: Ad Marginem, 2000. — 512 с.

4. *Дрбоглавъ Д. А.* Латинское письмо // Лингвистическій энциклопедическій словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедія, 1990. — С. 253–255.

5. *Журавлёвъ А. П.* Звукъ и смыслъ. — М.: Просвѣщеніе, 1991. — 160 с.

6. *Кузьминова Е. А.* Антистихъ // Православная энциклопедія. — М.: ЦНЦ «Православная энциклопедія», 2001. — Т. II. — С. 549–552.

7. *Леонтьевъ К. Н.* 2011: Храмъ и Церковь / К. Н. Леонтьевъ (1831–1891). — Мн., 2011. — 620 с.

8. *Саблина Н. П.* Буквица славянская. — СПб., 2000. — С. 174–175.

9. Славянскій или церковный букварь. — М., 1908. — 120 с.

10. *Уваровъ А. С.* Христіанская символика. Символика древнехристіанскаго періода. Графа А. С. Уварова. — М.: Изд. Г. Лисснера и Д. Собко, 1908. — 241 с.: ил.

11. *Хабургаевъ Г. А.* Старославянскій языкъ. — М.: Просвѣщеніе, 1986. — 288 с.: ил.

12. Энциклопедія символовъ, знаковъ, эмблемъ / Сост. В. Андреева, В. Куклевъ и др. — М.: Локидъ; Миѳъ, 1999. — 576 с.

Сергѣй Викторовичъ Гоникбергъ
стихотворецъ, членъ Союза россійскихъ писателей
и Союза писателей Москвы (Санктъ-Петербургъ, Россія)

О причинахъ деградаціи русскаго языка и литературы[1]

Довольны ли мы уровнемъ и культурой устной рѣчи въ Россіи? Любимъ ли читать литературу классическую и тѣмъ болѣе современную, если не упоминать о бульварномъ чтивѣ? Почему, раскрывъ книгу, выражающую сложныя мысли и чувства, мы съ первыхъ словъ, даже съ первыхъ буквъ чувствуемъ отвращеніе? Кто насъ такими сдѣлалъ?

Государственный языкъ пресловутой Федераціи не русскій. Сіе парадоксальное и невесёлое открытіе приходитъ къ тому, кто влюбляется, вчувствовывается въ русскую рѣчь, устремляется къ постиженію ея музыки. Будучи неуклонными на этомъ пути, мы развиваемъ въ себѣ слухъ, чуткость рѣчи и убѣждаемся въ ея искалѣченности «реформой», обусловившей деградацію какъ письменнаго, такъ и устнаго языка.

Украинскіе націоналисты (о которыхъ рѣчь впереди), говоря «наша мова соловьина», не вѣдаютъ, что великоросскій языкъ пѣвучъ гораздо болѣе и звуки его играютъ не только лишь соловьёмъ, но трели всѣхъ обитающихъ въ землѣ нашей птицъ, говоръ ручьёвъ и рѣкъ, шумъ клёна и ясеня, дыханіе иголокъ хвойныхъ боро́въ заключены въ нёмъ.

Можно ли считать, будто «реформа» затронула лишь правописаніе, не отразившись на устной рѣчи? Мыслитель, не ограниченный сціенцистскимъ умомъ, понимаетъ, что всякое взаимодѣйствіе амбивалентно. Соха тупится о почву, огонь горитъ иначе, если грѣетъ котелокъ либо сидящаго у костра, и даже солнце въ испареніяхъ деревьевъ видится по-иному, ибо растительность измѣнила составъ атмосферы. Не безуміе ли думать, что правописаніе не отразится на устной рѣчи?

[1] Публикуется впервые.

Мы, къ счастью, располагаемъ фонографическими записями, позволяющими въ этомъ убѣдиться. До насъ дошли исполненія великихъ русскихъ пѣвцовъ и артистовъ, успѣвшихъ въ дѣтствѣ усвоить дореформенный языкъ и присущую ему устную рѣчь. Какъ артисты, они не могли не удѣлять вниманія эталонности своего произношенія. Можно вслушаться и въ записи голосовъ дѣятелей русской эмиграціи первой волны, въ особенности аристократическаго происхожденія, ибо аристократія съ ея образованіемъ и воспитаніемъ даже въ большей степени, чѣмъ артисты, есть хранительница языка.

Такъ, всюду видимъ мы, что гласный, обозначавшійся буквой ять, произносился какъ средній между звуками [’э] и [и] и что согласный, вѣнчавшійся твёрдымъ знакомъ на концѣ слова, — слѣдъ полногласной распѣвности русской рѣчи болѣе раннихъ времёнъ — придавалъ оной ещё столѣтіе назадъ особую глубину и звучность.

Автору довелось подробно вслушиваться въ исполненіе великимъ Александромъ Вертинскимъ пѣсни «Жёлтый ангелъ»:

Въ вечернихъ ресторанахъ,
Въ парижскихъ балаганахъ,
Въ дешёвомъ электрическомъ раю
Всю ночь ломаю руки
Отъ ярости и муки
И людямъ что-то жалобно пою…

Если вслушаться, можно различить, какъ въ словахъ, писавшихся съ ятемъ, — *свѣчи, рѣчи* и т. д. — Вертинскій поётъ именно его, [’э^{и}], отличный отъ современнаго произношенія и утраченный звукъ. Особенно разница замѣтна, когда слова съ обычнымъ е и ятемъ стоятъ рядомъ:

И, закрывъ лицо руками, я внималъ жестокой рѣчи.

Послѣ «е» въ «жестокой» Вертинскимъ поётся почти чистая «и», современная же академическая транскрипція этого слова — [´р’эч’и], въ именительномъ падежѣ [р’эч’].

Таковъ украденный изъ русскаго языка звукъ. Попробуйте съ его помощью, а также не глотая очерченныя твёрдымъ знакомъ окончанія, произнести правильно вслухъ *хлѣбъ, мѣлъ, бѣлый, рѣчь* и другія изначальныя древнія слова, и вы услышите ихъ подлинную живую силу. Этой энергіи, переходящей изъ языка въ сознаніе, въ душу народа, лишена кацапская мова и тѣ, кто ею отравленъ. Мова — весьма удачная морфема другого искусственнаго языка для обозначенія искусственныхъ же языковъ. Примѣчательно, что подлинный звукъ, промежуточный между [’э]/[и], былъ сдвинутъ совдеповскими филологами въ украинской «мовѣ» въ чистое [’і], а въ кацапской въ чистое [’э]. И пускай Иванъ да Мыкола теперь сталкиваются лбами, выясняя, чья мова соловьинѣй, пускай школьная марьванна патетически возвѣщаетъ куцей рѣчью объ «языкѣ Пушкина, Лермонтова и Тургенева», обличая украинцевъ ли, молодёжный ли «падонскій» интернетъ-сленгъ. Нѣтъ, марьванна, у васъ языкъ не Пушкина и не Тургенева, и даже не Шолохова, Заболоцкаго и Булгакова, поскольку всѣ эти люди воспитывались съ дѣтства на языкѣ великорусскомъ, сформировали правильное чувство языка и, надо думать, писали на нёмъ и черновики свои.

У васъ мова акына Абая, Драгунскаго и Шуфутинскаго, мова забытыхъ совписовъ, вломившихся въ литературу, какъ только ушло поколѣніе, успѣвшее научиться русской грамотѣ.

Въ лучшемъ случаѣ — мова тѣхъ бунтарей и рокеровъ, отъ Высоцкаго до Кинчева и Талькова, которые осознавали ущербность, диссонансъ окружающаго міра и надрывомъ, хрипомъ пытались и пытаются до сихъ поръ преодолѣть искажённость бытія страны и, въ частности, изувѣченность языка, искалѣченность его расчленённаго убійцами и едва дышащаго организма.

Можно надѣяться, вкладъ языковой «реформы» въ деградацію нѣкогда великой нашей литературы ещё ждётъ своего не федеральнаго изслѣдователя… Не случайно уже въ 1960-е гг. поэзія стала переходить въ пѣсенное бардовское творчество, въ выступленія на стадіонахъ — въ устномъ исполненіи изувѣченность языка слышна была меньше, и слѣдъ нормальности въ устной рѣчи ещё оставался; она увядала съ нѣкоторымъ запозданіемъ относительно письменной. Должно было смѣниться поколѣніе, помнившее русскую рѣчь, русскій характеръ.

Предвидимъ возраженіе о неграмотности нѣкоторой части населенія въ Россійской Имперіи, пусть сторонниками СССР и преувеличиваемой[2].

Но слѣдуетъ разумѣть, что и неграмотные общались изустно съ грамотными и черезъ то пріобщались къ сокровищницѣ языка. Однако тѣмъ легче большевикамъ было сбить неграмотныхъ съ толку, подсунувъ имъ на своёмъ всеобучѣ кацапскую мову.

Исторія съ оглушеніемъ приставки *без-* — лучшее разоблаченіе утверждающихъ, будто «реформа» упростила правописаніе. Новая орѳографія, наоборотъ, усложнила его, такъ какъ до ея введенія пользовались лишь приставкой *без-*, а приставки *бес-* и необходимости различенія ихъ не было.

И кромѣ лексической грязи въ видѣ «бѣсовъ», испачканъ нынѣ русскій языкъ звуковой, фонетической грязью — убрана звонкость языка въ отрицаніи, разрослось сходное со змѣинымъ шипѣніемъ двойное ехиднино с — *«бесстыжее»* и *«бессмысленное»*. И мы по Оруэллу не можемъ даже назвать на новоязѣ безстыжими и безсмысленными одержимыхъ бѣсами, сыновъ погибели, захватившихъ нашу страну, укравшихъ ея имя, языкъ и ведущихъ её нынѣ къ катастрофѣ.

Слово въ языкѣ человѣческомъ, въ отличіе отъ компьютернаго, не сводится къ прямому словарному значенію. Въ словѣ есть множество обертоновъ, подсознательныхъ и надсознательныхъ герменевтическихъ смысловъ, выраженныхъ какъ посредствомъ письменной графики, такъ и звуковой музыки.

Вотъ почему авторъ этихъ строкъ не могъ оторваться отъ изданнаго въ позапрошломъ вѣкѣ сборника романтическихъ поэмъ Жуковскаго, какъ-то попавшаго ему въ руки. Я поглощалъ «Рустема и Зораба», пока не дочиталъ эту немаленькую по объёму поэму всю, и — одновременно, съ упоеніемъ поглощая, — понималъ, что заснулъ бы отъ скуки, читая этотъ текстъ въ постреформенномъ изданіи, ибо въ этомъ случаѣ отъ стиха въ нёмъ остался

---

[2] Въ 1916 году уже 80 % призывниковъ въ армію были грамотными. Анкета, произведённая совѣтами въ 1920 г., установила, что 86 % молодёжи отъ 12 до 16 лѣтъ умѣли писать и читать, и научились они этому до революціи, а не въ годы гражданской войны (*Назаровъ М.* Россія наканунѣ революціи и февраль 1917 года // Нашъ современникъ. № 2. 2004). Октябрьская катастрофа лишь отсрочила наступленіе всеобщей грамотности, и то если считать грамотностью новоязъ.

бы только сюжетъ: «Рыцарь скакалъ, замокъ труба шаталъ, красавица покорялъ». Бѣдный Жуковскій! Бѣдные русскіе люди, раздѣлённые искусственными границами и повсюду лишённые своего родного языка!

Говорятъ, что реформированная орѳографія повысила скорость чтенія, и это, пожалуй, такъ — глазъ физіологически можетъ разобрать конечное число знаковъ въ единицу времени. Но нужно ли форсировать скорость чтенія въ ущербъ пониманію написаннаго, пониманію подтекстовъ, образнаго строя письменной рѣчи. Мнѣ представляется, что и стремленіе форсированно учить дѣтей скорочтенію — ошибка. Въ результатѣ ея — много ли у насъ грамотеевъ, способныхъ не только читать буквы, но и понимать написанное? Пожалуй, много меньшая доля, чѣмъ въ Россіи XIX и любого другого болѣе ранняго вѣка.

Итакъ, именно «реформа» 1918 г. стала ключевымъ факторомъ, обусловившимъ деградацію какъ письменнаго, такъ и устнаго русскаго языка въ теченіе менѣе столѣтія. Это онъ, новоязъ, приправленный совѣтской и федеральной школой, внушаетъ намъ сызмальства отвращеніе къ чтенію, потому что инстинктивно, богоданной душою своею человѣкъ чувствуетъ диссонансъ, неполноту новояза; и чѣмъ живѣе, художественнѣе, образнѣе текстъ, тѣмъ болѣе онъ отъ новояза теряетъ. Инструкція по эксплуатаціи прибора или предвыборная программа одного изъ филіаловъ единственной въ нашемъ государствѣ партіи, интимныя подробности жизни попъ-звѣздъ отъ чтенія на новоязѣ не проиграютъ: нельзя проиграть то, чего нѣтъ. Но не подлинная художественная (подобно художнику, живописующему міръ красками) литература и не подлинно философская или публицистическая мысль. Чѣмъ многограннѣе, сложнѣе, образнѣе, мудрѣе высказываніе, тѣмъ хуже оно поддаётся переводу на новоязъ. Вмѣстѣ съ языкомъ у насъ украли мудрость.

«Поэзія — высшая форма существованія языка». Горько наблюдать, какъ современные русскіе поэты (я говорю о тѣхъ, кто заслуживаетъ сего имени) ведутъ неравную, обречённую борьбу съ деградирующимъ міромъ и пытаются исцѣлить отъ нанесённыхъ вивисекторами ранъ языкъ, какъ поютъ они, вслѣдъ за Высоцкимъ, его диссонансность, хрипящую дисгармонію, призываютъ: «люди, одумайтесь», но едва ли понимаютъ и сами, въ чёмъ первопричина языкового и душевнаго (языкъ — душа народа) диссонанса.

Скажи мнѣ, есть ли совѣсть въ тебѣ, герой,
Или судьба оставила только имя?
Планета превращается въ смертный рой
Глупцовъ, и имъ никто не разскажетъ про
Ихъ плоть и кровь, что грѣхъ называть любимой.
Что будетъ, если насъ размѣстятъ въ аду,
Такомъ, чтобъ было худо не по-библейски,
Въ которомъ ты горишь, но горишь отъ думъ,
Что будетъ, если я къ тебѣ не приду
И стихъ языкъ твой вмигъ заклеймитъ желѣзкой.

(Саша Китъ)

Но мало кто замѣчаетъ и живо откликается на ихъ призывы. Расхожее среди массъ выраженіе «много буковъ» описываетъ ихъ отвращеніе къ чтенію, ко всякому сложному и подлинному, требующему душевной и духовной работы сотворчеству, со-читательству, сопереживанію съ авторомъ, а если вдуматься и ужаснуться, — отвращеніе къ собственному родному языку — довольно понятное отвращеніе къ калѣкѣ.

«Признаюсь, я имѣю сильное предубѣжденіе противъ всѣхъ слѣпыхъ, кривыхъ, глухихъ, нѣмыхъ, безногихъ, безрукихъ, горбатыхъ и проч. Я замѣчалъ, что всегда есть какое-то странное отношеніе между наружностью человѣка и его душою: какъ будто съ потерею члена душа теряетъ какое-нибудь чувство», — съ откровенностью говоритъ Лермонтовъ устами Печорина о чувствѣ, можетъ быть, не самомъ благородномъ, но, какъ и страхъ, испытываемомъ всѣми и могущимъ быть преодолѣваемымъ лишь или воспитаніемъ, или — въ рѣдкихъ случаяхъ — подлинною любовью. Точно такъ же россійскіе люди испытываютъ подсознательное отвращеніе къ калѣкѣ — родному языку, не понимая умомъ, въ чёмъ дѣло.

Также понятна и необходимость усилія воли, потребнаго даже неглупому человѣку, чтобы отвращеніе сіе преодолѣть и начать-таки сложно и многоóбразно мыслить посредствомъ изувѣченнаго языка — такъ и самые милосердные люди преодолѣваютъ отвращеніе къ культямъ инвалида.

Открывъ не только литературные опусы профессіоналовъ, но и частныя письма, мемуары, дѣловыя бумаги прошлаго, даже отъ пересказа рѣчи неграмотныхъ крестьянъ до великолѣпно записан-

наго Свода Законовъ Россійской Имперіи, мы убѣдимся, что наши предки владѣли живой и образной устной рѣчью, а грамотные слои также письменной, но и неграмотный крестьянинъ владѣлъ русскимъ языкомъ гораздо лучше большинства нынѣшнихъ федеральныхъ филологовъ… о школьныхъ учителяхъ и говорить не стоитъ.

Письмо не просто запись пришедшихъ въ голову мыслей — мысли идутъ по-иному, если мы ихъ записываемъ, а не, напримѣръ, неопредѣлённо и сбивчиво мечтаемъ, смотря съ дивана въ потолокъ; — подобно тому, какъ танцоръ думаетъ, чувствуетъ тѣломъ, скрипачъ смычкомъ и скульпторъ руками и глиной, пишущій думаетъ перомъ, авторучкой, моторикой пальцевъ и слѣдящимъ за строками взглядомъ; а говорящій думаетъ голосовымъ аппаратомъ и слухомъ, взаимодѣйствуетъ этими членами своими съ душою, съ умомъ и съ сердцемъ.

Тѣ, кто пробовалъ довѣрять свои мысли диктофону, чтобы затѣмъ записать ихъ, имѣлъ случай убѣдиться въ вышесказанномъ. Буквы языка такъ же, какъ и звуки, не являются лишь средствомъ передачи словарнаго значенія, но священны и выступаютъ многообразными герменевтическими элементами письменнаго и устнаго мышленія. Такъ балетмейстеръ протанцовываетъ самолично танецъ, прежде чѣмъ довѣрить его исполнителю, — онъ не можетъ полностью придумать номеръ, неподвижно сидя на мѣстѣ.

Палачи русскаго народа, прививъ ему изувѣченный языкъ, привили намъ и искажённое мышленіе, неполноцѣнный способъ мыслить, такъ что думать, а ужъ тѣмъ болѣе чувствовать, сдѣлалось многимъ невозможно и противно, и въ лучшемъ случаѣ хрипѣлось высоцкое «всё не такъ».

…Выразить неортодоксальное мнѣніе сколько-нибудь общаго порядка новоязъ практически не позволялъ. Еретическое высказываніе, разумѣется, было возможно — но лишь самое примитивное, въ такомъ примѣрно родѣ, какъ богохульство. Можно было, напримѣръ, сказать: «Старшій Братъ плохой». Но это высказываніе, очевидно нелѣпое для ортодокса, нельзя было подтвердить никакими доводами, ибо отсутствовали нужныя слова. Идеи, враждебныя ангсоцу [англійскому соціализму], *могли посѣтить сознаніе лишь въ смутномъ, безсловесномъ видѣ, и обозначить ихъ можно было не по отдѣльности, а только общимъ терминомъ, разныя ереси сваливъ въ одну кучу и заклеймивъ совокупно.*

Въ сущности, использовать новоязъ для неортодоксальныхъ цѣлей можно было не иначе, какъ съ помощью преступнаго перевода нѣкоторыхъ словъ обратно на староязъ. Напримѣръ, новоязъ позволялъ сказать: «Всѣ люди равны»[3]*, — но лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ староязъ позволялъ сказать: «Всѣ люди рыжіе». Фраза не содержала грамматическихъ ошибокъ, но утверждала явную неправду, а именно что всѣ люди равны по росту, вѣсу и силѣ,* — какъ отмѣчалось въ безсмертномъ твореніи Оруэлла.

Мы говоримъ здѣсь больше о вредѣ «реформы» для музыкальнаго (фонетическаго) строя языка, но надо въ скобкахъ здѣсь упомянуть, что она нанесла вредъ и его лексическому строю, на что въ подробностяхъ указывалъ Иванъ Ильинъ въ статьѣ «О русскомъ правописаніи»:

> И вотъ, различіе между «міромъ» (вселенной) и «миромъ» (покоемъ, тишиной, невойной) исчезло; заодно погибла и «**v**» (vжица), и православные люди стали принимать «*миро*-помазаніе» (что совершенно неосуществимо, ибо ихъ не помазуютъ ни вселенной, ни покоемъ).
>
> Затѣмъ новая орѳографія отмѣнила букву «**ѣ**» и безсмыслица пронеслась по русскому языку и по русской литературѣ опустошающимъ смерчемъ. Неисчислимые омонимы стали въ начертаніи неразличимы; и тотъ, кто разъ это увидитъ и поймётъ, тотъ придётъ въ ужасъ при видѣ этого *потока безграмотности*, вливающагося въ русскую литературу и въ русскую культуру, и никогда не примирится съ революціоннымъ кривописаніемъ (см. «Н. З.» № 167).
>
> Мы различаемъ «самъ» (собственнолично) и «самый» (точно указанный, тождественный). Родительный падежъ отъ «самъ» — «сам**о**го», винительный падежъ — «сам**о**го». А отъ «самый» — «сам**а**го». *«Я видѣлъ его сам**о**го, но показалось мнѣ, что я вижу не того же сам**а**го…»* (письмо изъ современной Югославіи). Въ кривописаніи это драгоцѣнное различіе гибнетъ: оно знаетъ только одну форму склоненія: «самого»…

---

[3] Говоря о равенствѣ, слѣдуетъ понимать, что всѣ люди равны передъ Богомъ потому, что Богъ безконечно сильно любитъ всѣхъ ихъ, и потому, что, кому больше дано, съ того больше спросится; и подлинное равенство возможно только на Литургіи. Такъ что это слово, наряду съ понятіемъ братства и свободы (со-волей-быти, т. е имѣть возможность жить со своей богоданной душой и по ея зову, а не жить безъ души), искажено подмѣной понятій.

*«Я видѣлъ его сам**о**го, но показалось мнѣ, что я вижу не того же сам**а**го…»* — эта фраза, обращённая къ нашему народу, странѣ, русскому человѣку, укладу жизни, — достойна стать эпиграфомъ сей статьи.

Если въ лексическихъ трудностяхъ, обусловленныхъ кривописаніемъ, ещё можно разобраться, то ни въ коемъ случаѣ нельзя примириться съ тѣмъ, что сама музыка нашей рѣчи стала иной. Новый языкъ пригоденъ для раціоналистическаго, вульгарно-матеріалистическаго квазимышленія, но малопригоденъ для выраженія тонкихъ чувствъ, сложныхъ мыслей, поэтической сути міра… для открытія въ себѣ человѣка, а не робота. Русскаго, а не россіянина, Бога надъ міромъ, а не матеріалистическаго сатанинскаго безумія.

Опаснѣйшимъ позитивистскимъ заблужденіемъ является вообще тезисъ о «развитіи» языка, неявно подразумѣвающій, что языкъ «развивается», т. е. дѣлается будто бы всё лучше, какъ наука «отъ каменнаго топора къ атомной бомбѣ» (сомнительное утвержденіе и въ планѣ роли науки). Нѣтъ, многое въ языкѣ, если оставлять его безъ вниманія и любви, забывъ объ его божественномъ происхожденіи и священномъ значеніи Слова, напротивъ, энтропируетъ. Такъ, ещё до XX в. постепенно уходило полногласіе, распѣвность русской рѣчи, но до «реформы» она всё же присутствовала въ языкѣ, пусть и въ потаённомъ, неочевидномъ поверхностному сціенцистскому уму видѣ. О редуцировавшихся гласныхъ, вѣнчавшихъ каждый слогъ, напоминалъ на концѣ словъ твёрдый знакъ — и поэтому слова всё равно пропѣвались, пусть и не столь явно, какъ въ языкѣ древнерусскомъ, но именно пропѣвались, а не комкались. И русская рѣчь была пѣсней, и о русскихъ говорили, какъ о самой поющей націи міра, говорили, что пѣсня — часть ихъ дыханія, часть ихъ жизни. Нынѣ она зачастую состоитъ изъ мата наполовину, а виноваты въ этомъ тѣ, кто, паразитируя на ней, лицемѣрно выставляетъ себя ея хранителями. Лишь лишённый либо слуха, либо совѣсти можетъ утверждать, что гласныя ***е, ѣ*** въ произношеніи никакъ не различались.

Но таковы и суть въ большинствѣ современные (или современные, какъ выражался военрукъ объ средствахъ пораженія въ нашей школѣ) филологи. Можно ли представить себѣ музыковѣда, постулирующаго ненужность чёрныхъ «дополнительныхъ» клавишъ на фортепьяно? Развѣ можно, обладая хоть начатками гуманитарнаго

ума, утверждать, что въ столь сложномъ и живомъ существѣ, какъ языкъ, можно измѣнить что-либо такъ, чтобы это не повлекло измѣненія остального? Что будто бы реформа орѳографіи никакъ не измѣнила языкъ, а перемѣна письменности будто не затронула рѣчи устной? «Смѣясь, онъ дерзко презиралъ земли чужой языкъ и нравы» — вотъ всё, что можно о такихъ сказать.

Многочисленъ лженаучный абсурдъ, включённый пушкиновѣдами-дантесами въ школьную программу. Типы придаточныхъ предложеній и дополненій, обстоятельствъ, виды мѣстоименій, «наклоненія» глаголовъ, родъ, число и одушевлённость существительныхъ… неполный перечень навязываемой отрокамъ схоластики. Родной языкъ не лабораторная лягушка, чтобы съ малолѣтства пріучать её рѣзать, если только у пріучающаго нѣтъ цѣли сломать психику, убить дѣтскую душу.

Бываетъ, что насиліе, происходящее въ школѣ, оправдываютъ необходимостью «развивать и тренировать мозги» (на дѣлѣ — гипертрофировать схоластическій умъ за счётъ психическаго убійства остальныхъ способовъ мышленія). Но попробуйте предложить имъ «развивать умъ» дореформеннымъ русскимъ и ужъ тѣмъ болѣе церковнославянскимъ языкомъ — и они придутъ въ неистовство. Такова суть интеллектуальной обслуги оккупантовъ нашей Россіи, лгущихъ о себѣ какъ о «хранителяхъ и учителяхъ» русскаго языка и литературы, а на самомъ дѣлѣ паразитирующихъ на умирающемъ русскомъ языкѣ, укравшихъ самое его имя и присвоившихъ уродливому блатоязу.

Вопросъ «что дѣлать» находится нѣсколько за рамками данной статьи; авторъ къ тому же не политикъ. Но какъ минимумъ каждому русскому надо осознать и перестать обманываться — не русскій языкъ является языкомъ РФ. Федеральный языкъ — не Русскій языкъ. Нужно обязательно читать, желательно на бумагѣ, русскія книги и по нимъ, нарабатывая навыкъ, постигать напѣвность, живость и глубину родной рѣчи. Научиться хотя бы читать на родномъ нашемъ языкѣ — это приходитъ, слава Богу, довольно быстро; заново открыть для себя стихи русскихъ поэтовъ. Для автора этихъ строкъ особенно краснорѣчиво творчество Гумилёва, котораго можно съ наслажденіемъ слушать въ исполненіи чтеца, съ восторгомъ читать по-русски, но который въ переложеніи на кацапскую мову становится особенно невыносимъ и зануденъ, видимо, въ силу аристократизма своей поэзіи.

Эта волшебная перемѣна однихъ и тѣхъ же текстовъ не можетъ не производить феноменальное впечатлѣніе.

Развѣ не слышно уже въ заглавіи «Колчанъ» звона спущенной тетивы? Нынѣ это слово, какъ и другія, пребываетъ въ летаргическомъ снѣ, нѣмо и глухо.

***

На политическомъ уровнѣ слѣдовало бы поднять вопросъ, назвавъ языкъ, имя котораго украдено большевизмомъ, напримѣръ, великорусскимъ. Разъ договорившись объ этомъ терминѣ, слѣдуетъ его придерживаться, чётко противопоставлять великорусскій и постреформенный, вѣжливо говоря, федеральный языкъ. На основѣ международнаго права требовать защиты въ государствѣ нашего языка, правъ въ образованіи, культурѣ, печати, доходить до международныхъ судовъ. Пусть сложно разсчитывать на немедленный успѣхъ, но спасеніе Россіи въ десницѣ Божьей, и вода камень точитъ. Дѣлай, что долженъ, и будь, что будетъ, — сыздавна говорили намъ славные предки.

Не забудемъ же Православную вѣру и русскую рѣчь. Языкъ нашъ — даръ Божій, да ведётъ онъ вѣрныхъ себѣ къ высшей правдѣ!

> Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей Родины, — ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный Русскій языкъ! Не будь тебя — какъ не впасть въ отчаяніе при видѣ всего, что совершается дома? Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!

Игорь Георгіевичъ Добродомовъ
докторъ филологическихъ наукъ, профессоръ каѳедры
общаго и прикладного языкознанія Московскаго
педагогическаго государственнаго университета,
членъ Россійскаго комитета тюркологовъ (Москва, Россія)

Чѣмъ грозила и грозитъ «реформа» орѳографіи[1]

Не такъ давно общественность отстояла русскій языкъ отъ ненужнаго и вреднаго реформированія. Важно отмѣтить, что большую роль въ этомъ добромъ дѣлѣ сыграла Л. А. Путина, которая взяла на себя трудное дѣло заботы о русскомъ языкѣ.

Однако въ послѣднее время вновь стали раздаваться голоса съ требованіемъ реформы языка. Публикуемая статья — отвѣтъ заражённымъ реформаторскимъ зудомъ.

Расхожденіе между живой рѣчью и рѣчью прошлыхъ времёнъ, которая въ болѣе архаичномъ обликѣ сохраняется въ письменности, естественно. Вѣдь только «консерватизмъ» языка можетъ обезпечить преемственность культурнаго и историческаго развитія народа. И только у людей недостаточной культуры возникаетъ желаніе устранить такое расхожденіе путёмъ внесенія измѣненій въ отстоящую отъ повседневнаго языка письменную рѣчь. Причастность же къ исторіи и культурному наслѣдію прошлаго заставляетъ людей культурныхъ воздерживаться отъ подобныхъ опрометчивыхъ желаній. Вѣдь вполнѣ естественно, что орѳографія не согласуется съ живой звучащей рѣчью, отражая «старое» состояніе языка; она базируется на историческихъ принципахъ, на традиціи, сохраняющей глубокую культурную преемственность, языковую связь поколѣній.

Русская письменность на протяженіи тысячелѣтія ея существованія подвергалась едва ли серьёзно продумываемымъ попыткамъ реформированія.

Такъ, въ XX вѣкѣ на волнѣ революціонныхъ событій въ Россіи первыхъ двухъ десятилѣтій орѳографія претерпѣла сильныя измѣненія отъ введенія поспѣшныхъ и не до конца продуманныхъ

[1] Первая публикація: Русскій Вѣстникъ. 2003. 25 іюля.

революціонныхъ преобразованій. Между книжной культурой XVIII–XIX вѣковъ и новой книжностью образовался едва ли полезный въ развитіи культуры барьеръ.

Но достаточно скоро стали раздаваться голоса о томъ, что проведённая реформа недостаточна, не закончена и должна быть продолжена. Всё это вылилось въ затяжную дискуссію 30-хъ годовъ, прерванную Великой Отечественной войной и возобновившуюся въ 60-е годы. Было подготовлено нѣсколько проектовъ сводовъ орѳографическихъ и пунктуаціонныхъ правилъ, пока не вышли въ 1956 году офиціальныя «Правила русской орѳографіи и пунктуаціи» какъ результатъ довольно активной дискуссіи въ педагогической печати 1954–1955 гг. Хотя умѣренная и половинчатая реформа 1956 г. никого не удовлетворила, ея результаты могли теперь осмысляться учёными и учащимися: стали появляться учебныя пособія и болѣе или менѣе послѣдовательные орѳографическіе словари и другіе справочники, которые оказались подъ угрозой уже черезъ восемь лѣтъ. Тогда на новой волнѣ преодолѣнія послѣдствій культа личности была въ 1962 году спѣшно образована Орѳографическая комиссія, не менѣе поспѣшно подготовившая къ 1964 году проектъ новаго орѳографическаго свода для широкаго общественнаго обсужденія. Состоявшееся въ печати обсужденіе показало, что противниковъ искусственнаго безцеремоннаго вмѣшательства въ орѳографію съ цѣлью ея унификаціи (даже не всегда послѣдовательной) оказалось гораздо больше, чѣмъ сторонниковъ реформъ. Измѣненіе политической обстановки въ странѣ въ связи съ наступленіемъ Брежневскаго періода дѣлало неактуальнымъ реализацію непопулярныхъ реформаторскихъ поползновеній, и реформа была отвергнута, къ удовольствію грамотныхъ русскихъ людей, которымъ не пришлось срочно переучиваться на реформаторскій салтыкъ.

Результатомъ этой кампаніи стало нѣсколько брошюръ по спорнымъ вопросамъ орѳографіи и появленіе большого справочнаго тома «Обзоръ предложеній по усовершенствованію русской орѳографіи (XVIII–XX)» подъ редакціей академика В. В. Виноградова (1965).

Наступило долгожданное затишье, которое позволило педагогамъ заниматься грамотностью просто, спокойно и безъ потрясеній во имя какихъ-то сомнительныхъ достоинствъ предлагаемыхъ разрушеній сложившейся системы.

Стали снова появляться руководства по орѳографіи и пунктуаціи, продолжилась планомѣрная спокойная работа по обученію орѳографіи, а обучившіеся ей пользовались плодами своей грамотности. Ничто не предвѣщало на орѳографической почвѣ потрясеній, даже въ эпоху перестройки и реформъ. Но псевдорадѣтели языка не дремали.

Орѳографическая дискуссія 1964 года кончилась лишь однимъ результатомъ: былъ основательно подорванъ авторитетъ «Правилъ» 1956 года, которыя стараніями Института русскаго языка Академіи Наукъ оказались какъ бы выведенными изъ оборота. По едва ли обоснованному утвержденію д. ф. н. В. В. Лопатина, «текстомъ этихъ правилъ давно никто (?!) не пользуется, они фактически не переиздавались лѣтъ тридцать» (РЯШ. 2001. № 2. С. 55). Почему-то это извѣстно В. В. Лопатину только приблизительно…

Для подрыва авторитета этихъ «дезавуированныхъ» и фактически «денонсированныхъ» «Правилъ» 1956 года въ офиціальный «Орѳографическій словарь русскаго языка» было тихой сапой включено большое количество словъ, написаніе которыхъ противорѣчитъ требованіямъ ещё дѣйствующихъ «Правилъ».

На эти «вольности» и ссылаются какъ на необходимость измѣненія «Правилъ», хотя лучше и логичнѣй было бы исправить своевольныя рекомендаціи «Орѳографическаго словаря», поспѣшно кодифицировавшаго ошибки противъ «Правилъ», которыхъ — подчёркиваю! — никто до сихъ поръ не отмѣнялъ.

Въ 2001 году спеціалисты по русскому языку и широкая публика изъ статей замѣстителя предсѣдателя Орѳографической комиссіи Россійской Академіи Наукъ В. В. Лопатина въ «Русскомъ языкѣ въ школѣ» (№ 2. С. 55–60) и «Новомъ Мірѣ» (№ 5) и публикацій въ другихъ періодическихъ изданіяхъ неожиданно узнали, что уже готовъ проектъ «Свода правилъ русскаго правописанія (орѳографія и пунктуація)», который только и ждётъ офиціальнаго утвержденія.

Эта ставшая ненужной Орѳографическая комиссія на какое-то время ушла въ подполье и уже въ обновлённомъ видѣ тайно подготовила совсѣмъ новый проектъ «Свода правилъ русскаго правописанія (орѳографія и пунктуація)», который былъ выпущенъ ограниченнымъ (!) тиражомъ и съ которымъ, по приблизительному увѣренію замѣстителя предсѣдателя Орѳографической комиссіи,

были «ознакомлены вузовскіе преподаватели, методисты, представители ряда (?) учрежденій системы образованія, учительской общественности» (Русскій языкъ въ школѣ. 2001. № 2. С. 55). Якобы «состоялись обсужденія проекта, получены письменные отзывы. По итогамъ этихъ обсужденій съ учётомъ сдѣланныхъ [кѣмъ?, гдѣ?] замѣчаній текстъ свода доработанъ и теперь долженъ быть представленъ на офиціальное [чьё?] утвержденіе» (Тамъ же).

Любопытно, что всѣ попытки, въ томъ числѣ и послѣдняя, вносить измѣненія въ русскую орѳографію носили самодовлѣющій характеръ и рѣдко связывались съ предыдущими, а послѣдующіе реформаторы въ свою очередь также забывали о поползновеніяхъ своихъ предшественниковъ. Характернымъ примѣромъ является введеніе въ школьную практику обязательнаго употребленія буквы *ё* приказомъ Народнаго Комиссаріата Просвѣщенія отъ 24 декабря 1942 года, которое не было реализовано изъ-за неудачнаго момента его появленія въ условіяхъ военнаго времени. Уже составители «Правилъ русской орѳографіи и пунктуаціи» 1956 года благополучно забыли объ этомъ весьма важномъ улучшеніи русскаго правописанія, забыли о нёмъ и послѣдующіе реформаторы, хотя введеніе обязательнаго употребленія буквы *ё* значительно улучшило бы наше правописаніе.

Весьма любопытно, что предполагавшееся новое вмѣшательство въ русскую орѳографію старательно преуменьшалось: «Это отнюдь не реформа. Рѣчь идётъ только о новой, переработанной и значительно дополненной редакціи “Правилъ русской орѳографіи и пунктуаціи”, утверждённыхъ въ 1956 году» (С. 55).

Зачѣмъ же тогда предполагалось отмѣнять эти «Правила» и утверждать новыя?

Замѣна стараго новымъ и есть реформа, то есть преобразованіе, измѣненіе и т. п.

Всѣ реформаторы хорошо показывали будущія достоинства предлагаемыхъ нововведеній, но плохо думали объ ихъ отрицательныхъ послѣдствіяхъ, которыя обнаруживаются, какъ правило, нѣсколько позже, въ коварной жизни, а не въ благополучной и радужной теоріи, что можно показать и на примѣрѣ реформы 1917–1918 гг.

Революціонная реформа орѳографіи, поспѣшно проведённая Временнымъ правительствомъ въ 1917 году и подтверждённая

Совѣтами, проходила подъ знакомъ упрощенія и даже упрощенчества. Это оказалось сопряжённымъ съ потерями нѣкоторыхъ достоинствъ старой орѳографіи, которая благодаря наличію большаго количества буквъ могла различать больше написаній съ разной смысловой нагрузкой.

Выбросили ъ въ концѣ слова, а заодно и ъ въ словахъ типа *съуженный* (отъ *съузить* ‘сдѣлать узкимъ’), гдѣ онъ обозначалъ особый слабо выраженный гортанный звукъ, который послѣ этого перестали замѣчать даже спеціалисты по фонетикѣ. Упрощеніе обернулось потерей тонкостей.

Напримѣръ, въ современномъ русскомъ языкѣ въ формѣ существительнаго *поле* сейчасъ совпали на письмѣ именительный, винительный и мѣстный (предложный) падежи, хорошо различавшіеся въ Гротовской орѳографіи: *поле* (именительный, винительный) — *(въ) полѣ* (мѣстный). Устраненіе буквы ѣ (ять) изъ русскаго письма привело къ неразличенію указанныхъ падежей въ нѣкоторыхъ текстахъ.

Напримѣръ, у А. С. Пушкина въ идилліи Мосха «Земля и Море» (1821) читаемъ:

Я удаляюсь от морей
В гостеприимные дубровы;
Земля мне кажется верней,
И жалок мне рыбак суровый:
Живёт на утлом он челне,
Игралище слепой пучины,
А я в надёжной тишине
Внимаю шум ручья в долине.

Въ условіяхъ новой орѳографіи невозможно опредѣлить, относится ли слово *игралище* къ рыбаку или къ челну, но старая орѳографія *игралищѣ* (съ ятемъ въ окончаніи) чётко указывала на связь съ «на челнѣ», а не со словомъ «рыбакъ». Эта деталь исчезла даже въ академическомъ изданіи сочиненій поэта.

Неучётъ старой орѳографіи при изданіи произведеній русскихъ писателей XIX вѣка породилъ едва ли разрѣшимую проблему пониманія старыхъ текстовъ, что вызвало, напримѣръ, дискуссію о томъ, какъ надо печатать А. С. Пушкина по новой орѳографіи.

Приведу ещё два характерныхъ примѣра. Въ романѣ Н. С. Лѣскова «На ножахъ» читается не совсѣмъ понятная въ наше время фраза: «<...> старый инспектор Гриневич, ни село, ни пало, получил без всякой просьбы чистую отставку» (I, 1), имѣющая повтореніе въ другомъ мѣстѣ: «<...> и вдруг ни с того, ни с сего разрыв, и какой разрыв: ни село, ни пало и разошлись» (I, 1). Въ шеститомномъ «Собраніи сочиненій», подготовленномъ извѣстнымъ критикомъ Л. Аннинскимъ, къ этому выраженію преподаватель русской литературы Московскаго университета (А. М. Ранчинъ) даётъ удивительное разъясненіе: «…ни село, ни пало… — ни село, ни пепелище (в значении: “ни то, ни сё”)» (Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 516).

Ошибка произошла изъ-за того, что въ современномъ написаніи *село* совпали какъ существительное *село*, такъ глаголъ *сѣло*. Старинное выраженіе *ни сѣло, ни пало — дай бабѣ сала!* у В. И. Даля (въ гнѣздѣ *сажать*) даётся также въ формѣ *ни шло, ни ѣхало — ни сѣло, ни пало* (въ гнѣздѣ *падать*): они служили для обозначенія неожиданности дѣйствія безъ видимой причины (ни съ того, ни съ сего).

Въ томъ же романѣ Н. С. Лѣскова авторъ вкладываетъ въ уста героя выразительное этимологическое выведеніе модныхъ тогда терминовъ *нигилистъ, нигилизмъ* (изъ латинскаго *nihil* ‘ничто’) отъ сейчасъ устарѣвшаго слова *гиль* ‘чепуха, вздоръ’ и представляетъ эти термины въ видѣ словъ съ отрицаніемъ *негилистъ, негилизмъ* (С. 78, 163–164). Тотъ же комментаторъ изъ Московскаго университета рядомъ съ научной этимологіей даётъ совершенно фантастическое истолкованіе: «Вместе с тем слово “негилизм” как бы и производное от “нега” (удовлетворение желаний и прихотей, полное довольство, блаженство)» (С. 525). Такое сближеніе просто невозможно, поскольку слово *нѣга* писалось черезъ ять и не могло сближаться съ шутливымъ *негилизмъ*.

Разрывъ системы орѳографіи русскихъ писателей XIX вѣка съ нынѣшней породилъ множество съ трудомъ рѣшаемыхъ проблемъ, яркимъ отраженіемъ которыхъ была дискуссія объ орѳографіи въ изданіяхъ сочиненій А. С. Пушкина на страницахъ «Новаго литературнаго обозрѣнія» и «Вопросовъ языкознанія» въ 1998–1999 гг. Итоги дискуссіи были подведены въ «Московскомъ пушкинистѣ» (Вып. IX. 2001).

Новыя измѣненія въ системѣ съ неизбѣжностью привели бы къ возникновенію дальнѣйшихъ проблемъ, о которыхъ новоявленные реформаторы и не думали.

Не случайно серьёзные текстологи — спеціалисты по русской классической литературѣ — находятъ выходъ изъ трудностей передачи особенностей авторской орѳографіи и пунктуаціи авторовъ XIX вѣка въ томъ, что предлагаютъ переиздавать ихъ по старой орѳографіи, чтобы исключить искаженія текста при переводѣ на новую орѳографію.

Съ 1995 года въ Петрозаводскѣ «Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго» выходитъ «въ авторской орѳографіи и пунктуаціи». Но рѣдкая практика такихъ переизданій показываетъ, что старинная Гротовская орѳографія уже основательно позабыта и при всёмъ стараніи ея соблюденіе обычно нарушается, какъ это имѣло мѣсто, напримѣръ, при недавнемъ изданіи (2000) сочиненій поэта начала XX вѣка графа В. А. Комаровскаго. Что было показано въ рецензіи (Philologica. Т 6. М., 2001. С. 403–408).

Хотѣлось бы напомнить, что одной изъ причинъ незавершенія большого академическаго «Словаря русскаго языка, составленнаго Вторымъ отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ» (называемый иногда словарёмъ Я. К. Грота — А. А. Шахматова по главнымъ редакторамъ изданія) явилась реформа русской орѳографіи 1917–1918 гг., въ подготовкѣ которой принималъ участіе и А. А. Шахматовъ, не смогшій предусмотрѣть гибельныхъ послѣдствій для словарнаго дѣла отъ революціоннаго вмѣшательства въ орѳографію и большую потерю для русской культуры.

Намъ не дано предугадать,
Какъ наше слово отзовётся…

Надо сказать, что теоретики русской орѳографіи не пришли къ окончательному выводу о природѣ принциповъ, на которыхъ она базируется: одни считаютъ основнымъ морфематическій (морфологическій) принципъ, другіе — фонематическій (фонологическій). По этому вопросу идутъ длительные споры. В. В. Лопатинъ называлъ какой-то новый загадочный фономорфологическій принципъ (РЯШ. 2001. № 2. С. 55), о которомъ ничего не говоритъ даже академическая энциклопедія «Русскій языкъ» (въ обоихъ противорѣчащихъ другъ другу изданіяхъ 1979 и 1997).

Отсутствуютъ также серьёзные труды по исторіи русской орѳографіи въ реальныхъ русскихъ текстахъ. Большой академическій семнадцатитомный «Словарь современнаго русскаго литературнаго языка», который по первоначальному плану долженъ былъ давать свѣдѣнія объ измѣненіи написаній отдѣльнаго слова, фактически уклонился отъ этого сложнаго дѣла.

«Обзоръ предложеній по усовершенствованію русской орѳографіи» подъ редакціей В. В. Виноградова былъ переполненъ мечтаніями, а конкретная исторія реальной русской орѳографіи въ нёмъ отсутствовала.

Ни исторической, ни теоретической базой полуподпольный проектъ «Свода правилъ русскаго правописанія (орѳографія и пунктуація)», которымъ намъ грозитъ Орѳографическая комиссія при Отдѣленіи литературы и языка Россійской Академіи Наукъ, не располагалъ, поэтому «Сводъ» входилъ въ число многочисленныхъ прекраснодушныхъ мечтаній, которыя угрожали спокойствію пока относительно грамотнаго, всего контингента носителей русскаго языка. Но весь этотъ контингентъ пересталъ бы быть таковымъ послѣ вступленія въ жизнь проекта, если вся система была бы нарушена.

Отъ переработки и доработки новый проектъ «Свода правилъ русскаго правописанія (орѳографія и пунктуація)» не сталъ бы проще сравнительно съ руководствомъ Я. К. Грота и «Правилами» 1956 года и доступнѣе для пользователя: если руководство Я. К. Грота «Русское правописаніе» и «Правила русской орѳографіи и пунктуаціи» 1956 года не превышали 180 страницъ, то новый «Сводъ» поражалъ своей громоздкостью (почти 400 страницъ!), гдѣ даже спеціалисту трудно разобраться. И это лицемѣрно называлось всего-навсего новой редакціей: гдѣ больше половины составляетъ совершенно новый текстъ.

Объёмъ продѣланной работы (увеличеніе свода болѣе чѣмъ въ два раза!) самымъ яркимъ образомъ опровергали лукавыя слова В. В. Лопатина: «Никакихъ кардинальныхъ орѳографическихъ измѣненій въ новомъ текстѣ правилъ не предусмотрѣно. Не было самоцѣлью и упрощеніе орѳографіи» (РЯШ. 2001. № 2. С. 53).

Измѣненій якобы нѣтъ, а старый сводъ 1956 года не годился: подготовленъ новый безъ кардинальныхъ измѣненій.

Въ чёмъ здѣсь логика?

Ни слова не говорилось и о недостаткахъ старыхъ «Правилъ»,

которыхъ никто не отмѣнялъ (если не считать ихъ нарушенія въ «Орѳографическомъ словарѣ»). Просто для разработчиковъ этотъ орѳографическій законъ какъ бы не писанъ: «<...> главное для насъ, разработчиковъ новаго текста правилъ русскаго правописанія — не измѣненія въ правилахъ, а самъ фактъ офиціальнаго утвержденія новаго полнаго, современнаго свода правилъ» (С. 60).

Исторія языка показываетъ, что во всѣ времена находилось нѣкоторое количество носителей языка, хотѣвшихъ «очистить», освободить языкъ отъ элементовъ, которые этимъ дѣятелямъ представлялись нежелательными. Такихъ дѣятелей называли пуристами, а ихъ дѣятельность пуризмомъ. Чаще всего пуристы боролись противъ новшествъ въ словарѣ, стремясь изгнать новыя слова, особенно иноязычнаго происхожденія. Но доставалось при этомъ и словамъ устарѣвшимъ, которыя пуристы отвергали.

Пуристамъ въ языкѣ или въ связанныхъ съ языкомъ сферахъ культуры что-то не нравится, и они стремятся изгнать непріятные для нихъ элементы. Пуристы изъ области словаря переносятъ свои антипатіи и въ правописаніе, стремятся навязать свои взгляды всему обществу. Чисто пуристическими вкусами разработчиковъ навѣяны проектируемыя новшества, которыми хотѣли бы вытѣснить привычное старое.

Пуризмъ — дѣло вкуса, поэтому навязывать вкусовщину всему обществу едва ли правильно.

Хотѣлось бы напомнить ещё, что великіе русскіе учёные-лингвисты академики Ф. Ѳ. Фортунатовъ и А. А. Шахматовъ, которые принимали активное участіе въ орѳографическихъ дискуссіяхъ начала XX вѣка и подготовкѣ реформы 1917–1918 гг., считали, что «работа по реформѣ орѳографіи не научная и не подлежитъ рѣшенію Академіи Наукъ» (*Чернышёвъ В. И.* Избранные труды. Т. 2. М., 1970. С. 559).

Принимать новшества въ орѳографіи должно грамотное общество, какъ пользователь орѳографіи. Причёмъ такія новшества должны получить общественное обсужденіе и признаніе и только послѣ этого вводиться въ жизнь.

Разработчики отставленнаго проекта новой орѳографіи не задумывались надъ тѣмъ, что новыя правила сразу же потребуютъ изъятія изъ обращенія громадной массы учебныхъ пособій и чистки школьныхъ библіотекъ на предметъ устраненія литературы,

напечатанной по отмѣнённымъ правиламъ: педагогика требуетъ соблюденія въ школѣ единаго орѳографическаго режима.

Въ обоснованіи необходимости проведенія реформъ содержатся противорѣчія и отсутствіе логики. Можно согласиться съ характеристикой орѳографіи какъ «саморазвивающейся системы» (РЯШ. 2001. № 2. С. 56): пусть себѣ сама развивается. Но тутъ же обнаруживается, что это «саморазвивающаяся система, требующая регулярной и систематической корректировки». Если она саморазвивающаяся, то зачѣмъ препятствовать ей это дѣлать сомнительными субъективными корректировками?

Назову одинъ такой примѣръ непродуманной корректировки. Англійское слово *dandy*, которое во времена А. С. Пушкина писалось по-англійски, согласно орѳографическимъ рекомендаціямъ старшаго современника поэта грамматиста Н. И. Греча пріобрѣло неудобную форму *денди*, но съ середины XIX вѣка стало закрѣпляться въ болѣе удобномъ для чтенія обликѣ *дэнди*, употребленіе котораго было зачѣмъ-то «скорректировано» и пресѣчено «Правилами» 1956 года во имя старой орѳографіи Н. И. Греча. А вѣдь была права практика, постепенно исправляющая волевое рѣшеніе Н. И. Греча какъ несоотвѣтствующее принципамъ русской графики.

Болѣе обоснованными являются претензіи пишущихъ къ рекомендаціямъ «Орѳографическаго словаря», гдѣ содержатся многія отклоненія отъ «Правилъ» на правахъ ошибокъ, на которыя пока нельзя переоріентироваться — вопреки устремленіямъ разработчиковъ новаго проекта узаконить ошибки.

Академическій «Русскій орѳографическій словарь» переполненъ словами, написаніе которыхъ не вызываетъ затрудненій ни у кого (*хамъ, ханъ, баръ* и т. п.), содержитъ рекомендаціи, которыя противорѣчатъ длительной практикѣ ихъ написанія въ русской письменности (постоянное раздѣльное написаніе выраженія *на шаромыжку* на практикѣ такъ и не измѣнилось вопреки настойчивой рекомендаціи слитнаго написанія *нашаромыжку* въ орѳографическихъ словаряхъ), даётъ написанія словъ, которыя реально не употребительны въ русскомъ языкѣ, хотя они и возможны (*обскурантка, педантка, адресантка:* почему не столь же неупотребительныя *обскурантша, педантша, адресантша* или даже *обскурантесса, педантесса, адресантесса*, которыя также неупотребительны и столь же возможны?). И т. д.

Въ «Орѳографическомъ словарѣ» даются рядомъ два противорѣчивыхъ написанія родственныхъ словъ: *задолженность*, но *задолжникъ*.

Благодаря постояннымъ рекомендаціямъ орѳографическихъ словарей въ русскомъ написаніи уже почти закрѣпилось исторически ошибочное написаніе глагола *перефразировать* вмѣсто правильнаго исторически *перифразировать* (отъ *перифраза*, а не отъ *фраза*), которое, впрочемъ, въ орѳографическихъ словаряхъ остаётся въ качествѣ параллельнаго и сейчасъ, но безъ надежды на побѣду.

Разработчики отставленнаго проекта новаго «Свода правилъ русскаго правописанія» выработали противорѣчія между «Правилами русской орѳографіи и пунктуаціи» 1956 года и параллельнымъ имъ академическимъ «Орѳографическимъ словарёмъ русскаго языка» (въ послѣднемъ изданіи переименованъ въ «Русскій орѳографическій словарь») путёмъ включенія въ послѣдній ошибочныхъ написаній, отклоняющихся отъ правилъ. Они хотѣли измѣнить «Правила», которыхъ никто не отмѣнялъ, чтобы оправдать ошибки орѳографическаго словаря. Однако болѣе логичнымъ было бы исправленіе ошибокъ орѳографическаго словаря по «Правиламъ», отъ которыхъ словарь незаконно отклонился.

Прежде любого преобразованія орѳографическаго хозяйства русскаго языка слѣдуетъ это хозяйство тщательно обозрѣть, проинвентаризировать, чего пока ещё не сдѣлано.

Проектъ предполагавшихся новыхъ орѳографическихъ правилъ былъ направленъ въ «свѣтлое будущее», но онъ создалъ бы множество неудобствъ грамотной массѣ нѣсколькихъ поколѣній носителей русскаго языка, которые должны были бы срочно переучиваться во имя амбиціи академической орѳографической комиссіи. Вѣдь ей не писанъ орѳографическій законъ въ видѣ «Правилъ русской орѳографіи и пунктуаціи» 1956 года.

По своему опыту перехода на новыя нормы орѳографіи въ 1956 году могу сказать, что это не такъ ужъ и легко. Напримѣръ, реформа 1956 года, заставшая меня на третьемъ курсѣ университета, устраняла слитное написаніе нарѣчій *по-видимому, по-прежнему,* уничтоживъ исключенія изъ правила. Я въ теченіе болѣе десяти лѣтъ не могъ забыть старое написаніе, которое дѣйствовало автоматически и исправлялось только послѣ того, какъ я вспоминалъ, что

писать эти бывшія исключенія нужно теперь по общему правилу.

Разработчики отставленнаго проекта правилъ правописанія должны бы понимать, что стабильная орѳографія является одной изъ важныхъ составныхъ частей культуры: «Орѳографія — одна изъ важнѣйшихъ составляющихъ національной культуры, и наличіе общеобязательнаго свода правилъ правописанія — одинъ изъ признаковъ культурнаго здоровья общества» (С. 60).

Орѳографистамъ-«обновленцамъ» орѳографическій законъ 1956 года не писанъ, они посягали на его цѣлостность.

Къ счастью, задуманная «реформа» не прошла. Пока мы отстояли свою грамотность и себя отъ орѳографическихъ сюрпризовъ. Будемъ бдительными въ будущемъ.

Владиміръ Николаевичъ Захаровъ
докторъ филологическихъ наукъ, профессоръ, завѣдующій каѳедрой русской литературы и журналистики Петрозаводскаго государственнаго университета (Петрозаводскъ, Россія)

Текстологія какъ технологія[1]

Теорія текстологіи и текстологическіе принципы возникли изъ эдиціонныхъ потребностей письменной культуры. Уже въ древности была рѣшена задача сохраненія текста Священнаго Писанія и поэмъ Гомера. Огромное значеніе имѣли критическій анализъ и исправленіе древнихъ и средневѣковыхъ рукописныхъ текстовъ, изданій Шекспира, въ русской литературѣ — собраній сочиненій Пушкина. До недавняго времени въ этомъ ряду называли и Достоевскаго.

Кризисъ современной текстологіи со всей опредѣлённостью обозначилъ изъяны тѣхъ принциповъ, по которымъ въ Совѣтскомъ Союзѣ издавалась русская классика.

Совѣтская орѳографія рѣшала политическія задачи. Упраздняя прописное написаніе религіозной и церковной лексики, она мѣняла знаки культуры на противоположные — превращала христіанскихъ писателей въ атеистовъ. Идеологическая правка искажала смыслъ и духъ творчества всѣхъ безъ исключенія русскихъ писателей. Слѣдованіе корректоровъ школьнымъ правиламъ обращало въ фикцію авторскую пунктуацію.

Сегодня эти текстологическіе принципы не обязательны и не авторитетны, но за послѣдніе годы, къ сожалѣнію, мало что измѣнилось. Современныя изданія по-прежнему искажаютъ авторскій смыслъ русской классики. Для меня эти проблемы обозначились двадцать лѣтъ назадъ, когда я захотѣлъ издать нѣкоторыя произведенія Достоевскаго; въ этихъ проектахъ постепенно возникла идея новаго собранія его сочиненій.

Каждое изданіе имѣетъ свою исторію.

Увлекаясь поэтикой и герменевтикой, я не собирался заниматься текстологіей, довѣряя тому, что сдѣлали предшественники и коллеги.

[1] Первая публикація: Проблемы текстологіи Ѳ.М. Достоевскаго. Вып. 1. Проблемы текстологіи романовъ «Преступленіе и Наказаніе», «Идіотъ», «Бѣсы». Петрозаводскъ: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 3–26.

Какъ-то въ бесѣдѣ съ Г. М. Фридлендеромъ во время традиціонной конференціи въ Санктъ-Петербургскомъ, тогда ещё Ленинградскомъ музеѣ Достоевскаго (ноябрь 1985 г.) я искренне хвалилъ тридцатитомное собраніе сочиненій Достоевскаго, говорилъ, что оно «на вѣка», на что Георгій Михайловичъ улыбнулся и возразилъ: «Ну, что вы, Володя: лѣтъ черезъ десять обязательно найдётся кто-нибудь, кто начнётъ передѣлывать нашу работу».

Сказалъ — и напророчилъ: ровно черезъ десять лѣтъ въ іюлѣ 1995 г. на симпозіумѣ Международнаго общества Достоевскаго въ Гамингѣ (Австрія, 31 іюля — 5 августа) состоялась презентація перваго тома моихъ «Каноническихъ текстовъ» Достоевскаго, вызвавшихъ гнѣвъ со стороны Г. М. Фридлендера[2].

[2] Продолженіемъ этого скандала стала несуразная защита Г. М. Фридлендеромъ орѳографической реформы 1918 г. и орѳографическихъ принциповъ изданія академическаго Достоевскаго: «Въ заключеніе», — писалъ онъ въ своей вводной замѣткѣ «Отъ редактора», — «мы должны замѣтить, что въ послѣднее время въ нашей странѣ усилились нападки на проведённую въ 1918 г. въ Россіи орѳографическую реформу. Этихъ нападокъ не избѣжало и изданіе “Полнаго собранія сочиненій” Достоевскаго, получившее міровое признаніе (см., напр.: *Захаровъ В. Н.* Каноническій текстъ Достоевскаго // Новые аспекты изученія Достоевскаго. Петрозаводскъ, 1994. С. 356–357). Тѣ, кто нападаютъ на эту реформу, по-видимому, по невѣжеству не знаютъ (наивное заблужденіе автора: въ томъ-то и дѣло, что знали! — *В. З.*), что рѣшеніе о ней было принято спеціально созданной Комиссіей Императорской Академіи Наукъ до октября 1917 г. Въ соотвѣтствіи съ установленными этой реформой правилами изданы всѣ современные словари русскаго языка и всѣ академическія изданія русскихъ классиковъ. Поэтому (? — чистѣйшій фидеизмъ! — *В. З.*) нападки эти безпочвенны; къ тому же онѣ основаны на полномъ непониманіи (?! — *В. З.*) того труда, который составляетъ расшифровка и датировка всего массива рукописей писателя, впервые проведённая нами» (*[Фридлендеръ Г. М.]* Отъ редактора // Достоевскій. Матеріалы и изслѣдованія. Т. 12. СПб.: Дмитрій Буланинъ, 1996. С. 4). Какъ видно, Г. М. Фридлендеръ не читалъ мою болѣе раннюю развёрнутую критику совѣтской орѳографіи и принциповъ академическихъ изданій русской классики, въ томъ числѣ и изданія рукописей и записныхъ тетрадей Достоевскаго, а также обоснованіе новыхъ текстологическихъ принциповъ публикаціи произведеній Достоевскаго въ преамбулѣ къ примѣчаніямъ въ изданіи романа Достоевскаго «Бѣсы» (Петрозаводскъ: Карелія, 1990. С. 680–682). Свои текстологическія установки Г. М. Фридлендеръ такъ и не пересмотрѣлъ: его малое академическое собраніе сочиненій Достоевскаго въ 15-ти томахъ вышло безъ исправленій орѳографической цензуры, хотя въ девяностые годы можно было не только слово *Богъ* печатать съ большой буквы, но и многое другое. Въ этомъ изданіи дана та же ▶

Этой презентаціи предшествовали нѣкоторыя важныя событія въ моей научной жизни.

Въ 80-е годы у меня былъ небольшой опытъ составленія и подготовки къ изданію сборниковъ разсказовъ Достоевскаго, тогда же я задумалъ такъ и не осуществлённый до сихъ поръ проектъ изданія «петербургскихъ повѣстей» Достоевскаго («Двойникъ. Приключенія господина Голядкина», «Хозяйка», «Слабое сердце», «Записки изъ подполья», «Крокодилъ», «Двойникъ. Петербургская поэма»), который такъ и сгинулъ въ нѣдрахъ партійнаго издательства «Правда», занимавшагося переизданіемъ классики.

Обычно для подобныхъ изданій не требовалась текстологическая подготовка: достаточно было представить расклейку авторитетнаго изданія, составить комментаріи, написать послѣсловіе — и всё.

Впрочемъ, были предвѣстія будущихъ затѣй: заглянувъ однажды въ прижизненное изданіе повѣсти «Записки изъ подполья», я былъ поражёнъ пунктуаціей Достоевскаго. Она была музыкальна, интонаціонно проясняла авторскій текстъ, подчасъ противорѣча современнымъ правиламъ орѳографіи: удивляло, насколько осмысленно Достоевскій ставилъ знаки препинанія.

Въ современныхъ изданіяхъ при перечисленіи однородныхъ членовъ предложенія съ союзомъ ставится запятая. У Достоевскаго знаки препинанія разставлены иначе:

«Я не только злымъ, но даже и ничѣмъ не съумѣлъ сдѣлаться: ни злымъ ни добрымъ, ни подлецомъ ни честнымъ, ни героемъ ни насѣкомымъ».

Какая пунктуація помогаетъ понимать текстъ, вопросъ риторическій. Безусловно, авторская.

Примѣрно въ то же время, вскорѣ послѣ выхода монографіи «Система жанровъ Достоевскаго: Типологія и поэтика», я оказался съ лекціями въ США по программѣ сенатора Фулбрайта. Въ началѣ декабря 1987 года одна изъ лекцій состоялась въ Гарвардскомъ университетѣ. Самому сейчасъ кажется страннымъ, почему вмѣсто того, чтобы разсказывать о своихъ идеяхъ и кон-

---

послѣдовательно атеистическая интерпретація текстовъ Достоевскаго, что и въ другихъ совѣтскихъ изданіяхъ классика. Замѣчу также, что расшифровка рукописей Достоевскаго содержала бы меньше смысловыхъ искаженій и ошибокъ, если бы текстологи знали «старую» орѳографію и понимали историко-культурный контекстъ творчества Достоевскаго. См. объ этомъ ниже.

цепціяхъ, я счёлъ долгомъ разсказать о провинціальныхъ центрахъ изученія творчества Достоевскаго — о томъ, что дѣлали коллеги въ Иркутскѣ (В. П. Владимірцевъ), тогда ещё въ Свердловскѣ (Г. К. Щенниковъ), въ Воронежѣ (В. А. Свительскій), въ Коломнѣ (В. А. Викторовичъ), о томъ, чѣмъ заняты я и мои коллеги въ Петрозаводскѣ.

Уже во время дискуссіи профессоръ Дональдъ Фангеръ, который, собственно, и пригласилъ меня съ лекціей, задалъ каверзный вопросъ: почему въ Совѣтскомъ Союзѣ не издаютъ «Бѣсовъ»?

Нѣсколько лѣтъ спустя я такъ вспоминалъ этотъ эпизодъ:

«На него (вопросъ. — *В. З.*) несложно было дать простой отвѣтъ. Вокругъ “Бѣсовъ” Достоевскаго давно возникла абсурдная, но столь привычная въ нашей жизни ситуація: романъ издавался и былъ подъ запретомъ одновременно. Онъ включался во всѣ собранія сочиненій писателя и былъ доступенъ любому читателю, но послѣ революціи у насъ не было ни одного отдѣльнаго изданія “Бѣсовъ”. Въ 1935 г. романъ пытался издать Л. Гроссманъ — вышелъ первый томъ, но не помогла даже поддержка М. Горькаго — тиражъ былъ уничтоженъ. Трудно понять и принять логику тѣхъ чиновниковъ, кто рѣшалъ, какъ издавать и не издавать романъ, но фактъ остаётся фактомъ: на декабрь 1987 г. у насъ не было отдѣльныхъ изданій “Бѣсовъ”, но мнѣ были извѣстны проекты изданій, которые предлагали Ю. Карякинъ, В. Тунимановъ, С. Бѣловъ.

«Сказаннымъ можно было ограничиться, но это было бы объясненіемъ политическаго аспекта той сложной текстологической проблемы, которую представляетъ отдѣльное изданіе “Бѣсовъ”. И неожиданно для себя сталъ говорить о томъ, какъ это изданіе сдѣлалъ бы я. Сказалъ, а позже осѣнило, почему бы не попробовать самому развязать запутанные узлы текстологическихъ проблемъ романа. Такъ возникла идея этой книги, которую помогло осуществить издательство “Карелія”.

«Прежде всего необходимо было рѣшить, что дѣлать съ главой “У Тихона”, запрещённой издателемъ “Русскаго Вѣстника” М. Катковымъ по ханжескимъ соображеніямъ. До насъ дошло два дефектныхъ текста главы, отражающихъ разные этапы ея переработки — начальный и конечный. Возможны двѣнадцать варіантовъ изданія романа. Существуетъ пять. Въ этомъ изданіи предложенъ шестой: въ приложеніи къ роману опубликованы двѣ версіи

главы “У Тихона”, причёмъ текстъ по списку А. Достоевской не переиздавался у насъ съ 1922 г., а въ 1922 г. былъ изданъ въ труднодоступномъ сейчасъ журналѣ “Былое”. Оба текста вычитаны и исправлены по архивнымъ оригиналамъ.

«Вторая проблема заключалась въ томъ, что произведенія Достоевскаго сегодня мы читаемъ не “по Достоевскому”. Писатель, напримѣръ, придавалъ важное смысловое значеніе заглавной буквѣ. Въ рамкахъ одного предложенія или абзаца слова (въ томъ числѣ и слово “богъ”) писались и съ заглавной, и со строчной буквы. Упраздненіе въ двадцатые годы заглавнаго написанія религіозной лексики привело къ утратѣ нюансовъ смысла, игры значеніями словъ: заглавная буква не только знакъ культуры и исторіи языка, но метафизика текста. Нашъ “воинствующій атеизмъ” обернулся воинствующимъ невѣжествомъ. Русскому языку Пушкина, Достоевскаго, Толстого пора вернуть его историческій смыслъ.

«До сихъ поръ нѣтъ ничего авторитетнѣе прижизненныхъ изданій. Въ этомъ давно разобрались библіофилы. По сравненію съ текстомъ послѣдняго академическаго изданія романа внесено свыше 450 исправленій, которыя не только уточняютъ смыслъ прочитаннаго, но и мѣняютъ знаки культуры на противоположный — съ отрицательнаго на положительный. Въ этомъ изданіи текстъ “Бѣсовъ” приближенъ къ оригиналу.

«“Бѣсы” давно названы “пророческимъ романомъ”, но не надо обольщаться, что онъ “предупреждаетъ” насъ о прошломъ — о томъ, что съ нами произошло. Романъ снова обращёнъ къ современности и нашему будущему — поиску праведнаго пути Россіи, ея выходу изъ духовнаго кризиса “смутнаго времени”»[3].

Подготовленный къ печати романъ я сдалъ въ издательство въ маѣ 1989 г., а нѣсколько мѣсяцевъ спустя на симпозіумѣ Международнаго общества Достоевскаго въ Люблянѣ (Словенія, 22–29 іюля 1989) ссорился съ Ю. Ѳ. Карякинымъ, который считалъ, что пропущенная глава должна быть непремѣнно включена въ текстъ романа, а не печататься въ приложеніи, какъ на томъ настаивалъ я.

Это изданіе «Бѣсовъ» высоко оцѣнилъ А. В. Михайловъ. Процитирую его отзывъ полностью, ибо онъ во многомъ предопредѣлилъ дальнѣйшее направленіе моихъ текстологическихъ разысканій.

---

[3] *Захаровъ В.* Пророческій романъ // Ленинская правда. 1990. 12 марта. С. 3.

Къ новому Достоевскому

Моя замѣтка продиктована радостью филолога. Чему же можетъ радоваться филологъ? Конечно же, филологъ радуется слову и буквѣ. Онъ особенно радуется тогда, когда видитъ, что смыслъ и суть дѣла, — а они всегда отданы слову и буквѣ, закрѣплены въ нихъ, въ нихъ находятъ себя, — проясняются и просвѣтляются, и всё оттого, что бережная рука и взволнованный неравнодушный взглядъ усердно прошли по словамъ и буквамъ писателя, и очистили, и освѣжили ихъ, и подправили пошатнувшееся, покривившееся отъ времени. Зная, какъ важно, чтобы внимательный и строгій глазъ не сходилъ со строкъ и страницъ великихъ книгъ, филологъ радуется, когда видитъ, что всё совершается по совѣсти, по справедливости и ровно такъ, какъ надо, — такъ, какъ надо бы, чтобы было всегда.

Кто-нибудь подумаетъ: ну что тамъ буква, когда рѣчь идётъ объ огромномъ созданіи литературы, напримѣръ о тысячестраничномъ романѣ, о «Войнѣ и Мирѣ», о «Братьяхъ Карамазовыхъ»! Что можетъ перемѣнить въ нихъ запятая, пропущенное слово? Сами авторы и такъ мѣняли и правили свой текстъ, — что же, какая бѣда въ мелкихъ неточностяхъ, въ чьей-то незамѣченной небрежности? Тотъ, кто такъ думаетъ, разсуждаетъ точно такъ, какъ обновители нашего правописанія семьдесятъ лѣтъ съ лишкомъ тому назадъ. Среди тѣхъ, кто готовилъ реформу русскаго правописанія, были учёные съ міровымъ именемъ; реформа же состоялась — не по замыслу русскихъ грамматиковъ и языковѣдовъ — въ тотъ историческій моментъ, когда приказано было отрекаться отъ стараго міра: твёрдый знакъ, да буква ять, да ѳита, да прочія малозначительныя тонкости и пали жертвой, превосходно продемонстрировавъ, какъ много могутъ маленькія и «лишнія» буквы — всё равно что лишніе люди и нахлѣбники русской азбуки. Наблюдая теперь и дивясь тому, какъ трудно бываетъ среднему нашему школьнику правильно и складно прочитать нетрудный современный русскій текстъ, уже вовсе не удивляешься тому, что русскій же текстъ съ ерами и ятями нимало не даётся ему — всё равно что китайская грамота. Вотъ тебѣ и успѣхи просвѣщенія, достигнутые путёмъ устраненія лишнихъ буквъ, и можно только вообразить себѣ, въ какую недоступную никому бумажную массу вдругъ обратились въ 1918 г. книжные запасы страны для людей малограмотныхъ и новообращённыхъ. Запретъ буквы ять да ера, сопровождаемый лязганьемъ оружія (чѣмъ и похвалялись, изгоняя упрямыхъ наборщиковъ или вправляя имъ мозги), и былъ самымъ дѣльнымъ, эффективнымъ исполненіемъ приказа объ отреченіи. Цѣлая филологія выросла на почвѣ культуры для бѣдныхъ

и на обязательности перевода всѣхъ русскихъ классиковъ на чуждое имъ правописаніе — всё это въ тактъ съ вычищеніемъ ихъ текстовъ подъ стать себѣ: перемѣна правописанія, его мнимое упрощеніе, зудъ полунезамѣтно приноровлять классиковъ къ своему разумѣнію — всё это способствовало небрежному виду издаваемыхъ у насъ текстовъ; перемѣны пунктуаціи — перестановка знаковъ препинанія, такъ, какъ легче и какъ «правильнѣе», — подчиняла авторовъ аракчеевской уздѣ мнимаго порядка, отвлечённаго ранжира. Когда въ наши дни ловишь корректоровъ на томъ, что и цитаты изъ Библіи — ничто передъ ними, если не успѣлъ поймать за руку, — что и онѣ подвергнутся исправленію, начинаешь понимать, какъ пало у насъ, въ массѣ, филологическое сознаніе, насколько отсутствуетъ чувство стиля, чувство вѣса и достоинства словъ.

А откуда же моя радость, и чему можно тутъ радоваться? А только тому, какъ, медленно и постепенно, возвращается къ намъ филологическій здравый смыслъ — медленно, какъ только и способна двигаться такая «вещь», коренящаяся въ сознаніи глубоко, мало поворотливая, трудно излѣчимая въ случаѣ болѣзни. Вотъ этому медленному-вѣрному буквоѣдъ-филологъ и радуется. Потому что знаетъ, что изученіе малой буквы, когда она поставлена вѣрно и прочно утверждена на своёмъ мѣстѣ, очень велико, и тѣмъ болѣе велико, если эта буква несётъ великій и страшный смыслъ. Тогда она своей точностью вооружилась, христіанскій воинъ противъ бѣсовства. А бѣсовство, лукавя съ буквой и словомъ, ослѣпляетъ и отупляетъ ихъ — какъ тяжелы глухія убійственныя слова хулы и осужденія, слова лжи и оглупленія, слова человѣконенавистничества, слова поклоненія идоламъ и кумирослуженія.

Наша филологія, долго возвращавшаяся къ охаянному Достоевскому, уже достигла немалаго. Только что законченный тридцатитомникъ Ѳ. М. Достоевскаго — итогъ долгихъ упорныхъ трудовъ научнаго коллектива, которымъ руководилъ Г. М. Фридлендеръ, — достиженіе, которое нельзя переоцѣнить. Но не поставлена послѣдняя точка, да и нельзя въ такомъ дѣлѣ сдѣлать всё окончательно. И вотъ знаменательный новый шагъ впередъ — изданіе «Бѣсовъ», которое было подготовлено петрозаводскимъ изслѣдователемъ, профессоромъ В. Н. Захаровымъ.

Парадоксъ исторіи — вдругъ появляется у насъ сразу нѣсколько отдѣльныхъ изданій романа Достоевскаго, прежде для широкаго читателя труднодоступнаго и отдѣльно не издававшагося въ совѣтское время, и отдѣльныя изданія эти совпадаютъ по времени съ новымъ разгуломъ старой бѣсовщины! Терпитъ бѣсовщина «Бѣсовъ», трепеща и вѣруя, — и въ томъ слабость и сила бѣсовъ: мнятъ себя выше

разоблаченій, но уже не поднимаютъ руку на несомнѣнность художественнаго. А раньше — поднимали, и сходило съ рукъ. Вотъ вѣдь ясенъ умыселъ, когда бѣсовское впархиваетъ въ текстъ великаго писателя, безчинствуя въ нёмъ такъ: «Но Сатана знаетъ бога; какъ же можетъ онъ отрицать его». Это — по старому изданію; да вѣдь и можетъ же отрицать: текстъ писателя — о томъ, что не можетъ сатана, текстъ филологовъ — о томъ, что можетъ, и онъ можетъ. Умаленіе Бога передъ сатаной — вполнѣ въ духѣ приноровленной и ручной филологіи. Теперь В. Н. Захаровъ поправляетъ всё это — просто возвращаясь къ авторскому тексту. Вотъ тебѣ и наглядная демонстрація всего неизмѣримаго значенія буквы, отдѣльной всего лишь буквы! Цѣлая міровоззрѣнческая противоположность вмѣщается въ одну лишь букву — понижена она или повышена, строчная или заглавная. И оцѣнимъ же по заслугамъ и ту «правильность» орѳографіи, которая по логикѣ своей устраивала такую выходку посрединѣ текста Достоевскаго…

Теперь же точный взглядъ филолога прошёлся по всему тексту романа и утвердилъ то, что было въ нёмъ на дѣлѣ. Правда, «Бѣсы», изданные подъ редакціей В. Н. Захарова, — это въ цѣломъ всё ещё не научно установленный текстъ, для чего нужны немалыя дополнительныя, капитальныя усилія, но это текстъ, который устраняетъ изъ романа прямую небрежность и мелкую людскую злобу противъ его создателя. И петрозаводское издательство «Карелія», насколько то въ возможностяхъ непривычнаго къ строгой филологіи издательства (да и какое у насъ привычно, и какое не лѣпитъ отъ невнимательности опечатку за опечаткой!), пошло навстрѣчу своевременному замыслу В. Н. Захарова. Онъ же самъ и поясняетъ свой подходъ къ тексту и раскрываетъ передъ читателями тонкость, какую писатель вкладывалъ въ написаніе заглавныхъ буквъ. Вотъ и слово «богъ» вовсе не всегда идётъ у Достоевскаго съ заглавной. «Упраздненіе въ двадцатые годы нашего вѣка прописного написанія религіозной и церковной лексики имѣло катастрофическія послѣдствія для текстологіи русской литературы. Орѳографическій вопросъ, съ какой буквы писать слово “богъ”, пріобрѣлъ политическій смыслъ. Сейчасъ, впадая въ обычное преувеличеніе, мы готовы любое значеніе слова “богъ” отмѣчать съ заглавной буквы. Между тѣмъ съ большой буквы писали это слово только для означенія высшаго существа, давшаго начало и смыслъ міру. Языческое многобожіе и еретическое мудрствованіе означались съ малой буквы». Вотъ Достоевскій и пишетъ: «о Боже», «ей-Богу», а въ иныхъ мѣстахъ пишетъ — «богъ», и всякій разъ съ глубокимъ смысломъ. У Достоевскаго «заглавная буква — “метафизика” текста».

И такой же носитель смысла — пунктуація. Достоевскій говорилъ: «У каждаго автора свой собственный слогъ, и потому своя собственная грамматика… Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до чужихъ правилъ! Я ставлю запятую передъ что, гдѣ она мнѣ нужна; а гдѣ я чувствую, что не надо передъ что ставить запятую, тамъ я не хочу, чтобы мнѣ её ставили!» Но вѣдь и ставятъ, и въ этомъ петрозаводскомъ изданіи вынужденно всё ещё даётся неавторская пунктуація. А теперь, какъ я надѣюсь, любой читатель знаетъ уже, что чтеніе текстовъ, напечатанныхъ по «правильной» орѳографіи, только мнимымъ образомъ упрощаетъ дѣло, — текстъ съ авторской орѳографіей и пунктуаціей читать будетъ и потруднѣе, но зато читаться-то будетъ то, что авторъ написалъ. Сквозь авторское написаніе, пусть оно и будетъ даваться намъ съ трудомъ, свѣтитъ авторскій замыселъ, авторскій смыслъ. Ради него вѣдь, не ради идеологической непогрѣшимости своей читаемъ мы Достоевскаго, читаемъ «Бѣсовъ». Я не думаю, что «Бѣсы» — это непремѣнно зеркало или пророчество: проникая безжалостно въ возможности человѣческаго, — значитъ, въ тѣ возможности, которыя обнажились въ человѣческой душѣ и въ человѣческомъ умѣ, — Достоевскій едва ли и могъ ошибиться въ своихъ предсказаніяхъ, коль скоро исторію обвернуло на худо и соблазнила людей воля и безотвѣтственность воли. Это у Достоевскаго анализъ художественный, то есть особо безстрашный въ самомъ своёмъ страхѣ и схватывающій явленіе въ его цѣльности, во внутренней логикѣ такой, какую не разложишь по полочкамъ только умственно, учёно. Такой анализъ и можно назвать пророческимъ, но только сдѣлано въ мірѣ такъ, что никто не слушается пророковъ и нерѣдко побиваютъ ихъ каменьями.

Радуясь изданію В. Н. Захарова — онъ и знаменитую главу «О Тихонѣ» помѣстилъ въ двухъ редакціяхъ, изъ которыхъ одна не перепечатывалась съ 1922 года, — мечтаю дожить съ годами до такого изданія Достоевскаго, которое во всёмъ (насколько то въ силахъ человѣческихъ) будетъ вѣрно духу и буквѣ Достоевскаго. Мечтаю, но не твёрдо надѣюсь[4]. Между тѣмъ быть вѣрнымъ духу и буквѣ и значитъ быть вѣрнымъ писателю, и значитъ хранить его, какъ велитъ долгъ. Потому что духъ и буква, смыслъ и буква образуютъ въ великомъ произведеніи неразрывный союзъ, и что отнято у одной, то отнято у другого, что отнято у одного, то отнято у другой.

---

[4] Ничего не зная о болѣзни А. В. Михайлова и не предполагая ея, сразу по возвращеніи изъ Гаминга я просилъ коллегъ передать ему первый томъ «каноническаго» Достоевскаго, но они не успѣли: 18 сентября 1995 г. Александръ Викторовичъ умеръ, не доживъ до 57 лѣтъ. Время показало, что это была огромная и невосполнимая потеря для отечественной филологіи.

Пока же всякому, кто захочетъ прочитать «Бѣсовъ» Достоевскаго или перечитать ихъ, я бы рекомендовалъ взять въ библіотекѣ именно это петрозаводское изданіе. Видно: свѣтлый этотъ городъ, Петрозаводскъ, и есть въ нёмъ свѣтлые умы.

А. В. Михайловъ[5]

Эти похвалы не оставляли выбора.

Къ тому времени я уже созналъ преимущества старой передъ новой, совѣтской орѳографіей, уже писалъ, что «до сихъ поръ нѣтъ ничего авторитетнѣе прижизненныхъ изданій»[6], но не могъ рѣшить неразрѣшимую задачу, въ какомъ объёмѣ сохранить авторскую орѳографію и пунктуацію, какъ приблизить современный текстъ къ оригиналу.

Послѣ этой рецензіи оставалось лишь одно — слѣдовать напутствію А. В. Михайлова.

Такъ и случилось.

Въ 1992 году по конкурсу Министерства Образованія РФ, который проводилъ Уральскій государственный университетъ, мы получили грантъ на текстологическую подготовку произведеній Достоевскаго въ авторской орѳографіи и пунктуаціи. За три года небольшой коллективъ въ составѣ трёхъ выпускниковъ филологическаго факультета ПетрГУ О. И. Гуриной, О. В. Захаровой и Е. С. Харламовой набралъ (сканированіе не давало желаннаго результата) и вычиталъ всѣ печатныя изданія Достоевскаго въ прижизненныхъ редакціяхъ.

Это стало началомъ огромной работы: далѣе послѣдовали безконечныя вычитки, свѣрки и исправленія текста, составленіе сводовъ редакцій и далѣе нескончаемая корректорская правка, исправленіе опечатокъ, составленіе варіантовъ, редакціонная подготовка томовъ собранія сочиненій.

До начала проекта въ библіотекахъ Петрозаводска было всего нѣсколько прижизненныхъ изданій Достоевскаго. Чтобы обезпечить объёмъ работъ, необходимо было разыскать, когда удавалось пріобрѣсти — купить, а чаще ксерокопировать всѣ прижизненныя публикаціи.

---

[5] *Михайловъ А. В.* Къ новому Достоевскому // Нашъ современникъ. 1991. № 3. С. 177–179.

[6] *Захаровъ В.* Пророческій романъ. С. 3.

Ни въ одной библіотекѣ міра (и Россіи) нѣтъ всѣхъ прижизненныхъ изданій Достоевскаго, въ каждой библіотекѣ есть свои лакуны; дольше всѣхъ длились поиски отдѣльнаго изданія первой части «Записокъ изъ Мёртваго Дома» 1862 года. Въ Россійской національной библіотекѣ хранится фальшивка — подмѣнённый какимъ-то библіофиломъ муляжъ, сшитый изъ вырѣзокъ журнала «Время», въ которомъ печаталась эта часть «Записокъ изъ Мёртваго Дома» Достоевскаго. Въ оригинальномъ изданіи — тотъ же наборъ, но сплошная пагинація текста. Можетъ быть, это изданіе сохранилось ещё гдѣ-нибудь, но я нашёлъ его въ библіотекѣ Хельсинкскаго университета. Мы дѣлали ксерокопіи всѣхъ безъ исключенія изданій, которыя находили, и не напрасно: такъ удалось обнаружить промежуточный тиражъ романа «Идіотъ» 1874 года изданія.

Особенно много усилій занялъ процессъ подготовки къ публикаціи литературно-критическихъ и публицистическихъ публикацій въ журналахъ «Время» и «Эпоха», а затѣмъ и «Гражданина» временъ редакторства Достоевскаго (1873–1874), процессъ атрибуціи анонимныхъ и псевдонимныхъ статей въ этихъ изданіяхъ (см.: *Достоевскій Ѳ. М.* Полн. собр. соч.: Каноническіе тексты. Т. IV, V; *Достоевскій Ѳ. М.* Полн. собр. соч.: Въ 18 т. Т. 5).

Одновременно съ подготовкой печатнаго изданія началось чтеніе рукописей. Сначала читали по микрофильмамъ и микрофишамъ, потомъ, видя наше усердіе и серьёзность намѣреній, намъ пошли навстрѣчу: дали возможность оцифровать всѣ автографы и фонды Достоевскихъ. Огромный объёмъ работъ на многіе годы по фотосъёмкѣ архивныхъ матеріаловъ по Достоевскимъ, по В. Далю, по И. Шмелёву, Б. Зайцеву, И. Бунину взялъ на себя Н. И. Соболевъ.

Работа сотрудниковъ съ цифровыми копіями сразу повысила качество текстологическихъ изслѣдованій.

Благодаря использованію сотрудниками НИОР РГБ во главѣ съ завѣдующимъ В. Ѳ. Молчановымъ криминалистическихъ методовъ были прочитаны прежде не читавшіяся слова въ рукописяхъ, зачёркнутыя, смытыя и стёртыя мѣста въ письмахъ, выявлены авторскія помѣты на книгахъ.

На очереди подготовка къ публикаціи не просто писемъ, но переписки Достоевскаго, включая редакціонные архивы «Времени» (1860–1863), «Эпохи» (1864–1865), «Гражданина» (1873–1874), «Дневника Писателя» (1876–1881).

Приступая къ чтенію рукописей и записныхъ тетрадей, мы не предполагали объёма этого труда. Уже пятнадцать лѣтъ идётъ ихъ подготовка къ публикаціи, и пока не видно конца этой работѣ.

Надѣюсь, осуществится задуманное и удастся издать записныя тетради въ слѣдующемъ составѣ: факсимиле, транскрипція, печатный текстъ, комментаріи. Оправданіе усилій наступаетъ тогда, когда удаётся исправить ошибочныя прочтенія предшественниковъ.

Вотъ одинъ изъ послѣднихъ примѣровъ. Въ современныхъ публикаціяхъ подготовительныхъ матеріаловъ къ роману Достоевскаго «Бѣсы» есть странныя разсужденія Князя (ставшаго въ романѣ Ставрогинымъ) объ «обожаніи», для котораго «нуженъ Богъ». Ошибочное сознательное или безсознательное прочтеніе текстологомъ ясно написаннаго слова *обоженіе* вызвано непониманіемъ историко-культурнаго контекста и религіознаго смысла сужденій героевъ.

Вотъ исправленный текстъ:

«Замѣтьте что человѣческая природа непремѣнно требуетъ обоженія. Нравственность и вѣра одно, нравственность вытекаетъ изъ вѣры, [обоженіе есть неотъем<лемое>] потребность обоженія есть неотъемлемое свойство человѣческой природы. [*Ниже вписано:* /Это свойство высокое, а не низкое — признаніе безконечнаго<.> — Стремленіе разлиться въ безконечность міровую, Знаніе что изъ нея происходишь/. — *В. З.*] А чтобъ было обоженіе нуженъ Богъ. Атеизмъ именно исходитъ изъ мысли что обоженіе не есть естественное свойство природы человѣческой, <и жд>етъ возрожденіе человѣка оставленнаго лишь на самого себя. Онъ силится представить его нравственно какимъ онъ будетъ свободный отъ вѣры. Но они ничего не представили, по плодамъ судятъ о деревѣ — напротивъ представили только уродство и пищеварительную философію. Нравственность же предоставленная самой себѣ или науки, [по]/м/ожетъ извратиться до послѣдней погани — до реабилитаціи плоти и до созженія младенцевъ» (РГБ. 93.I.1.5. С. 40).

Тамъ же чуть ниже слѣдуетъ запись, ошибочно прочитанная какъ «Міръ станетъ красота Христова». На дѣлѣ же:

«Міръ спасаетъ Красота Христова» (Тамъ же).

Ради подобныхъ исправленій и трудятся текстологи.

Въ современныхъ учебникахъ пишутъ, что текстологія — вспомогательная филологическая дисциплина. Это ошибочное мнѣніе.

Словесное произведеніе существуетъ какъ текстъ. Для филолога нѣтъ ничего выше текста — всего важнѣе текстъ. Именно съ текста начинается прочтеніе и толкованіе произведенія. Безъ текста нѣтъ словесности, нѣтъ литературы.

Текстологія — не только главная дисциплина филологіи, но и основная дисциплина въ тѣхъ наукахъ, въ которыхъ значимъ текстъ и его исторія (богословіе, философія, исторія и др.).

За три тысячелѣтія человѣчество выработало ясныя и чёткія требованія къ опубликованному тексту. Онъ долженъ быть аутентиченъ, достовѣренъ, оригиналенъ, имѣть минимумъ техническихъ и редакторскихъ искаженій. Книжная культура стремится соблюдать эти требованія.

Никто, ни одинъ изслѣдователь, не вправѣ отказывать автору улучшать, совершенствовать или просто исправлять свой текстъ.

Каждый текстологъ долженъ считаться съ волей автора, даже если онъ не согласенъ съ ней.

Пока авторъ живъ, нѣтъ окончательной — есть послѣдняя редакція текста. Смерть завершаетъ авторскій текстъ, который существуетъ въ томъ видѣ, въ которомъ онъ созданъ и сложился въ творческой исторіи произведенія, въ творчествѣ писателя.

Каждый филологъ долженъ знать, можно или нельзя довѣрять тому или иному изданію, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ обратиться къ научнымъ переизданіямъ текста, въ какихъ необходимо свѣрить текстъ съ прижизненными изданіями или рукописями.

Текстологія призвана освобождать авторскій текстъ отъ нетворческихъ измѣненій.

Важную роль въ исторіи текста игралъ корректоръ, вмѣшательствомъ котораго зачастую вызваны нетворческія измѣненія авторскаго текста. Авторъ предпочиталъ ограничивать волю этого «тирана отъ грамматики», но принималъ её какъ неизбѣжную необходимость. Какъ слѣдуетъ изъ проекта договора съ издателемъ Ѳ. Стелловскимъ, Достоевскій дозволялъ печатать свои сочиненія «безо всякихъ измѣненій, кромѣ обыкновенныхъ корректурныхъ исправленій и ошибокъ»[7].

Достоевскій самъ былъ корректоромъ. Писатель держалъ авторскую корректуру многихъ своихъ произведеній (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ по житейскимъ обстоятельствамъ

[7] *Достоевскій Ѳ. М.* Полн. собр. соч.: Въ 18 т. Т. 15. Кн. 2. М.: Воскресенье, 2005. С. 353.

не могъ этого дѣлать, довѣряя её брату Михаилу, друзьямъ, женѣ Аннѣ Григорьевнѣ), онъ годами правилъ корректуру во «Времени», въ «Эпохѣ», въ «Гражданинѣ», въ повременномъ изданіи «Дневника Писателя».

Какъ правило, авторъ уступалъ корректору въ тщаніи и вниманіи — ему нуженъ былъ корректоръ.

Въ архивахъ Достоевскаго сохранилось нѣсколько гранокъ и вёрстокъ съ корректурой (фрагментъ второй главы романа «Неточка Незванова», глава «У Тихона» въ «Бѣсахъ», «Эпилогъ» въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», «Необходимое заявленіе» въ «Эпохѣ», вёрстка фельетона «Маленькія картинки», «Дневника Писателя» за 1880 г.). Писатель часто не замѣчалъ очевидныя опечатки, читая не то, что набрано, а то, что было написано и должно быть въ вёрсткѣ. У него другое отношеніе къ тексту — творческое: вчитываясь, онъ часто не исправлялъ, а перерабатывалъ текстъ.

Въ чистомъ видѣ факторъ корректора обнаруживается въ «Преступленіи и Наказаніи» въ изданіи Ѳ. Стелловскаго 1870 года. Книжный мошенникъ напечаталъ романъ безъ вѣдома автора съ отдѣльнаго изданія 1867 года. Достоевскій не готовилъ и не исправлялъ текстъ романа. Всѣ измѣненія, которыя есть въ этомъ изданіи, имѣютъ нетворческій характеръ. Они появились въ результатѣ ошибокъ набора и корректора. Это обычныя ошибки корректора, который не замѣтилъ утрату частицъ, перемѣну словъ мѣстами, исправилъ не всѣ ошибки набора, но въ то же время исправилъ замѣченныя опечатки изданія 1867 года, разставилъ свои пунктуаціонные знаки, помѣнялъ четыре точки многоточія на три, снялъ ударенія и т. п.

Ошибки корректора въ изданіи Стелловскаго типичны. Такимъ былъ трудъ корректоровъ и въ другихъ изданіяхъ.

Корректоръ, въ отличіе отъ цензора или редактора, могъ нанести минимальный ущербъ авторскому тексту.

Въ XIX вѣкѣ роль редактора была значительной при публикаціи произведенія въ періодическихъ изданіяхъ (газета, журналъ, иныя повременныя изданія), но редакторъ не принималъ участія въ типографскомъ изданіи произведенія. Неформальная редактура возникала, если авторъ самъ находилъ редактора (Тургеневъ правилъ Тютчева и Фета, Анненковъ редактировалъ Тургенева, Страховъ — Толстого и т. д.).

Достоевскій не нуждался въ подобномъ посредникѣ между авторомъ и читателемъ: онъ самъ былъ редакторомъ и для себя, и для другихъ (кругъ молодого Достоевскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1847–1848 годовъ, редактированіе «Времени», «Эпохи», «Гражданина», изданіе «Дневника Писателя», изданіе своихъ сочиненій).

Редакторъ былъ неизбѣженъ въ посмертныхъ изданіяхъ собраній сочиненій. Передъ редакторомъ прежде всего стояли текстологическія проблемы. Пушкинъ выходилъ подъ редакціей П. В. Анненкова и др., Державинъ — Я. К. Грота, Батюшковъ — Л. Н. Майкова, Гоголь — Н. С. Тихонравова, Достоевскій — А. Г. Достоевской.

Совѣтская власть поставила редактора выше автора: она сдѣлала его отвѣтственнымъ за публикацію текста и самъ текстъ. Редакторъ принималъ окончательныя рѣшенія. Онъ диктовалъ требованія автору. Текстологія обосновывала это право, поставивъ подъ сомнѣніе такія категоріи, какъ воля автора, послѣдняя авторская воля, каноническій текстъ. Редакторъ и цензоръ стали высшей инстанціей въ судьбѣ текста.

Выясненіе воли автора стало политическимъ рѣшеніемъ: съ ней можно было считаться или не считаться въ зависимости отъ привходящихъ обстоятельствъ.

Произошла деканонизація авторскаго текста.

Классическіе тексты были приспособлены къ «орѳографическому режиму» новой исторической эпохи: классику переводили изъ старой въ новую орѳографію, а новая орѳографія запрещала писать слово «Богъ» и иную религіозную лексику съ большой буквы.

Правы тѣ текстологи, которые настаивали, что каноническій текстъ невозможенъ, недостижимъ въ парадигмѣ совѣтской, а теперь и постмодернистской текстологіи. Каноническій текстъ исчезалъ уже въ самомъ процессѣ перевода изъ старой въ новую орѳографію, въ цензурной корректурѣ и политической редактурѣ, онъ исчезаетъ въ своевольной интерпретаціи текста произведенія.

Каноническій — это аутентичный авторскій текстъ, текстъ автора, а не редактора.

Сегодня текстологія зачастую понимается какъ герменевтика. Предполагается, что основной текстъ уже подготовленъ предшественниками, необходимо лишь дать новую интерпретацію из-

вѣстнаго текста: представить новые комментаріи, сопроводительныя статьи. Сплошь и рядомъ происходитъ имитація текстологіи: издатели перепечатываютъ выпущенныя ранѣе научныя изданія, въ лучшемъ случаѣ давая выборочную свѣрку сомнительныхъ мѣстъ.

Казалось бы, чего проще свѣрить публикуемый текстъ съ прижизненными изданіями, въ концѣ концовъ съ послѣдней прижизненной публикаціей текста. Въ вышедшемъ въ 2003–2004 годахъ въ консорціумѣ издательствъ «Астрель–АСТ» девятитомномъ собраніи сочиненій Достоевскаго Т. А. Касаткина взяла за основу тексты тридцатитомнаго собранія сочиненій писателя, исправивъ заглавную букву и выборочные знаки пунктуаціи не по прижизненнымъ публикаціямъ, а по разнымъ изданіямъ, въ томъ числѣ случайнымъ. Благо, что въ исправленіи заглавной буквы въ первыхъ двухъ томахъ ей помогли изданные тома нашихъ Каноническихъ текстовъ Достоевскаго. Въ другихъ томахъ тексты свѣрены по юбилейному изданію Полнаго собранія сочиненій Достоевскаго, выпущенному А. Г. Достоевской въ 1904–1906 годахъ, по Полному собранію художественныхъ произведеній Достоевскаго подъ редакціей Б. В. Томашевскаго и К. И. Халабаева, по другимъ посмертнымъ изданіямъ[8]. Лучшее изъ нихъ — Полное собраніе сочиненій, подготовленное вдовой писателя; оно превосходно во многихъ отношеніяхъ, но орѳографія и пунктуація въ этомъ изданіи исправлены корректорами въ соотвѣтствіи съ правилами начала XX вѣка. Заглавная буква унифицирована, авторская заглавная буква не сохранена.

Развѣ это текстологія?

Н. Ѳ. Буданова, готовившая текстъ романа «Бѣсы» въ тридцатитомномъ собраніи сочиненій Достоевскаго, выпустила въ 1989–1990 годахъ нѣсколько отдѣльныхъ изданій романа[9], въ которомъ слово «Богъ» почти во всѣхъ контекстахъ напечатано съ большой буквы, упразднивъ тѣмъ самымъ игру автора богословскими, атеистическими и языческими значеніями слова въ философскихъ спорахъ героевъ. Съ полнымъ довѣріемъ къ этимъ изданіямъ позже

---

[8] *Достоевскій Ѳ. М.* Собр. соч.: Въ 9 т. / Подготовка текста, составленіе, примѣчанія, вступительная статья, комментаріи Т. А. Касаткиной. М.: Астрель–АСТ, 2003–2004.

[9] См.: *Достоевскій Ѳ. М.* Бѣсы: романъ въ 3 ч. / Подготовка текста, примѣчанія, вступительная статья Н. Будановой. М.: Художественная литература, 1989; То же. 1990.

этотъ текстъ романа воспроизвела Л. И. Сараскина[10].

Начиная съ шестого выпуска альманаха «Достоевскій и міровая культура» К. А. Степанянъ ввёлъ обычай цитировать тексты Достоевскаго по тридцатитомнику, предлагая авторамъ статей самостоятельно исправлять цензурныя искаженія буквъ[11], и многіе слѣдуютъ этому примѣру. Каждый самъ себѣ текстологъ. Впрочемъ, интуиція — ненадёжный помощникъ, не всегда изслѣдователь можетъ угадать мысль автора. Изслѣдователь не всегда даётъ правильный отвѣтъ на вопросъ, какъ въ томъ или иномъ случаѣ Достоевскій писалъ слово богъ — съ большой или маленькой буквы. А что говорить о другихъ случаяхъ? Невозможно интуитивно возсоздать іерархію смысловъ, которую создалъ авторъ.

У насъ по-прежнему текстологіей занимаются тѣ, кто не держалъ въ рукахъ прижизненныя изданія, не читалъ и не изучалъ рукописи.

Сегодня текстологія сохраняетъ традиціонный статусъ зачастую лишь при публикаціи рукописныхъ сочиненій. Даже академическія по мѣсту ихъ подготовки (Академія Наукъ) изданія сплошь и рядомъ не удовлетворяютъ главному критерію даннаго типа изданія: въ нихъ отсутствуетъ точность воспроизведенія авторскаго текста. Отсутствуетъ — потому что не ставится такая задача.

Процвѣтаетъ *текстологія безъ технологіи*, иначе говоря, имитація текстологіи, текстологія безъ текстологіи.

Мой отвѣтъ на вопросъ, что важнѣе — текстъ автора или статьи и комментаріи изслѣдователя, предрѣшёнъ текстологическимъ опытомъ: важнѣе текстъ, а не его интерпретаціи. Комментаторъ всегда второй послѣ текстолога. Комментаріи устарѣваютъ въ моментъ ихъ публикаціи.

Текстологія не столько герменевтика, сколько технологія.

Искаженія, ошибки и опечатки неизбѣжны въ наборѣ, въ корректурѣ, въ процессѣ печати. Критическій анализъ текста имѣетъ

---

[10] *Достоевскій Ѳ. М.* Бѣсы: романъ въ 3 ч.; «Бѣсы»: антологія русской критики / Составленіе, подготовка текста, послѣсловіе, комментаріи Л. И. Сараскиной. М.: Согласіе, 1996.

[11] Достоевскій и міровая культура. Альманахъ. № 6. СПб.: Акрополь, 1996. С. 4. Такова практика редактированія альманаховъ «Достоевскій и міровая культура», цитированія текстовъ Достоевскаго во многихъ книгахъ и статьяхъ разныхъ авторовъ.

цѣлью ихъ исправленіе, устраненіе цензурнаго и редакторскаго вмѣшательства (купюръ, вставокъ, измѣненій), подготовку текста къ публикаціи.

Задача текстолога — прослѣдить всѣ измѣненія текста въ процессѣ его созданія и бытованія.

Исторія текста — лишь одинъ изъ аспектовъ творческой исторіи произведенія.

Начиная съ октября 1867 г. измѣнилась технологія творческаго процесса Достоевскаго: обдумываніе и разработка плана и замысла въ записныхъ тетрадяхъ стало подготовкой къ диктовкѣ, далѣе слѣдовали стенографированіе авторской рѣчи, расшифровка стенограммъ, редактированіе записаннаго текста, созданіе бѣловика, который зачастую былъ наборной рукописью, корректура гранокъ, первая публикація, переработка текста для отдѣльнаго изданія и переизданій.

Писатель никогда не завершалъ незаконченныя произведенія, не возстанавливалъ испорченный текстъ, почти всегда исправлялъ журнальную публикацію для отдѣльнаго изданія, вносилъ измѣненія въ переизданія своихъ сочиненій. Нерѣдко авторъ высказывалъ свои предпочтенія къ оформленію текста, къ рисункамъ, къ иллюстраціямъ, къ подбору шрифтовъ.

Технологія подготовки каноническаго текста предполагаетъ учётъ всѣхъ источниковъ текста, рукописныхъ и печатныхъ, анализъ творческой исторіи произведенія, выясненіе исторіи текста, составленіе свода редакцій, анализъ разночтеній, выборъ текстологическихъ рѣшеній, установленіе каноническаго текста.

Работа проходитъ въ нѣсколько этаповъ.

Сначала составляется библіографія автора, затѣмъ идутъ розыскъ и сборъ текстовъ, которые снимаются на цифровую камеру, сканируются или ксерокопируются.

Послѣ набора слѣдуетъ первая вычитка, въ которой участвуютъ два корректора: одинъ читаетъ, другой отмѣчаетъ ошибки и опечатки. Всѣ вычитки происходятъ вслухъ, «съ голоса». Несмотря на архаичную форму и малую востребованность въ современномъ издательскомъ процессѣ, это самая эффективная методика корректуры. Далѣе въ текстъ вносится правка. Текстъ каждаго произведенія проходитъ многократныя вычитки.

Слѣдующій этапъ — созданіе свода редакцій.

Сводъ редакцій создаётся, какъ правило, на основѣ первой публикаціи. Именно свѣрка первой публикаціи съ послѣдующими редакціями позволяетъ показать динамику текста.

Для этой работы нужна группа корректоровъ, одинъ изъ которыхъ — читчикъ, другой — правщикъ, остальные — подчитчики. Такъ было задумано, но чаще читчикъ и правщикъ — одно лицо, что удобнѣе, какъ убѣждаютъ сотрудники. Численность группы устанавливается въ зависимости отъ редакцій текста. На каждую редакцію ставится одинъ подчитчикъ. «Записки изъ Мёртваго Дома» имѣютъ семь редакцій, изъ чего слѣдуетъ, что нуженъ одинъ читчикъ и семь подчитчиковъ. Читчикъ, онъ же правщикъ, читаетъ вслухъ, проговаривая всѣ слова, знаки препинанія и грамматическія особенности текста. Подчитчикъ вслухъ отмѣчаетъ разночтенія. Читчикъ отмѣчаетъ на поляхъ текста всѣ опечатки, ошибки и варіанты. Каждая редакція имѣетъ свой цвѣтъ корректорскихъ знаковъ. Результатомъ этой кропотливой работы читчика и подчитчиковъ становятся красные, синіе, зелёные, чёрные и т. п. столбцы разночтеній на поляхъ. Эта размѣтка позволяетъ наглядно представить исторію текста, послѣдовательность его измѣненій въ разныхъ редакціяхъ, показываетъ, когда возникло то или иное разночтеніе. Она, какъ рыболовная сѣть, «вытягиваетъ» изъ текста опечатки и ошибки.

Сводъ рукописныхъ редакцій и варіантовъ текста также создаётся на основѣ первой публикаціи, но въ этомъ случаѣ возникаетъ «обратная перспектива», которая раскрываетъ, какимъ образомъ возникъ печатный текстъ, къ чему пришёлъ авторъ, нѣтъ ли въ записываніи и переписываніи текста ошибокъ и описокъ, не остались ли въ печатномъ текстѣ не исправленныя корректоромъ опечатки, не возникли ли искаженія текста въ результатѣ ошибочной корректуры.

Сводъ редакцій становится предметомъ текстологическаго анализа. Въ дискуссіяхъ и обсужденіяхъ происходитъ опредѣленіе статуса разночтеній, составленіе списка опечатокъ и варіантовъ, выборъ каноническаго текста.

Послѣ исправленій по своду редакцій тексты снова попадаютъ на контрольную вычитку: задаётся корректура каждой редакціи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и назначается повторная вычитка свода редакцій.

Далѣе готовится критическій аппаратъ, который включаетъ варіанты текста и списокъ исправленныхъ опечатокъ, комментаріи и сопроводительныя статьи.

Вычитанные и исправленные тексты готовы для публикаціи.

Печатный текстъ — неизбѣжная конвенція автора и корректора, въ нѣкоторыхъ случаяхъ автора, цензора и редактора. Въ посмертныхъ изданіяхъ къ нимъ присоединяется текстологъ.

Въ отношеніи къ авторскому тексту текстологъ долженъ отказаться отъ амбицій редактора, который лучше знаетъ, что написалъ авторъ. Для текстолога предпочтительнѣе амплуа корректора, который въ анализѣ разночтеній и редакцій предлагаетъ аргументированный выборъ варіантовъ, исправленіе ошибокъ и опечатокъ.

Эти технологіи позволяютъ выявить авторскій текстъ, понять его грамматику, смыслъ.

Текстологія не вспомогательная, а *главная филологическая дисциплина*.

Буква и духъ русской классики[1]

Необходимость изданія, чтенія и изученія русской классики въ авторской орѳографіи и пунктуаціи не осознана въ должной мѣрѣ нашимъ филологическимъ сообществомъ.

У насъ есть монографіи и докторскія диссертаціи по языку и стилю писателей, авторы которыхъ въ рукахъ не держали прижизненныя изданія классиковъ; есть работы по синтаксису и ритму повѣствованія, въ которыхъ изслѣдователи не учитываютъ авторскую пунктуацію. И ничего. Наиболѣе типичная реакція на репринтныя изданія даже спеціалистовъ: «Кому это надо? Зачѣмъ это нужно?»

Очевидно, должны быть разные типы изданій. Читатели должны имѣть возможность выбора, на какомъ языкѣ читать классику. Вотъ уже почти восемьдесятъ лѣтъ издатели предлагаютъ нашимъ читателямъ сочиненія русскихъ классиковъ только въ совѣтской орѳографіи. Равноцѣнна ли эта подмѣна?

Несомнѣнно, студенты должны имѣть представленіе о томъ, какъ выглядѣли классическіе тексты въ исторіи литературы и въ исторіи языка, и по возможности изучать ихъ въ своихъ курсовыхъ и дипломныхъ работахъ. Сейчасъ у нихъ практически нѣтъ такихъ возможностей. Репринтныя изданія случайны, научныхъ изданій въ старой орѳографіи почти нѣтъ, а тѣ, что есть, малодоступны студентамъ.

Можно объяснить подобное положеніе дѣлъ потерей традиціонно высокой въ Россіи филологической культуры. Отчасти это дѣйствительно такъ. Если раньше выпускникъ гимназіи зналъ древніе (древнегреческій, латинскій и церковнославянскій) и нѣсколько новыхъ европейскихъ языковъ, то сейчасъ это по преимуществу несбывшаяся мечта и для выпускниковъ университетовъ. Сегодня и филологи зачастую не читаютъ древнихъ авторовъ въ подлинникѣ. Не лучшимъ образомъ обстоитъ дѣло и съ чтеніемъ міровой классики. Мало кто будетъ спорить, что Шекспира или Гёте лучше читать не въ переводахъ, а на англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Но и ихъ, и другихъ міровыхъ геніевъ студенты по-прежнему предпочитаютъ читать въ переводахъ. Уваженіе къ подлиннику ещё

[1] Печатается по: *Захаровъ В. Н.* Проблемы исторической поэтики. Этнологическіе аспекты. М.: Индрикъ, 2012. С. 222–229.

не стало у насъ не только культурной, но и профессіональной нормой.

Въ переводахъ мы читаемъ и русскую классику: Пушкина, Гоголя, Достоевскаго, Толстого, Лѣскова и многихъ другихъ, кто не только писалъ на «старомъ» русскомъ языкѣ, отличномъ отъ современнаго, но и надѣлялъ утраченныя въ современной орѳографіи особенности русскаго языка знаменательными поэтическими значеніями.

Авторитетна и обоснованна критика совѣтской орѳографіи, но её мало кто принимаетъ во вниманіе.

Выдающійся русскій философъ XX вѣка И. Ильинъ писалъ: «Правописаніе имѣетъ свои *историческія, конкретныя* и въ то же время *философическія и національныя* основы. Поэтому оно не подлежитъ произвольному слому, но лишь *осторожному, обоснованному преобразованію*, совершенствованію, а не разрушенію»[2]. Но именно такому слому и разрушенію подвергся русскій языкъ въ XX вѣкѣ: произошла катастрофа, масштабы которой мы пока плохо сознаёмъ.

Проникновенны слова поэта Вяч. Иванова, напечатанныя осенью 1918 года въ продолжившемъ «Вѣхи» сборникѣ статей о русской революціи «Изъ глубины»:

> Языкъ, по Гумбольдту, — даръ, доставшійся народу, какъ жребій, какъ нѣкое предназначеніе его грядущаго духовнаго бытія.
>
> Великъ и прекрасенъ даръ, уготованный Провидѣніемъ народу нашему въ его языкѣ. Достойны удивленія богатство этого языка, его гибкость, величавость, благозвучіе, его звуковая и ритмическая пластика, его прямая, многовмѣстимая, мѣткая, мощная краткость и художественная выразительность, его свобода въ сочетаніи и расположеніи словъ, его многострунность въ ладѣ и строѣ рѣчи, отражающей неуловимые оттѣнки душевности. <…> достойны удивленія ткани, его образующія, — присущія самому словесному составу свойства и особенности, каковы: стройность и выпуклость морфологическаго сложенія, прозрачность первозданныхъ корней, обиліе и тонкость суффиксовъ и приставокъ, древнее роскошество флексій, различіе видовъ глагола, невѣдомая другимъ живымъ языкамъ энергія глагольнаго аориста.
>
> Но всего этого мало! Языкъ, стяжавшій столь благодатный

[2] *Ильинъ И. А.* Какъ же это случилось? (Заключительное слово о русскомъ національномъ правописаніи) // Собр. соч.: Въ 10 т. Т. 2. Кн. II. М., 1993. С. 150.

удѣлъ при самомъ рожденіи, былъ вторично облагодатствованъ въ своёмъ младенчествѣ таинственнымъ крещеніемъ въ животворящихъ струяхъ языка церковно-славянскаго. Онѣ частично претворили его плоть и духотворно преобразили его душу, его «внутреннюю форму». И вотъ онъ уже не просто даръ божій намъ, но какъ бы даръ Божій сугубо и вдвойнѣ, — преисполненный и пріумноженный. Церковно-славянская рѣчь стала подъ перстами боговдохновенныхъ ваятелей души славянской, свв. Кирилла и Меѳодія, живымъ слѣпкомъ «божественной эллинской рѣчи», образъ и подобіе которой внѣдрили въ своё изваяніе приснопамятные Просвѣтители.

Воистину ѳеургическимъ представляется ихъ непостижимое дѣло…[3]

«Языкъ нашъ святъ…» — продолжилъ далѣе Вяч. Ивановъ.

Противъ изданія русскихъ писателей въ совѣтской орѳографіи выступилъ А. Блокъ: «Главное моё возраженіе — что она (орѳографія. — *В. З.*) относится къ техникѣ творчества, въ которую государство не должно вмѣшиваться. Старыхъ писателей, которые пользовались ятями какъ однимъ изъ средствъ для выраженія своего творчества, надо издавать со старой орѳографіей. Новые, которые будутъ писать по-новому, перенесутъ свою творческую энергію (élan) въ другіе пріёмы <…>»[4]. Свои возраженія противъ новой орѳографіи поэтъ резюмировалъ слѣдующимъ образомъ: «Я лично не привязанъ къ старому и, можетъ быть, могу переучиться даже самъ, но опасаюсь за объективную потерю кое-чего для художника, а *слѣдовательно*, и для народа»[5].

Сколько мы потеряли, кто сочтётъ?

До 1917 года русская орѳографія хранила православный духъ русскаго языка. Объ этомъ въ своёмъ студенческомъ докладѣ о преимуществѣ старой орѳографіи передъ новой писалъ Д. Лихачёвъ: «Въ старину весь цѣликомъ укладъ русской жизни былъ проникнутъ православіемъ: странно, если бы русская графика и русская орѳографія — основы этого православнаго уклада — не соотвѣтствовали бы имъ вполнѣ»[6]. «Новая орѳографія явилась дѣломъ антихристовой власти», «всегда была мыслію бѣсовщины (60-е годы

---

3 *Ивановъ В. И.* Нашъ языкъ // Собр. соч. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 677.

4 *Блокъ А. А.* Собр. соч.: Въ 8 т. Т. 7. М.; Л., 1963. С. 319.

5 Тамъ же. С. 320.

6 *Лихачёвъ Д. С.* Статьи раннихъ лѣтъ. Тверь, 1993. С. 8.

XIX в.)», «посягнула на самое православное въ алфавитѣ» и т. д.[7]

И. Ильинъ назвалъ новое правописаніе «кривописаніемъ»: оно «не соблюдаетъ ни фонему, ни морфему, ни семему», «устраняетъ цѣлыя буквы, искажаетъ этимъ смыслъ и запутываетъ читателей; оно устраняетъ въ мѣстоименіяхъ и прилагательныхъ (множественнаго числа) различія между мужскимъ и женскимъ родомъ и затрудняетъ этимъ вѣрное пониманіе текста; оно обезсмысливаетъ сравнительную степень у прилагательныхъ и тѣмъ вызываетъ сущія недоумѣнія и т. д. и т. д.»[8]. Онъ обращалъ вниманіе на то, что А. Шахматовъ, одинъ изъ тѣхъ, кого принудили поставить подпись подъ документомъ Академіи Наукъ о реформѣ орѳографіи, «далъ имъ свою подпись, а потомъ при большевикахъ продолжалъ печатать *своё* сочиненіе по старому правописанію»[9].

Вяч. Ивановъ нарёкъ «бѣсивомъ» то новое, что появилось въ русской рѣчи за время революціи: «Языкъ нашъ святъ: его кощунственно оскверняютъ богомерзкимъ бѣсивомъ — неимовѣрными, безсмысленными, безликими словообразованіями, почти лишь звучащими на границѣ членораздѣльной рѣчи, понятными только какъ перекличка сообщниковъ, какъ разинское “сарынь на кичку”»[10]. Изъ этого послѣреволюціоннаго, а теперь постсовѣтскаго и постперестроечнаго *бѣсива* русскій языкъ не вышелъ до сихъ поръ.

Какъ буква выражаетъ духъ языка, раскрыла профессоръ Л. В. Савельева, прочитавшая текстъ славянской азбуки какъ сакральный поэтическій текстъ[11]. Названія и начертанія буквъ, по замыслу равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, задали своего рода генотипъ славянскихъ языковъ, который можно выразить ключевой формулой рѣчи: *Глаголи добро есть.*

Мы не всегда внимательны къ тому, что и какъ говорятъ наши геніи о сокровенномъ въ русскомъ языкѣ. Вотъ ещё одинъ примѣръ духовной проницательности Достоевскаго — его слова, записанныя

---

7 Тамъ же. С. 13.

8 *Ильинъ И. А.* Собр. соч.: Въ 10 т. Т. 2. Кн. II. С. 115–116. Ср.: С. 113–125; 144–150.

9 Тамъ же. С. 146.

10 *Ивановъ В. И.* Собр. соч. Т. 4. С. 677.

11 *Савельева Л. В.* Славянская азбука: Дешифровка и интерпретація перваго славянскаго поэтическаго текста // Проблемы исторической поэтики. Вып. 3: Евангельскій текстъ въ русской литературѣ XVIII–XX вѣковъ: Цитата, реминисценція, сюжетъ, мотивъ, жанръ. Вып. 1. Петрозаводскъ, 1994. С. 12–31.

корректоромъ Варварой Васильевной Тимоѳеевой. Какъ-то Достоевскій возмущался, «зачѣмъ къ нему въ “Гражданинъ” прислали статью о введеніи звуковой методы въ сельскія народныя школы, когда онъ слышать равнодушно не можетъ объ этой методѣ». Достоевскій протестовалъ: «“У людей должно быть человѣческое названіе каждой буквѣ. У насъ есть свои историческія преданія. То ли дѣло наша старинная азбука, по которой всѣ мы учились! Азъ, буки, вѣди, глаголь, живѣте, земля!” — съ наслажденіемъ выговаривалъ онъ. — “Сейчасъ чувствуешь что-то живое, осмысленное, какъ будто физіономія есть своя у каждой отдѣльной буквы. И неправда это, будто по звуковой онѣ легче выучиваются. Задолбить, можетъ быть, скорѣй задолбятъ. Но никакого просвѣщенія отъ этого не прибавится”»[12].

Здѣсь что ни слово — концепція. Лишь сейчасъ мы можемъ понять, что могъ сказать Достоевскій, и по достоинству оцѣнить то, что почувствовала Варвара Васильевна, благодаря открытію Л. В. Савельевой. Въ нихъ не только проявляется лицо каждой буквы, которая воодушевила Достоевскаго въ моментъ бесѣды, но и общій смыслъ, который слагается, если названія буквъ читать какъ текстъ: азъ букы вѣди, глаголи добро есть, живите зѣло земля, иже і како? людіе мыслите, нашъ онъ покои, рцы слово твердо и т. д.[13] Послѣдняя синтагма даже стала пословицей. Возможно, Достоевскій не читалъ азбуку какъ текстъ, но онъ чувствовалъ, что за названіями буквъ стоитъ Слово, — онъ понималъ духъ языка и восхищался именами буквъ. Напомню: «У насъ есть свои историческія преданія», «чувствуешь что-то живое, осмысленное» и т. д.

Есть слова — и есть Слово. Слова относительны, ситуативны, они не исчерпываютъ смысла сказаннаго. Достоевскій не разъ обыгрывалъ знаменитый тютчевскій стихъ: «Мысль изречённая есть ложь». Гамлетовскому «Слова, слова, слова» герои Достоевскаго не прочь дать свой афоризмъ: «Ложь, ложь и ложь».

Напротивъ, Слово истинно. Оно отъ Бога и устремлено къ Богу. Оно собрано въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, заповѣдано Христомъ. Это Слово есть Богъ, и Богъ есть жизнь.

Подобныхъ фразъ много у Достоевскаго. Ихъ варіаціи заданы зачиномъ Евангелія отъ Іоанна: «Въ началѣ было Слово, и Слово было отъ Бога, и Слово было Богъ».

---

12 Достоевскій въ воспоминаніяхъ современниковъ. Т. 2. М., 1964. С. 129.

13 *Савельева Л. В.* Славянская азбука. С. 12–31.

Впрочемъ, у Достоевскаго былъ свой подобный афоризмъ: «Человѣкъ есть воплощённое Слово. Онъ явился, чтобъ сознать и сказать»[14].

Въ этихъ высказываніяхъ дано главное направленіе — направленіе движенія словъ къ Слову. Истинное Слово выражается въ графикѣ — оно означается заглавной буквой. Такъ было въ русской орѳографіи. Почти вѣкъ мы живёмъ по другой орѳографіи. На словахъ мы легко признаёмъ взаимосвязь буквы и духа языка. Ещё легче мы съ этимъ не считаемся.

Совѣтское литературовѣдѣніе гордилось Полными собраніями сочиненій Пушкина, Гоголя, Достоевскаго. Сегодня ихъ текстологія не авторитетна. По обычной практикѣ прежнихъ академическихъ собраній сочиненій въ авторскую орѳографію внесена конъюнктурная правка, которая искажаетъ смыслъ и духъ творчества не только этихъ, но и всѣхъ русскихъ писателей.

Казалось бы, какая разница въ томъ, какъ читать геніальное пушкинское стихотвореніе «Я васъ любилъ…», — по-современному:

Как дай вам бог любимой быть другим;

или по-пушкински:

Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

При декламаціи нужно очень постараться, чтобы свести *Какъ дай вамъ Богъ* до фразеологизма, но совѣтская орѳографія безъ труда этого достигаетъ умаленіемъ заглавной буквы.

Въ міровой поэзіи много стихотвореній о нераздѣлённой любви. Среди нихъ немало и такихъ, въ которыхъ обиженные поэты обличали своихъ возлюбленныхъ за ихъ оплошный выборъ. У Пушкина пресловутый «любовный треугольникъ» размыкается обращеніемъ къ Богу и торжествомъ христіанскихъ отношеній въ любви — *и происходитъ чудо: эротическая любовь преображается въ любовь христіанскую.* Одна буква — но она мѣняетъ смыслъ всего стихотворенія.

Современныя изданія превращаютъ христіанскихъ авторовъ въ атеистовъ и сатанистовъ. Доходило до кощунства: по совѣтской орѳографіи Богъ слѣдовало писать съ маленькой буквы, но Сатану

[14] *Достоевскій Ѳ. М.* Полн. собр. соч.: Въ 30 т. Т. 15. Л., 1976. С. 205.

можно было писать съ большой, какъ, напримѣръ, при изданіи Достоевскаго, когда въ одномъ предложеніи съ большой буквы напечатано слово «Сатана» и съ малой слово «Богъ»: «Но Сатана знает бога; как же может он отрицать его»[15]. Въ оригиналѣ: «Но Сатана знаетъ Бога; какъ же можетъ онъ отрицать его» (строчная буква въ мѣстоименіяхъ обращаетъ вниманіе на ихъ личныя, а не онтологическія отношенія). Совѣтская орѳографія искажала смыслъ рѣчи при передачѣ такой, напримѣръ, реплики Кириллова изъ «Бѣсовъ»: «Если нѣтъ Бога, то я богъ»[16].

Этому искаженію духовнаго смысла классики способствовалъ рядъ орѳографическихъ реформъ, которыя имѣли катастрофическія послѣдствія для русской литературы и культуры XX вѣка.

Первая реформа была предпринята Я. Гротомъ, который сдѣлалъ русскую орѳографію и пунктуацію грамматической. До него русская пунктуація была интонаціонной. Такой она была отъ Ломоносова до Гоголя и Достоевскаго, отъ Державина до Толстого и Лѣскова. Когда классиковъ стали править по гимназическимъ правиламъ, это обезличило авторскій ритмъ повѣствованія, что неизбѣжно привело къ утратѣ нюансовъ авторскаго смысла.

Вторая реформа была начата Временнымъ правительствомъ лѣтомъ 1917 года, но практически была осуществлена уже большевиками послѣ октябрьскаго переворота. Изъ удаленія нѣсколькихъ «лишнихъ» буквъ русскаго алфавита большевики извлекли максимумъ политическихъ выгодъ: новая орѳографія противопоставила революціонную культуру «старой», «массы» искусно были отлучены отъ дореволюціонной культуры, кругъ чтенія неизбѣжно ограничивался совѣтскими изданіями классиковъ русской и міровой литературы. Эти «успѣхи» въ строительствѣ новой культуры были закрѣплены въ серединѣ двадцатыхъ годовъ, когда совѣтская орѳографія упразднила заглавное написаніе слова Богъ и иной сакральной лексики и, какъ казалось тогда, окончательно разрушила православный духъ русскаго языка.

Къ сожалѣнію, за послѣднія 20 лѣтъ мало что измѣнилось. Современныя изданія по-прежнему противорѣчатъ авторскому смыслу русской классики.

---

[15] *Достоевскій Ѳ. М.* Полн. собр. соч.: Въ 30 т. Т. 16. Л., 1976. С. 36.

[16] *Достоевскій Ѳ. М.* Полн. собр. соч.: Въ 18 т. Т. 9. М.: Воскресенье, 2005. С. 423.

Русская орѳографія XIX вѣка пребывала въ процессѣ становленія. Были орѳографическія правила, сформулированныя А. Х. Востоковымъ и Н. И. Гречемъ, но они охватывали не всѣ грамматическія трудности русскаго языка, не всѣ правила признавались корректорами, почти въ каждомъ журналѣ существовали свои неписаныя установки, какъ писать тѣ или иныя слова, гдѣ ставить и не ставить знаки препинанія. Всё это само по себѣ ставитъ достаточно сложныя проблемы передъ издателями русской классики. Но есть и болѣе экстремальное выраженіе проблемы.

Въ своё время корректора В. В. Тимоѳееву поразило, съ какой требовательностью, а подчасъ раздражительностью Достоевскій тревожился «по поводу какой-нибудь неправильно поставленной запятой», «то — зачѣмъ поставили въ статьѣ его твёрдый знакъ въ концѣ слова однакожъ, когда у него стоитъ мягкій — однакожъ. То — зачѣмъ вводное предложеніе можетъ быть поставлено въ запятыхъ, вмѣсто того чтобы — какъ у французовъ и въ "Русскомъ Вѣстникѣ" — поставить съ чёрточкой посерединѣ» и т. д. Не помогали въ спорѣ ссылки на грамматику — Достоевскій рѣзко возражалъ: «У каждаго автора свой собственный слогъ, и потому своя грамматика… Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до чужихъ правилъ! Я ставлю запятую передъ *что,* гдѣ она мнѣ нужна; а гдѣ я чувствую, что не надо передъ *что* ставить запятую, тамъ я не хочу, чтобы мнѣ её ставили!»[17] Метранпажа М. А. Александрова Достоевскій сразу предупредилъ: «Вы имѣйте въ виду, что у меня ни одной лишней запятой нѣтъ, всѣ необходимыя только; прошу не прибавлять и не убавлять ихъ у меня»[18].

Какъ быть съ подобными деклараціями? Конечно, въ заявленіи о томъ, что у каждаго автора своя грамматика, есть извѣстное преувеличеніе. Какъ бы ни были очевидны отличія общей и личной грамматики, различія въ принципѣ не значительны и имѣютъ частный характеръ. Такъ, Достоевскій, какъ и нѣкоторые его современники, предпочиталъ говорить и писать *цаловать.* Нерѣдко эта авторская орѳограмма исправлялась на *цѣловать*. Тамъ, гдѣ могъ, Достоевскій возстанавливалъ *цаловать,* но не всегда: рядъ его произведеній существуютъ въ одной редакціи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ мѣсто непослѣдовательная корректура текста при его наборѣ.

---

17 Достоевскій въ воспоминаніяхъ современниковъ. Т. 2. С. 128.

18 Тамъ же. С. 215.

Языкъ Достоевскаго несётъ на себѣ печать времени. Это особенно очевидно при сопоставленіи произведеній, существующихъ въ разновременныхъ редакціяхъ — въ редакціяхъ сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Нѣкоторыя орѳографическія нормы во времена Достоевскаго были неустойчивы: въ первую очередь, это слитное и раздѣльное написаніе словъ, употребленіе дефиса. Орѳографическая варіантность сознавалась самимъ писателемъ, являясь подчасъ нарочитой очевидностью, когда въ одномъ предложеніи или абзацѣ Достоевскій давалъ или оставлялъ разныя орѳограммы.

Обычно читатели и изслѣдователи отождествляютъ сказанное съ написаннымъ, но это не такъ, или не совсѣмъ такъ. Декламація вноситъ въ текстъ такіе нюансы, которые авторъ не выражаетъ графически, а читатель (въ данномъ случаѣ декламаторъ) добавляетъ въ авторскій текстъ многое отъ себя, давая личную интерпретацію текста. Столь же очевидно и то, что текстъ выражаетъ въ графикѣ то, что недоступно декламаціи.

Достоевскій, какъ профессіональный литераторъ, всегда видѣлъ своё слово какъ текстъ, сказанное представало зримымъ, причёмъ писатель требовательно вникалъ въ заботы и корректора, и метранпажа, и редактора, и даже книготорговца. Онъ не признавалъ традиціоннаго раздѣленія труда — всѣ этапы публикаціи рукописи входили въ процессъ его творчества и имѣли для него (а значитъ, и читателя) свой художественный смыслъ.

Редактора «Русскаго Вѣстника» Н. А. Любимова Достоевскій предупреждалъ въ письмѣ отъ 7 (19) августа 1879 по поводу отправляемой рукописи шестой книги «Братьевъ Карамазовыхъ»: «Очень еще прошу сохранить всѣ раздѣленія на главы и *подглавы* какъ есть у меня. Тутъ вводится въ романъ какъ бы чужая рукопись (Записка Алексѣя Карамазова) и само собою, что эта рукопись разграфирована Алексѣемъ Карамазовымъ по-своему. Здѣсь вставлю ропщущее NBene: въ Іюньской книгѣ, въ главѣ “Великій инквизиторъ” не только нарушены мои рубрики, но даже всё напечатано сплошь, страницъ 10 сряду, безъ перенесенія *на другую строчку* даже. Это очень меня огорчило и на это приношу Вамъ мою сердечную жалобу»[19]. Къ слову сказать, редакторская правка

[19] *Достоевскій Ѳ. М.* Полн. собр. соч.: Въ 18 т. Т. 16. Кн. 2. М.: Воскресенье, 2005. С. 132.

«Русскаго Вѣстника» не была исправлена въ отдѣльномъ изданіи романа и основной текстъ поэмы «Великій инквизиторъ» такъ до сихъ поръ и печатается безъ выдѣленія абзацевъ.

Что дѣлать, когда писатель требуетъ соблюденія авторской воли вплоть до полиграфическихъ мелочей? У насъ съ ней не считаются. Любой редакторъ вправѣ обезличить авторскую орѳографію и пунктуацію. Другой вопросъ, что сдѣлалъ бы Достоевскій съ совѣтскими изданіями своихъ сочиненій? Легко догадаться…

Заглавная буква — знакъ не только исторіи языка, но и знакъ культуры. Даже если бы Достоевскій (и другіе писатели) лишь подчинялись орѳографическимъ правиламъ своего времени, то и въ этомъ случаѣ заглавную букву слѣдовало бы сохранить. Но у Достоевскаго заглавная буква была не обязательнымъ, а факультативнымъ признакомъ текста, ея употребленіе не ограничивалось дѣйствовавшими въ то время орѳографическими правилами и редакціонными нормами. Нерѣдки случаи, когда въ одномъ предложеніи или въ рамкахъ одной главы Достоевскій даётъ и строчное, и прописное начертаніе однихъ и тѣхъ же словъ, отмѣчая заглавной буквой, когда слову придаётся метафизическій смыслъ. Съ большой буквы писали Богъ для означенія Высшаго Существа, давшаго начало и смыслъ міру. Языческое многобожіе и еретическое мудрствованіе отмѣчались малой буквой. Эти нюансы смысла принципіально важны въ богоискательскихъ бесѣдахъ героевъ Достоевскаго, гдѣ чётко разграничивалась сакральная и еретическая мудрость.

Возстанавливая буквы и знаки рѣчи, мы возстанавливаемъ *православный духъ русскаго языка* и духовный смыслъ русской классики.

Александръ Михайловичъ Камчатновъ
докторъ филологическихъ наукъ, профессоръ,
завѣдующій каѳедрой русскаго языка и стилистики
Литературнаго института им. А. М. Горькаго (Москва, Россія)

Два подхода къ реформѣ правописанія[1]

Нынѣ, когда снова заговорили о реформѣ русскаго правописанія и готовится проектъ новой редакціи «Правилъ орѳографіи и пунктуаціи», будетъ небезполезнымъ оглянуться назадъ и посмотрѣть, какъ рѣшали эту проблему наши предки.

Первой серьёзной реформой орѳографіи была реформа болгарскаго патріарха Евѳимія. Къ концу XII вѣка Болгарія и Сербія завоевали политическую независимость отъ Византіи. Около середины XIII вѣка начинается расцвѣтъ литературы и культуры, такъ называемый «серебряный вѣкъ» болгарской письменности («золотымъ» былъ X вѣкъ). Серьёзной реформѣ подвергся литературный языкъ, въ которомъ утверждаются строгія орѳографическія нормы. Дѣло въ томъ, что къ концу XIV вѣка богослужебные тексты у славянъ пришли въ негодность, отступили отъ первоначальныхъ образцовъ, испортились отъ рукъ не всегда грамотныхъ писцовъ. Патріархъ Евѳимій (1360–1393) предпринялъ массовое исправленіе богослужебныхъ книгъ. Онъ создалъ цѣлую школу опытныхъ переводчиковъ, справщиковъ и писцовъ; центромъ этой школы былъ монастырь св. Троицы близъ г. Тырнова. Исправленныя здѣсь книги такъ называемаго тырновскаго извода расходились по всей Болгаріи, а затѣмъ попадали въ Сербію, на Аѳонъ, въ Россію. Послѣ захвата Тырнова турками-османами патріархъ Евѳимій былъ сосланъ, но начатая имъ реформаторская дѣятельность продолжилась въ Сербіи.

При покровительствѣ деспота Стефана Лазаревича на р. Ресавѣ былъ основанъ монастырь св. Троицы, въ которомъ были собраны наиболѣе просвѣщённые иноки. Ресавская орѳографія

[1] Первая публикація (въ сокращеніи): Слова, слова, слова… Межвуз. сб. науч. тр., посв. 65-лѣтію со дня рожденія д. ф. н. проф. И. Г. Добродомова. М.; Смоленскъ, 2000. С. 96–100.

стала наслѣдницей орѳографіи болгарскихъ книжныхъ центровъ. Особую роль въ ресавской книжной справѣ сыгралъ Константинъ Костенецкій, написавшій спеціальное орѳографическое сочиненіе — «Сказаніе о писменехъ»[2]. Константинъ родился въ Болгаріи въ г. Костенецъ (откуда и пошло его прозвище), въ началѣ 90-хъ годовъ XIV вѣка. Отрокомъ въ самомъ началѣ XV вѣка онъ отправился въ Бачковскій монастырь, куда былъ сосланъ въ своё время Евѳимій Тырновскій; здѣсь Константинъ сталъ ученикомъ монастырской школы и, въ частности, ученикомъ учёнаго монаха Андроника, бывшаго, въ свою очередь, ученикомъ Евѳимія Тырновскаго, который, уже въ свою очередь, былъ ученикомъ виднаго болгарскаго исихаста Ѳеодосія Тырновскаго, который былъ непосредственнымъ ученикомъ одного изъ отцовъ-основателей исихазма Григорія Синаита; такимъ образомъ, выстраивается цѣпь лично переданной исихастской традиціи[3]. Въ Бачковскомъ монастырѣ онъ пріобрѣлъ знаніе какъ славянскаго, такъ и греческаго языковъ, а также познанія въ области исихастскаго богословія. Послѣ окончанія обученія Константинъ не смогъ или не захотѣлъ принять монашескій постригъ и вынужденъ былъ покинуть монастырь. Послѣ того какъ Болгарія была разгромлена турками, Константинъ бѣжалъ въ Сербію, гдѣ нашёлъ пріютъ и службу толмача при дворѣ деспота Стефана Лазаревича.

Здѣсь онъ пишетъ «Сказаніе о письменахъ», цѣлью котораго было обоснованіе необходимости кодификаціи орѳографіи и введенія орѳографической цензуры. Въ трудѣ Константина Костенецкаго средневѣковый славянскій книжникъ находилъ богословское обоснованіе той языковой практикѣ, которая сложилась въ Болгаріи, Сербіи и на Аѳонѣ; въ этомъ трудѣ была отрефлектирована языковая идеологія средневѣковаго книжника, и именно это, а не отдѣльныя орѳографическія правила стяжали ему славу философа и учителя.

Болѣе всего Константина удручалъ орѳографическій разнобой въ сербскихъ и болгарскихъ богослужебныхъ книгахъ, утрата («растлѣніе») многихъ древнихъ буквъ (ꙗ ѣ ѳ ъ ѫ ѧ), вызванное

---

[2] Опубликовано съ обширными комментаріями И. В. Ягичемъ: *Ягичъ И. В.* Разсужденіе южнославянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ. СПб., 1896. С. 78–229.

[3] См.: *Сырку П. А.* Къ вопросу объ исправленіи книгъ въ Болгаріи въ XIV в. // ЖМНП. 1886. Ч. CCXLV. С. 312–325.

вліяніемъ живого сербскаго языка, или произволъ въ ихъ употребленіи. Всё своё вниманіе Константинъ направилъ на орѳографію, на правила употребленія буквъ и надстрочныхъ знаковъ.

Орѳографическія представленія Константина были тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ духовно-аскетической традиціей священнобезмолвія, или исихазма. Лингвистическіе выводы изъ исихастскаго богословія Константинъ получилъ отъ учениковъ Евѳимія Тырновскаго или сдѣлалъ самостоятельно, и сводились они къ слѣдующему. Поскольку слово есть символъ, то есть обладаетъ непроизвольной, безусловной связью между означающимъ и означаемымъ, то «графическіе знаки — не условныя, а мотивированныя обозначенія божественныхъ прообразовъ. Ясно, что любое нарушеніе нормъ орѳографіи приводитъ къ отступленію отъ ортодоксіи — въ этомъ паѳосъ сочиненія Константина»[4]. Цѣль Константина заявлена въ самомъ названіи его труда: сказаніе изыавленно ѡ писмене̑ како дръжати се. да не прѣложеніе̑ сѝ растлѣваютсе бж҃твнаа писаніа. «Преложеніе», то есть измѣненіе, влекущее за собой «растлѣніе» письменъ, происходитъ сѝ невѣ҃ніемь.

Гдѣ, однако, критерій истинной орѳографіи? Во-первыхъ, этотъ критерій заключается, по мнѣнію Константина, въ греческихъ письменахъ. Греческій литературный языкъ въ это время былъ строго организованной системой нормъ и правилъ, регламентирующихъ его употребленіе. Знаніе этихъ правилъ возвышаетъ человѣка надъ невѣждами: въ грьчьскъ̑ѝ бо писани̑ ни въ чтоже въмѣнѧють сѝ невѣдецїѝ[5]. Невѣжды у грековъ не могутъ быть допущены къ перепискѣ книгъ: того бо раѝ и възбраненіе е҃ невѣждаѝ еже написати бж҃твнаа писаніа въ грьцѣ̑[6]. Константина поражаетъ языковая, въ томъ числѣ и графико-орѳографическая стабильность греческихъ книгъ: хотя въ мнѡгъ̑ѝ домѡ̑ писаннаа съставлъше, но растоаніе не ѡбрѣте се и даже до дн҃ь въ грьчьскъ̑ѝ писмене̑, тогда какъ въ нш҃ѝ же аще и р҃ книгъ съвъкѹпетсе, ни двѣ т҃ѡ въсѣ̑ ѡбрѣтаютсе едино ꙗко̑ поѧбаеть[7]. «Степень серьёзности этого замѣчанія Константина можно оцѣнить въ полной мѣрѣ въ томъ случаѣ, если принять во вниманіе

---

[4] *Буланинъ Д. М.* Древняя Русь // Исторія русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII вѣкъ. Т. I. Проза. СПб., 1995. С. 31.

[5] *Ягичъ И. В.* Разсужденія… С. 393–394.

[6] Тамъ же. С. 420.

[7] Тамъ же. С. 396.

слѣдующее: уже въ раннехристіанское время отсутствіе единства между списками того или иного церковнаго текста могло восприниматься вѣрующими какъ свидѣтельство не только испорченности самихъ не согласныхъ между собой списковъ, но и неправославія лицъ, ихъ выполнившихъ или ими пользующихся»[8]. Такимъ образомъ, греческій литературный языкъ съ его обработанностью и кодифицированностью долженъ былъ, по мысли Константина, стать образцомъ для соотвѣтствующей обработки и кодификаціи церковнославянскаго языка.

Во-вторыхъ, критерій истинной орѳографіи заключается въ кирилло-меѳодіевской традиціи: св. Кириллъ сумѣлъ при помощи Божіей совершить чудо — установить правильныя отношенія между греческимъ и славянскимъ языками; въ дальнѣйшемъ эти отношенія были испорчены; суть тырновской реформы, въ идеалѣ, какъ разъ и заключалась въ возвратѣ къ древней традиціи.

Эта орѳографическая традиція должна быть хорошо описана какъ для обученія письму, такъ и исправленія книгъ. Большая часть трактата Константина посвящена именно этому. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Дифференціація буквъ ѡ и о: буква ѡ употребляется въ началѣ слова, а внутри слова только въ формахъ множественнаго числа; буква о пишется въ серединѣ и концѣ слова въ формахъ единственнаго числа; кромѣ того, эти буквы различаютъ слова мужского и женскаго рода: ѳеѡдоръ — ѳеодора, ѡнъ — она; буквы ѳ и ѳѳ слѣдуетъ писать въ словахъ ѳко и ѳѳчи; между буквами а и ꙗ Константинъ устанавливаетъ такое различіе: единаа — это форма женскаго рода единственнаго числа, а единаꙗ — форма мужского рода двойственнаго числа; буквы ѣ и е различаютъ смыслъ словъ: съ ѣ бо свѣть гле҇т свѣтеи. съ е-м же светь си рѣ҇ч ст҃ъ г҃ь или светъıи кто (въ сербскомъ языкѣ *ѣ* > *е*, а не въ *’а*, какъ въ русскомъ). Благодаря такому различенію читающій понимаетъ текстъ «безъ претыканія», ибо оно издалечѣ ꙗвѣ ти глаголъ творить. Свѣдущему читателю эти тонкости помогаютъ, мѣшаютъ же только невѣжамъ.

Составной частью орѳографической реформы Константина было исправленіе ударенія. Константинъ указываетъ на важность ударенія («силы») для правильнаго пониманія текста. Такъ, при помощи ударенія могутъ различаться грамматическія формы: ꙗвисѐ — форма изъявительнаго наклоненія (глаголъ повѣстьнь),

[8] *Лукинъ П. Е.* Письмена и православіе. М., 2001. С. 261. Со ссылкой на «Церковную исторію» (V, 28) Евсевія Кесарійскаго.

ꙗви́се — форма повелительнаго наклоненія (глаголъ повелительнь); хотя написаніе едино, но сила раздѣли надь се; ср. ещё: очи́сти г҃ь вьса нечⷭ҇тіа — очистѝ ме г҃и[9]. Отсюда слѣдовалъ выводъ о необходимости разстановки удареній въ литературныхъ, особенно богослужебныхъ текстахъ.

На русской почвѣ сочиненіе Константина подверглось передѣлкѣ и расширенію и стало служить практическимъ руководствомъ для обученія правиламъ орѳографіи; таково сочиненіе нѣкоего Евдокима, по предположенію И. В. Ягича, старца московскаго Чудова монастыря, подъ названіемъ Книга, глаголемаѧ простословіа, некнижное оученіе грамотѣ, избрана нѣкоторою безнадежною сиротою, скитающеюсѧ беспокоѧ, евдокимищемъ препростъıмъ. Евдокимъ выступаетъ какъ апологетъ грамматической науки: аще кто простотъı не оуразꙋмѣетъ, тои не можеⷮ бъıти мꙋⷣръ. аще кто внимаетъ простотѣ, тои можеⷮ обрѣсти и вѧщши мꙋⷣростеи[10]; *простоту* надо, очевидно, понимать какъ совокупность элементарныхъ грамматическихъ свѣдѣній, уразумѣніе которыхъ является необходимой предпосылкой освоенія *вящей мудрости*. Евдокимъ ощущаетъ себя настолько «продвинутымъ» въ пониманіи важности грамматики, что называетъ невѣждами тѣхъ, кто овладѣваетъ грамотностью традиціоннымъ для древней Руси способомъ обученія черезъ заучиваніе образцовыхъ текстовъ — Часослова, Псалтири и пр.: слъıшаⷯ невѣждꙋ гл҃юща, рече. что ми оучити бꙋква. треба ми оучити книгъı[11].

Какъ указываетъ И. В. Ягичъ, издавшій «Простословіе» по списку ГИМ, Чуд. собр. № 236–34, датируемому 1589–1600 годами, грамматическій трудъ Евдокима состоитъ изъ двухъ частей: орѳографической и морфологической. Въ первой части рѣчь идётъ о звукахъ и буквахъ, причёмъ Евдокимъ уже умѣетъ видѣть разницу между ними: междꙋ реченіа и видѣніа бъıваетъ веліа в'спона[12]. Далѣе вполнѣ традиціонно излагаются вопросы фонетики (дѣленіе звуковъ на звательные и полузвательные, т. е. гласные и согласные, описаніе слога), начертанія буквъ, употребленія надстрочныхъ знаковъ, знаковъ препинанія. Ученіе о знакахъ препинанія включено въ раздѣлъ о «разстояніяхъ», коихъ выдѣляется три: 1) роѕдвиж-

---

9 *Ягичъ И. В.* Разсужденія… С. 173–174.

10 Тамъ же. С. 629.

11 Тамъ же. С. 633.

12 Тамъ же.

ка — это пробѣлъ, который нуженъ для того, чтобы рѣчь бы с рѣчію не смѣшалася въ единомъ глаголаніи; 2) раѕставка — это пробѣлъ, въ которомъ пишутся различные знаки, а именно: ꙁапѧтаѧ: та ꙁнаменꙋетъ во единомъ раѕꙋмѣ тогоже раꙁꙋма; подстоліа (;) — ꙁнаменꙋетъ то ж раѕꙋмъ о иномъ раѕꙋмѣ глаголетъ или инъ раѕꙋмъ о томже раѕꙋмѣ глаголетъ; точка (.) — раѕбиваетъ раѕличнꙑѧ раѕꙋмꙑ; кендима (̏) — исполнѧетъ всѧкъ раѕꙋмъ; 3) раꙁдѣленіе — для обозначенія конца раздѣла и всей повѣсти, раздѣленій также три: статіа (:⌐), съврьшеніе (~), ꙁамокъ, тож конець (⁘), (~:).

Укажемъ ещё на одно сочиненіе — Кніга гл҃емаꙗ бꙋкЪвы граммотичнаго оучеціѧ (РГБ. Ф. 299. № 336). Главную цѣль своего сочиненія анонимный авторъ видитъ въ томъ, чтобы орѳографическими средствами различить лексическія единицы и грамматическія формы, которыя мноꙁѣ мнѧтсѧ едино бꙑти, а на самомъ дѣлѣ тꙑѧ веліе ра҃тоѧніи меж҃ꙋ собою имꙋ, то есть при помощи орѳографіи разграничить лексическіе и грамматическіе синонимы.

Для рѣшенія этой задачи авторъ привлекаетъ дублетныя буквы славянскаго и отчасти греческаго алфавитовъ: а — α, е — ε, и — И — і, о — ѻ — ѡ, ъ — Ъ, ꙑ — ЪІ, ь — Ь. Первый варіантъ буквы употребляется въ формахъ единственнаго числа, второй — двойственнаго и множественнаго, напримѣръ: врагъ, губитель (и. п. ед. ч.) — врагЪ, губителЬ (р. п. мн. ч.), ноги (р. п. ед. ч.) — ногИ (и. п. мн. ч.) и т. п. Кромѣ того, грамматическія формы дифференцируются при помощи разныхъ (а не дублетныхъ) буквъ, напримѣръ, и — ꙑ: агг҃ли (и. п.) — агг҃лꙑ (в. п.), прр҃чствꙋѧ (и. п. ед. ч. м. р.) — прр҃чствꙋющи (и. п. ед. ч. ж. р.); такая же дифференціація будетъ представлена затѣмъ въ грамматикѣ Смотрицкаго.

Въ Юго-Западной Руси польско-католическая религіозная и культурная экспансія вызвала русскую православную реакцію богословскаго, научнаго и практическаго характера, научная реакція на положеніе церковнославянскаго языка выразилась въ его изученіи и грамматическомъ описаніи.

Въ 1596 г. въ Вильнѣ появляется Грамматика Словенска, съвершенаго искꙋства осьми частеи слова и инꙑхъ нꙋжднꙑхъ, ново съставлена L. Z. (Лаврентіемъ Зизаніемъ). Л. Зизаній (50–60-е гг. XVI в. — послѣ 1634 г.) былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени, прошёлъ выучку въ братскомъ училищѣ и іезуитской коллегіи, пріобщившись къ западноевропейской лингвистической наукѣ.

Въ раздѣлѣ объ орѳографіи Зизаній слѣдуетъ тырновско-ресавской традиціи и стремится при помощи использованія разныхъ буквъ зрительно дифференцировать лексическія и грамматическія единицы языка: орѳографіѧ естъ, вѣденіе писмена правѡ писати. <…> ибо ино есть бого҃, иноже богѡ҃[13]. При помощи дублетныхъ буквъ а — ѧ, о — ѡ Л. Зизаній предлагаетъ различать совпадающія формы единственнаго и множественнаго числа: юноша — юношѧ, богомъ — богѡмъ. Буквы о и ѡ используются также для дифференціаціи нарѣчій и краткихъ прилагательныхъ средняго рода: праведнѡ — праведно; при помощи пары и — і различаются р. и д. п. ед. ч.: кости — кості.

Въ 1619 г. въ Вильнѣ вышла изъ печати знаменитая Грамматики Славенскиѧ правилное Сѵнтагма Мелетія Смотрицкаго, которая надолго стала основнымъ учебнымъ пособіемъ по грамматикѣ; ещё М. В. Ломоносовъ называлъ «Грамматику» Смотрицкаго наряду съ «Псалтирью риѳмованной» Симеона Полоцкаго и «Ариѳметикой» Магницкаго вратами своей учёности.

Цѣлью Смотрицкаго было создать практическое руководство по грамматикѣ, при помощи котораго можно понимать славянскій текстъ и писать чистымъ славянскимъ языкомъ. Подъ послѣднимъ имѣлся въ виду, конечно, не старославянскій языкъ, а церковнославянскій языкъ, узусъ котораго сложился въ XVI–XVII вв. и въ которомъ древнія формы сосѣдствуютъ съ новыми, возникшими подъ давленіемъ живыхъ славянскихъ языковъ. Изложеніе носитъ описательный характеръ, безъ какого бы то ни было углубленія въ исторію языка. За образецъ описанія принята грамматика греческаго языка Ласкариса, изданная въ Миланѣ въ 1476 г.

Орѳографическія правила Смотрицкаго связаны не столько съ обозначеніемъ звуковъ славянской рѣчи, сколько съ условнымъ употребленіемъ буквъ для зрительнаго различенія словъ и формъ, при этомъ списокъ дифференцирующихъ паръ у него сравнительно съ грамматикой Зизанія расширенъ:

о — ѡ: родъ (и. п. ед. ч.) — рѡдъ (р. п. мн. ч.); родомъ (т. п. ед. ч.) — родѡмъ (д. п. мн. ч.); добраго (р. п.) — добраго (в. п.); достоино (кр. прил.) — достоинѡ (нарѣч.);

о — а: воинома (д. п. дв. ч.) — воинами (т. п. дв. ч.);

а — ѧ: бивша (р. п. ед. ч. м. р.) — бившѧ (в. п. мн. ч. м. р.);

---

[13] Грамматики Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго / Сост. Е. А. Кузьминова. М., 2000. С. 34.

є — є: отецъ (и. п. ед. ч.) — отєцъ (р. п. мн. ч.);

є — ∅: ꙁаповѣдема (д. п. дв. ч.) — ꙁаповѣдма (т. п. дв. ч.);

ꙋ — ю: бившꙋ (д. п. ед. ч. м. и ср. р.) — бившю (в. п. ед. ч. ж. р.);

ъ — ь: ницъ (и. п. ед. ч. м. р.) — ниць (р. п. мн. ч. м., ж. и ср. р.);

кромѣ того, эти буквы, названныя *припряжногласными*, такъ какъ онѣ сами по себѣ звуковъ не обозначаютъ, служатъ обозначенію качества согласныхъ, которыми оканчивается слово, напримѣръ: ꙋастъ и ꙋасть, кровъ и кровь, перстъ и персть;

і — ꙑ: свѧтіѧ (и. п. мн. ч. ж. р.) — свѧтꙑѧ (р. п. ед. ч. ж. р.) и т. п.

Если для различенія словъ и формъ нельзя было использовать дублетныя буквы, то Смотрицкій предлагалъ использовать для этой цѣли знаки ударенія: сы́нъ (и. п. ед. ч.) — сы͡нъ (р. п. мн. ч.). Кромѣ того, употребленіе буквъ зависѣло отъ положенія въ словѣ: Смотрицкій совѣтовалъ употреблять букву і въ серединѣ словъ передъ гласными, въ абсолютномъ началѣ слова слѣдовало употреблять буквы ѹ є ꙗ, а буквы ꙋ е ѧ — въ серединѣ и концѣ слова; букву ѡ употреблять въ предлогахъ ѡ и ѡбъ.

Буквы г ѕ ф ѯ ѱ ѳ онъ назвалъ *странными*, то есть, очевидно, посторонними, такъ какъ онѣ взяты изъ сторонняго греческаго языка, тогда какъ славянскій языкъ не нуждается въ нихъ. Наряду съ буквой г онъ поставилъ букву γ: первая использовалась для обозначенія славянскаго звука въ словѣ благо, вторая — для обозначенія фрикативнаго заднеязычнаго согласнаго, свойственнаго южнорусскимъ говорамъ. Употребленіе буквъ ѕ ѯ ѱ ѳ ѵ, «лишнихъ» съ фонетической точки зрѣнія, оправдывалось тѣмъ, что благодаря имъ славянскій языкъ пріобрѣталъ то же достоинство, что и другіе сакральные языки — греческій и латинскій.

Въ Москвѣ «Грамматика» Смотрицкаго была издана въ 1648 году безъ указанія имени ея автора, такъ какъ Смотрицкій измѣнилъ Православію и перешёлъ въ уніатство. Въ «Грамматикѣ» греческіе и латинскіе термины напечатаны славянскими буквами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣнено удареніе (вм. писмѧ̀ — пи́смѧ, вм. тво́рѧтъ — творѧ́тъ); значительно передѣланы парадигмы, напримѣръ: вм. д. п. сносѣ — снохѣ, вм. р. п. мрежѧ — мрежи, вм. и. и в. п. мн. ч. мрежѧ — и. п. мрежи, в. п. мрежъі; вм. р. п. мн. ч. людіи — людеи; вм. м. п. ед. ч. отци — отцѣ. Нѣкоторые раздѣлы были замѣнены соотвѣтствующими раздѣлами, взятыми изъ «Грамматики» Зизанія.

«Грамматика Смотрицкаго въ московскомъ изданіи 1648 года

была тѣмъ первоначальнымъ источникомъ, изъ котораго перешли всѣ почти нововведенія не только въ послѣдовавшія за нею грамматики, но даже въ самыя церковныя книги позднѣйшаго изданія, называемыя исправленными»[14]. Въ послѣдующіе годы «Грамматика» Смотрицкаго съ незначительными передѣлками не разъ переиздавалась въ Москвѣ: въ 1721 году по указу Петра I, затѣмъ въ 1723 и 1755 годахъ. Она стала школьнымъ учебникомъ въ училищахъ, заведённыхъ при архіерейскихъ домахъ. Благодаря этой «Грамматикѣ» типографскіе справщики сдѣлали болѣе исправное, особенно въ отношеніи правописанія, изданіе Библіи — такъ называемое московско-академическое изданіе 1663 года. При исправленіи богослужебныхъ книгъ «Грамматикой» Смотрицкаго пользовались также книжники Болгаріи, Сербіи и Далмаціи[15].

Что же объединяетъ всѣ средневѣковыя усилія по упорядочиванію правописанія? Двѣ черты:

1) Удержаніе всего орѳографическаго наслѣдія; нѣтъ и намёка на такое понятіе, какъ «лишнія» буквы; всѣ усилія направлены на то, чтобы установить функціональную нагрузку всѣхъ знаковъ письма.

2) Функціонированіе знаковъ письма связано прежде всего со зрительнымъ воспріятіемъ текста; связь между звукомъ и буквами сохраняется, но орѳографическое сознаніе было основано на «презумпціи зрѣнія».

Теперь мы сдѣлаемъ огромный шагъ во времени и перенесёмся въ конецъ XIX — начало XX вѣка. Къ этому времени уже сформировался русскій литературный языкъ, на которомъ была создана русская классическая литература; она называется классической въ томъ числѣ и потому, что она даётъ намъ образецъ литературнаго употребленія языка. Въ концѣ XIX вѣка акад. Я. К. Гротомъ сложившіяся нормы русскаго правописанія были кодифицированы, его книжка «Русское правописаніе» (1885 г.) выдержала 22 изданія и стала учебнымъ пособіемъ, а также основой для другихъ учебниковъ.

Но именно въ это время начинаются разговоры о необходимости реформы русскаго правописанія.

---

[14] *Засадкевичъ Н.* Мелетій Смотрицкій какъ филологъ. Одесса, 1883. С. 137.

[15] См. объ этомъ тамъ же. С. 167–202.

Подготовка реформы, состоявшейся въ 1917–1918 годахъ, обычно связывается съ дѣятельностью Академіи Наукъ, въ нѣдрахъ которой, подъ непосредственнымъ руководствомъ выдающихся русскихъ лингвистовъ академиковъ Ф. Ѳ. Фортунатова и А. А. Шахматова, былъ подготовленъ проектъ реформы орѳографіи. То, что реформа была проведена въ жизнь уже большевицкой властью, объясняютъ или исторической случайностью, или хронической неспособностью царскаго правительства къ какимъ-либо прогрессивнымъ преобразованіямъ.

Однако ни Фортунатовъ, ни Шахматовъ не были иниціаторами реформы орѳографіи, не предлагали ея проектовъ, вопросъ о необходимости реформированія русскаго правописанія поднимался прежде всего въ педагогической средѣ. Такъ, Педагогическое общество при Московскомъ университетѣ образовало на рубежѣ вѣковъ Комиссію по вопросу объ упрощеніи русскаго правописанія, въ ея занятіяхъ принималъ дѣятельное участіе Фортунатовъ.

Шахматовъ также довольно рано сталъ сторонникомъ новой орѳографіи и защищалъ её отъ министра внутреннихъ дѣлъ Д. С. Сипягина, выступившаго съ проектомъ обязательнаго употребленія въ печати буквъ ѣ и ъ. Шахматовъ (вмѣстѣ съ Соболевскимъ) написалъ отвѣтъ отъ имени Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи, который былъ 22 декабря 1901 г. направленъ министру народнаго просвѣщенія. Въ этомъ отвѣтѣ есть нѣсколько любопытныхъ деталей. Въ нёмъ указывается, что члены Академіи, какъ учёные изслѣдователи исторіи языка и литературы, «ясно сознаютъ, что между живою рѣчью, душой всякаго народа, и письмомъ, мёртвой и притомъ заимствованной у другого народа оболочкой, можетъ существовать только условная и совершенно внѣшняя связь»[16]. Эти слова даютъ намъ возможность понять, какъ мыслилъ Шахматовъ: для него существуетъ двѣ реальности: живая рѣчь и письмо, причёмъ второе занимаетъ служебное положеніе по отношенію къ первой; назначеніе письма, по Шахматову, при помощи условныхъ значковъ фиксировать живую рѣчь народа. Такимъ образомъ, мы видимъ, что пониманіе орѳографіи и ея природы существенно мѣняется: на мѣсто презумпціи зрѣнія приходитъ презумпція слуха. Отчего это происходитъ? Менѣе всего это

[16] Цит. по: *Чернышёвъ В. И.* Избранные труды. Т. 2. М., 1959. С. 561.

можно вмѣнить въ вину Шахматову или вообще русской лингвистикѣ конца XIX — начала XX вѣка. Обратимъ вниманіе на сферы научныхъ интересовъ Шахматова, въ которыхъ онъ добился выдающихся результатовъ: онъ былъ филологомъ, создавшимъ первую научную исторію русскаго лѣтописанія; онъ былъ историкомъ **живого** (!) русскаго языка; наконецъ, онъ былъ діалектологомъ, организаторомъ систематическихъ изслѣдованій въ этой области русистики, создателемъ Діалектологической комиссіи. Діалектологія, наряду со сравнительно-историческимъ языкознаніемъ (геніальнымъ представителемъ котораго въ Россіи былъ Фортунатовъ), въ концѣ XIX — началѣ XX вѣка была, пожалуй, наиболѣе развитой областью научнаго лингвистическаго знанія. Живая рѣчь народа была главнымъ, если не единственнымъ достойнымъ предметомъ научныхъ изслѣдованій; памятники письменности разсматривались главнымъ образомъ какъ источники исторической діалектологіи. Востоковъ, Потебня, Ягичъ, Соболевскій, Шахматовъ сдѣлали чрезвычайно много въ этомъ направленіи. Поэтому-то Шахматовъ невольно смотрѣлъ на всё, если можно такъ выразиться, «діалектологическими» глазами; письмо, орѳографія въ его глазахъ, естественно, не могли имѣть высокаго значенія.

Въ этой связи будетъ небезынтересно напомнить о шахматовской концепціи образованія русскаго литературнаго языка. Шахматовъ полагалъ, что «по своему происхожденію русскій литературный языкъ — это перенесённый на русскую почву церковнославянскій (по происхожденію своему древнеболгарскій) языкъ, въ теченіе вѣковъ сближавшійся съ живымъ народнымъ языкомъ и постепенно утратившій и утрачивающій своё иноземное обличіе»[17]. Церковнославянскій языкъ былъ въ XI вѣкѣ настолько близокъ народному русскому языку, что «съ первыхъ же лѣтъ своего существованія на русской почвѣ онъ сталъ неудержимо ассимилироваться народному языку, ибо говорившіе на нёмъ русскіе люди не могли разграничить въ своей рѣчи ни своё произношеніе, ни своё словоупотребленіе и словоизмѣненіе отъ усвоеннаго ими церковнаго языка»[18].

«Русскіе люди стали писать и говорить на нёмъ, приближая его въ своёмъ произношеніи къ родному языку. Звуки древнебол-

[17] *Шахматовъ А. А.* Очеркъ современнаго русскаго литературнаго языка. 4-е изд. М., 1941. С. 60.

[18] Тамъ же. С. 61.

гарской рѣчи были замѣнены русскими: вмѣсто носовыхъ звуковъ они произносили звуки *у* и *а*, вмѣсто болгарскаго *ѣ* (звука, въ однихъ говорахъ близкаго къ *а*, а въ другихъ къ *ā*) произносили *е* или отождествили его со своимъ *ѣ* (т. е. дифтоногомъ *іе*); сочетаніе *жд*, чуждое русскому языку, замѣняли систематически черезъ *ж*; сочетаніе слоговыхъ *р* и *л* съ послѣдующими ъ и ь русскіе замѣняли своими сочетаніями *ьр, ър, ъл* (напр., *скрьбь* стали произносить *скьрбь*, позже *скербь*, ср. русское *скърбь*, откуда *скорбь*); звукъ *г* (взрывной) они передавали своимъ (южнорусскимъ) *г* фрикативнымъ (*h*) и т. д. Подобныя измѣненія были необходимы для возможности усвоенія древнеболгарскаго языка болѣе широкой средой; только они могли привести его къ національзаціи»[19].

Весь ходъ этихъ разсужденій обличаетъ діалектолога: въ проблемѣ образованія русскаго литературнаго языка онъ различаетъ только одну, въ общемъ-то малозначительную сторону: измѣненіе въ написаніи нѣкоторыхъ словъ подъ вліяніемъ живого русскаго языка. Лишь въ 20-е годы, когда въ лингвистикѣ произойдётъ смѣна научной парадигмы и во главу угла будетъ поставлено понятіе языковой функціи, въ работахъ Ш. Балли, Н. С. Трубецкого, В. В. Виноградова будутъ сформулированы новые подходы къ литературному языку и его исторіи.

Вернёмся къ «Отвѣту» Шахматова. Весьма забавно читать, какъ Шахматовъ отстаиваетъ своё право употреблять въ печати тѣ буквы, которыя онъ считаетъ нужными: «…мысль, облечённую въ слово, можно и должно поставить подъ контроль закона; но подвергнуть слово, выражающее мысль, какому бы то ни было контролю, а тѣмъ болѣе произволу цензоровъ, равносильно стѣсненію мысли вообще…»[20] Сразу видно русскаго «либерала» и будущаго члена кадетской партіи.

По запросу Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній о русской орѳографіи на засѣданіи 14 февраля 1904 г. Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ было принято рѣшеніе образовать орѳографическую Комиссію подъ предсѣдательствомъ президента Академіи вел. кн. Константина Константиновича (К. Р.); товарищемъ предсѣдателя былъ избранъ акад. Фортунатовъ.

---

[19] Тамъ же. С. 236.

[20] Цит. по: *Чернышёвъ В. И.* Избранные труды. Т. 2. М., 1959. С. 561–562.

10 апрѣля Фортунатовъ обратился къ К. Р. съ письмомъ по поводу порядка проведенія засѣданія Комиссіи, въ которомъ поражаетъ одно предложеніе: «Августѣйшій предсѣдатель Комиссіи, предлагая собранію приступить къ обмѣну мнѣній по вопросу о реформѣ русскаго правописанія, изволитъ указать на то, что ораторы, разсматривая этотъ вопросъ какъ по отношенію къ цѣли правописанія, такъ и въ связи съ интересами школы и печати, не должны уклоняться въ общія разсужденія о пользѣ или вредѣ реформы русскаго правописанія, напр. для культурныхъ, національныхъ или государственныхъ интересовъ. Обсужденіе такого рода общихъ вопросовъ не можетъ быть допущено, такъ какъ оно повело бы къ излишней полемикѣ, а потому и къ потерѣ времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ не способствовало бы, конечно, выполненію той опредѣлённой задачи, какую имѣетъ передъ собою Комиссія по вопросу о русскомъ правописаніи»[21]. Поражаетъ своеобразный лингвистическій идіотизмъ этого предложенія: собственно лингвистическая проблема не стоитъ выѣденнаго яйца, ибо каждому ясно, что пресловутыя четыре буквы (*ѣ, і/и, ѳ, ѵ*) не имѣютъ отношенія къ фонетикѣ живого русскаго языка, такъ что суть реформы именно въ культурномъ, національномъ и государственномъ интересѣ, а онъ завѣдомо исключается изъ обсужденія!

Комиссія при II-мъ отдѣленіи Академіи Наукъ засѣдала 12 апрѣля 1904 г. На засѣданіе комиссіи не пріѣхалъ изъ Одессы А. И. Томсонъ — ревностный противникъ реформы.

Результаты голосованія:

исключить «ѳиту»: за — 47, противъ — 3;
исключить «ять»: за — 34, противъ — 15;
исключить «еръ»: за — 36, противъ — 14;
исключить «и» или «і»: за — 39, противъ — 11[22].

Однако почти вся культурная элита русскаго общества 10-хъ годовъ — писатели, поэты, философы, дѣятели Церкви, политики — были противъ реформы, подготовленной учёными во главѣ съ Фортунатовымъ и Шахматовымъ, и реформа не состоялась. Лишь новая политическая власть со своей маніакальной жаждой отреченія отъ стараго міра провела реформу въ жизнь. Но и послѣ этого въ эмиграціи Иванъ Бунинъ писалъ «…да, эта “новая” орѳографія очень больное моё мѣсто, иногда просто сводитъ

[21] Тамъ же. С. 564.

[22] См.: *Чернышёвъ В. И.* Избранные труды. Т. 2. С. 573–574.

меня съ ума своей нелѣпостью, низостью, угодливостью черни — и тѣмъ, что вѣдь ни одна страна въ Европѣ не оскорбляла, не унижала такъ свой языкъ, какъ это сдѣлалъ самый подлый и звѣрскій СССР — съ благословенія профессора Мануйлова, ставшаго революціоннымъ министромъ народнаго *Просвѣщенія*» (Письмо Н. Р. Вредену отъ 12 декабря 1951 г.)[23].

Въ XX вѣкѣ возникла фонологія, которая стала одной изъ самыхъ блестящихъ страницъ лингвистики XX вѣка; изумительная стройность фонологіи, строгость ея языка породили соблазнъ примѣнить фонологическій языкъ описанія къ другимъ сферамъ языка — грамматикѣ и лексикѣ, а также къ письму. Такіе соблазны не рѣдки въ исторіи разныхъ наукъ. Въ качествѣ аналогіи можно указать на фрейдизмъ: въ научномъ климатѣ конца XIX — начала XX вѣка, когда психологія считалась, по крайней мѣрѣ въ гуманитарной сферѣ, наукой наукъ, возникъ соблазнъ примѣненія языка фрейдизма къ описанію феноменовъ религіи, литературы и искусства.

Однако годится ли аппаратъ фонологіи для описанія орѳографіи? Большинство современныхъ учебниковъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ положительно, фонологическій принципъ признаётся основнымъ принципомъ русскаго правописанія. Я же думаю, что это не совсѣмъ вѣрно или даже совсѣмъ невѣрно. Если посмотрѣть на сводъ правилъ русской орѳографіи, то мы съ удивленіемъ обнаружимъ, что всего два (!) правила могутъ быть описаны при помощи фонологическихъ понятій: это правило о правописаніи безударныхъ гласныхъ и правило о правописаніи «сомнительныхъ» согласныхъ ([вада] — воды), непроизносимыхъ согласныхъ ([сонце] — соднышко), въ парныхъ по глухости–звонкости согласныхъ ([броф’] — брови). Чтобы узнать, какую букву писать, надо поставить эти звуки въ сильную позицію. Но вѣдь это правило существовало, когда ни о какой фонологіи и слуху не было! Однако и въ этомъ кругѣ есть исключенія: напримѣръ, неясно, какая фонема въ первомъ слогѣ слова *темно*, ибо можно провѣрить это слово и словомъ *тёмный*, и словомъ *темень*; стало быть, здѣсь имѣетъ мѣсто гиперфонема, а написаніе съ буквой *е* является традиціоннымъ.

Если мы вообще посмотримъ на сводъ дѣйствующихъ правилъ русской орѳографіи, то увидимъ, что большая часть правилъ не можетъ быть описана при помощи языка фонологіи: таковы правила,

---

[23] *Бунинъ И. А.* Собр. соч.: Въ 8 т. Т. 5. М., 1996. С. 563–564.

касающіяся правописанія *н/нн* въ прилагательныхъ и причастіяхъ, чередующихся гласныхъ въ корнѣ (*бир- — бер-, дир- — дер-* и др.), гласныхъ буквъ послѣ шипящихъ и *ц*, буквъ *е* и э, приставокъ *раз-/рас-, без-/бес-**, *воз-/вос-,* приставокъ *пре-/при-,* гласныхъ *ы/и* послѣ приставокъ, многихъ суффиксовъ и окончаній существительныхъ, прилагательныхъ, мѣстоименій и глаголовъ, слитнаго, раздѣльнаго и дефиснаго правописанія нарѣчій, многихъ предлоговъ *(въ теченіе, въ продолженіе)* и союзовъ *(чтобы — что бы)*, частицъ *не* и *ни*. Если же къ этому прибавить огромное количество такъ называемыхъ «словарныхъ» словъ, то значеніе фонематическаго принципа становится и вовсе незначительнымъ, и если мы до сихъ поръ придерживаемся мнѣнія о фонематичности нашего письма, то только въ силу авторитета научной традиціи.

Съ фонологической точки зрѣнія совершенной надо будетъ признать такую орѳографію, которая наилучшимъ образомъ отражаетъ фонемный составъ языка. Такой принципъ орѳографіи называется фонематическимъ; поскольку же фонема обнаруживаетъ себя только въ составѣ морфемы, то этотъ принципъ называютъ ещё и морфологическимъ; практически это значитъ, что мы должны одной буквой обозначать одну фонему независимо отъ того, какимъ звуковымъ варіантомъ она представлена въ данной позиціи.

Съ этой точки зрѣнія усовершенствованіе орѳографіи означаетъ, во-первыхъ, изъятіе изъ азбуки такъ называемыхъ «лишнихъ» буквъ, «лишними» же онѣ являются потому, что обозначаютъ одну и ту же фонему. Такъ, изъ трёхъ исторически существовавшихъ буквъ *і — и — ѵ*, обозначавшихъ фонему <и>, нужно оставить одну букву; изъ двухъ буквъ *ѣ — е, ѳ — ф* также нужно оставить одну; «лишней» признана и буква ъ на концѣ словъ, такъ какъ она не обозначала здѣсь никакой фонемы. Всѣ эти «лишнія» буквы были изъяты реформой 1918 г.

Во-вторыхъ, усовершенствованіе орѳографіи исходя изъ презумпціи слуха означаетъ измѣненіе историческаго написанія словъ на написаніе въ соотвѣтствіи съ его фонемнымъ составомъ. Напримѣръ, вмѣсто *добрый* надо писать *доброй*, ср. *молодой, крутой;* вмѣсто *добраго* или *молодого* надо писать *доброва, молодова.*

---

* Въ русскомъ правописаніи приставка *без-* пишется внѣ зависимости отъ того, какая согласная за ней слѣдуетъ, звонкая или глухая; нелогичная форма *бес-* введена большевицкимъ декретомъ. — *Прим. издателя.*

Слѣдствіемъ такого усовершенствованія явилась омонимія словъ и формъ:

мел (сущ. и. п., ед. ч., м. р.) — *мел* (глаг. прош. вр., м. р., ед. ч.);

в море (в. п.) — *в море* (п. п.);

все (и. п., мн. ч.) — *все* (и. п., ед. ч., ср. р.);

села (глаг. прош. вр., ж. р., ед. ч.) — *села* (сущ. ср. р., мн. ч., ед. ч.);

красной (и. п., ед. ч., м. р.) — *красной* (р. п., ед. ч., ж. р.).

Фонологическій редукціонизмъ упрощаетъ проблематику письма какъ особой семіотической системы, сводя её къ одной роли — обозначенію фонемъ, и игнорируетъ иныя семантическія возможности письма.

Если же исходить изъ презумпціи зрѣнія, то усовершенствованіе традиціонной орѳографіи будетъ означать всё болѣе раціональное использованіе исторически доставшихся намъ знаковъ письма. Съ этой точки зрѣнія изъ трёхъ орѳографій — церковнославянской, русской и «совѣтской» — наиболѣе совершенной является первая, затѣмъ вторая, и совѣтская — самая несовершенная.

Русская орѳографія во многомъ сохранила преемственность отъ церковнославянской; здѣсь нѣтъ проблемъ съ различеніемъ упомянутыхъ словъ и формъ: *мѣлъ — мёлъ, всѣ — всё, красный — красной, въ море — въ морѣ, сѣла — села, ѣсть — есть*. Болѣе того, орѳографическія различія могутъ тонко использоваться въ текстѣ художественнаго произведенія. Вотъ одинъ примѣръ изъ романа Льва Толстого «Война и Миръ»:

«Совѣтскій» текстъ	*Оригинальный текстъ*
Диакон вышел на амвон, выправил, широко отставив большой палец, длинные волосы из-под стихаря и, положив на грудь крест, громко, торжественно стал читать слова молитвы: — Миром Господу помолимся. «Миром — все вместе, без различия сословий, без вражды, а соединённые братской любовью — будем молиться», — думала Наташа.	Діаконъ вышелъ на амвонъ, выправилъ, широко отставивъ большой палецъ, длинные волосы изъ-подъ стихаря и, положивъ на грудь крестъ, громко, торжественно сталъ читать слова молитвы: — Миромъ Господу помолимся. «Міромъ — всѣ вмѣстѣ, безъ различія сословій, безъ вражды, а соединённые братской любовью — будемъ молиться», — думала Наташа (Т. III. Ч. I. Гл. XVI).

Въ «совѣтскомъ» текстѣ употреблено одно слово *миром*, тогда какъ у Толстого — два слова: *миромъ* и *міромъ*. Возгласъ діакона означаетъ: будемъ молиться мирнымъ духомъ, безъ вражды, въ любви и согласіи, примирившись съ Богомъ и людьми, но Наташа Ростова, на слухъ не различающая два слова и, видимо, не твёрдо наставленная въ литургическомъ Богословіи, понимаетъ этотъ возгласъ въ томъ смыслѣ, что нужно молиться всѣмъ вмѣстѣ, сообща, какъ нужно напрячься всему народу для одолѣнія супостата Боунапартія. «Совѣтскій» читатель лишёнъ даже возможности увидѣть эту орѳографическую игру, не говоря уже о ея пониманіи. Такихъ примѣровъ можно привести не одинъ, и нѣтъ сомнѣнія, что при переводѣ текста классической литературы въ «новую» орѳографію мы огрубляемъ его воспріятіе и пониманіе.

Вотъ ещё примѣры разрыва культурной традиціи. Стихъ изъ хрестоматійнаго «Пророка» *И жало мудрыя змѣи*... нельзя перевести въ «новую» орѳографію, такъ какъ пропадётъ слогъ и стихъ разрушится. Однако абитуріенты уже не понимаютъ формы *мудрыя* и цитируютъ такъ: «И жало *мудрое* змѣи…» То же самое произошло и со строкой Блока: «И слёзы *первыя* любви…», которую уже печатаютъ такъ: «И слёзы *первые* любви…» Точно такъ же и строку Пушкина «Надежды робкія черты…» («Къ живописцу», 1815) печатаютъ въ академическомъ собр. соч. «Надежды робкие черты…», то есть поэтъ проситъ живописца изобразить не черты робкой надежды, а робкія черты надежды, что, несомнѣнно, является безсмыслицей.

Или ещё примѣръ. Изъ исторіи русскаго стихосложенія извѣстно, что въ 1-ой трети XIX вѣка поэты пользовались точной риѳмой, напримѣръ:

Бѣлѣетъ парусъ ***одинокой***
Въ туманѣ моря голубомъ.
Что ищетъ онъ въ странѣ ***далёкой****,*
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?

Но какъ можно увидѣть точную риѳму въ стихахъ, напечатанныхъ по «новой» орѳографіи; ср.:

Белеет парус ***одинокий***
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране ***далёкой****,*
Что кинул он в краю родном?

Ср. также у Пушкина:

Но это кто въ толпѣ ***избранной***
Стоитъ безмолвный и ***туманной****?*
Евгеній Онѣгинъ. 8. VII

и

Но это кто в толпе ***избранной***
Стоит безмолвный и ***туманный****?*

Ср. также: Осел осел — Оселъ осѣлъ.

Вотъ ещё нѣсколько примѣровъ изъ извѣстной статьи Ивана Ильина, который называлъ новую орѳографію кривописаніемъ[24]:

Кривописаніе	Правописаніе
все ели да ели	*всё ели да ели — всё ѣли да ѣли*
грешник отведал грешника	*грѣшникъ отвѣдалъ грешника*
он слез без слез	*онъ слѣзъ безъ слезъ*
у нас есть что есть	*у насъ есть что ѣсть*
на горе цветов не было	*на горе цвѣтовъ не было — на горѣ…*
о мире всего мира	*о мирѣ всего міра*
откуда вести	*откуда вѣсти — откуда вести*
море становилось синее	*море становилось синее — или синѣе?*

Глубинный смыслъ орѳографической реформы 1917–1918 гг. какъ разъ и заключался въ разрушеніи русскаго культурнаго пространства: «Реформа имѣла невидимыя большинству современниковъ, но поистинѣ сатанинскія цѣли: пресѣчъ духовную преемственность, лишить русскій народъ его прошлаго, чтобы тѣмъ вѣрнѣе формировать “новаго человѣка”»[25].

---

[24] *Ильинъ И. А.* О нашихъ орѳографическихъ ранахъ // Собр. соч.: Въ 10 т. Т. 2. Кн. 2. М., 1993. С. 118–125.

[25] *Протоіерей Валентинъ Асмусъ*. «Ѣ». Краткое пособіе по старой орѳографіи русскаго языка. М., 1999. С. 3.

Описаніе орѳографіи безотносительно къ связи между буквой и звучаніемъ вполнѣ возможно. Есть люди, для которыхъ вообще не существуетъ связи между письмомъ и звучащей рѣчью: это глухонѣмые отъ рожденія; они, однако, прекрасно владѣютъ письменной рѣчью. Но и всѣ люди въ процессѣ культурнаго развитія, процессѣ овладѣнія навыкомъ чтенія «глохнутъ», то есть у всѣхъ происходитъ эмансипація воспріятія письменнаго текста отъ его звучанія. Мы начинаемъ читать по слогамъ, потомъ читаемъ вслухъ, потомъ читаемъ глазами, но ещё какое-то время помогаемъ чтенію, шевеля губами, наконецъ, полностью освобождаемся даже отъ минимальнаго сопровожденія чтенія какимъ-то подобіемъ произношенія. Мы пишемъ не для того, чтобы услышать написанное, а всё болѣе для того, чтобы увидѣть его и за зрительными графическими символами распознать выражаемыя ими идеи. Такъ, слово *сѣроватый* по-русски произносятъ по-разному: [сяраватый — сероватой — сираватый]; иностранецъ вообще можетъ исказить въ своёмъ произношеніи это слово до неузнаваемости; однако на письмѣ оно для всѣхъ выглядитъ одинаково и потому для всѣхъ является однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ символомъ опредѣлённыхъ лексическихъ и грамматическихъ идей (значеній). Эта мысль уже высказывалась въ нашей наукѣ С. И. Карцевскимъ, но не получила должнаго развитія. Онъ писалъ: «Письмо существуетъ д л я г л а з а. Слова должны быть понятны при первомъ же взглядѣ на ихъ начальныя буквы. <…> Для быстраго пониманія словъ глазами н е л ь з я писать слова такъ, какъ они произносятся. <…> Поэтому орѳографія должна поддерживать на письмѣ зрительное единство слова во всѣхъ его формахъ, и зрительное единство семьи словъ, и, наконецъ, зрительное единство типа словоизмѣненія»[26].

Въ той или иной степени «іероглифической», или символической, является всякая орѳографія, напримѣръ, англійская, французская и нѣмецкая, причёмъ эти культурные народы не спѣшатъ реформировать её. «Упростить правописаніе для носителей этихъ языковъ равносильно культурному самоубійству»[27]. Мы же, бѣгущіе впереди прогресса, увлечённые ложной идеей сближенія

---

[26] *Карцевскій С. И.* Изъ лингвистическаго наслѣдія. М., 2000. С. 203.

[27] Тамъ же. С. 7.

правописанія съ произношеніемъ, реформировали его, и теперь интеллигентный обыватель не въ состояніи прочесть несложный церковнославянскій текстъ и съ неохотой берётъ въ руки книгу, напечатанную по старымъ орѳографическимъ правиламъ.

Я смѣю утверждать, что научно обоснованными являются обѣ системы орѳографіи, научно исходить и изъ презумпціи слуха, и изъ презумпціи зрѣнія. Предпочтеніе того или иного принципа усовершенствованія зависитъ, можетъ быть и къ счастью, уже не отъ учёныхъ, а отъ соглашенія внутри культурнаго сообщества. Въ этой связи слѣдуетъ напомнить, что подготовленная учёными въ серединѣ 60-хъ годовъ реформа орѳографіи не прошла изъ-за сопротивленія ей со стороны дѣятелей культуры, хотя ихъ аргументація порой была довольно наивной, вспомнимъ хотя бы знаменитое леоновское *я этихъ огурцей ѣсть не буду*.

Какъ замѣтилъ Козьма Прутковъ, спеціалистъ подобенъ флюсу: полнота его односторонняя; я думаю, что не слѣдуетъ впадать въ фонологическую односторонность, напротивъ, нужно вдуматься въ то, что даётъ и чего не даётъ намъ наше письмо какъ буквенно-зрительная сущность. Въ этой научной и культурной парадигмѣ письмо имѣетъ важное значеніе системы зрительныхъ знаковъ, выражающихъ опредѣлённыя идеи, лексическія и грамматическія. Въ этой перспективѣ богатство и разнообразіе знаковъ письма — не излишество, подлежащее искорененію, а даръ, которымъ нужно умѣло распорядиться. Въ этой связи умѣстно вспомнить слова А. П. Сумарокова: «Что меньше правилъ, то легче языку научиться; а нѣкоторые думаютъ, что въ лёгкости языка немалое состоитъ достоинство; однако тотъ алмазъ не дешевле, который легче. Мнѣ думается, что въ умѣренной тягости языка больше найти можно достоинства, потому что оттого больше разности, а гдѣ больше разности, тамъ больше пріятности и красоты, ежели разность не теряетъ смысла. Трудность языка къ наученію требуетъ больше времени, но приноситъ больше и удовольствія»[28]. Иначе говоря, свѣдущему читателю орѳографическія тонкости помогаютъ понимать текстъ, мѣшаютъ же онѣ только невѣжамъ.

Если въ основѣ тырновско-ресавской справы и послѣдующихъ реформъ церковнославянскаго правописанія лежала исихастская

---

[28] *Сумароковъ А. П.* Къ типографскимъ наборщикамъ // Собр. соч.: Въ X т. Т. VI. М., 1787. С. 310–311.

идея безусловности языкового знака, символа (слѣдствіемъ которой было стремленіе удержать всѣ знаки письма и найти имъ то или иное функціональное употребленіе), то въ основѣ новѣйшихъ попытокъ реформъ русскаго правописанія лежитъ чисто интеллигентская идеологія. По словамъ русскаго философа Георгія Ѳедотова, такъ называемой интеллигенціи свойственны двѣ сущностныя черты — идейность и безпочвенность. Эти двѣ черты полностью проявились и у «отцовъ» новѣйшихъ реформъ: въ данномъ случаѣ идейность проявилась въ отвлечённой идеѣ фонологической основы русской орѳографіи, а безпочвенность — въ способности пожертвовать всей исторической традиціей русскаго письма ради утвержденія этого абстрактнаго принципа. На память приходятъ горькія слова Шахматова, которыя онъ сказалъ одному изъ своихъ друзей, умирая отъ голода въ революціонномъ Петроградѣ: «Теперь, увидѣвъ носителей новой орѳографіи, я понялъ, что мы вели себя по-большевицки».

Если отвлечься отъ идеологіи, то передъ нами двѣ научныя теоріи орѳографіи, одна изъ которыхъ основана на «презумпціи зрѣнія», а другая — на «презумпціи слуха». Какая изъ нихъ лучше?

Сѵ́мво́лъ правосла́вныѧ вѣ́ры:

[а҃] Вѣ́рую во є҆ди́наго бг҃а ѻ҆ца̀ вседержи́телѧ, творца̀ нб҃у и҆ землѝ, ви́димымъ же всѣ́мъ и҆ неви́димымъ. [в҃] И҆ во є҆ди́наго гдⷭ҇а і҆и҃са хрⷭ҇та̀, сн҃а бж҃їѧ, є҆диноро́днаго, и҆́же ѿ ѻ҆ца̀ рожде́ннаго пре́жде всѣ́хъ вѣ́къ: свѣ́та ѿ свѣ́та, бг҃а и҆́стинна ѿ бг҃а и҆́стинна, рожде́нна, не сотворе́нна, є҆диносѹ́щна ѻ҆ц҃ѹ, и҆́мже всѧ̑ бы́ша. [г҃] На́съ ра́ди человѣ́къ, и҆ на́шегѡ ра́ди сп҃се́нїѧ сше́дшаго съ нб҃съ, и҆ воплоти́вшагосѧ ѿ дх҃а ст҃а и҆ мр҃і́и дв҃ы, и҆ вочл҃вѣ́чшасѧ. [д҃] Распѧ́таго же за ны̀ при понті́йстѣмъ пїла́тѣ, и҆ страда́вша, и҆ погребе́на. [є҃] И҆ воскрⷭ҇шаго въ тре́тїй де́нь, по писа́нїемъ. [ѕ҃] И҆ возше́дшаго на нб҃са̀, и҆ сѣдѧ́ща ѡ҆деснѹ́ю ѻ҆ца̀. [з҃] И҆ па́ки грѧдѹ́щаго со сла́вою сѹди́ти живы̑мъ и҆ ме́ртвымъ, є҆гѡ́же црⷭ҇твїю не бѹ́детъ конца̀. [и҃] И҆ въ дх҃а ст҃а́го, гдⷭ҇а животворѧ́щаго, и҆́же ѿ ѻ҆ца̀ и҆сходѧ́щаго, и҆́же со ѻ҆це́мъ и҆ сн҃омъ спокланѧ́ема и҆ сла́вима, глаго́лавшаго прⷪ҇ро́ки. [ѳ҃] Во є҆ди́нѹ ст҃ѹ́ю, собо́рнѹю и҆ а҆пⷭ҇льскѹ́ю цр҃ковь. [і҃] И҆сповѣ́дѹю є҆ди́но кр҃ще́нїе, во ѡ҆ставле́нїе грѣхѡ́въ. [ѳі҃] Ча́ю воскрⷭ҇нїѧ ме́ртвыхъ: [к҃і] И҆ жи́зни бѹ́дѹщагѡ вѣ́ка. А҆ми́нь.

Евгеній Леонидовичъ Кривочупринъ
историкъ, филологъ, переводчикъ (Харьковъ, Украина)

Роль церковнославянскаго (старославянскаго) языка какъ одного изъ маркеровъ карпато-русскости[1]

Говоря о земляхъ Прикарпатской Руси, мы часто вспоминаемъ объ ихъ родствѣ съ другими областями Руси, о концепціи общерусскаго единства, существовавшей тамъ долго и цѣпко, вопреки крайне неблагопріятнымъ условіямъ. Начавъ говорить объ этомъ, невозможно обойти стороной очевидный вопросъ — какой же смыслъ вкладывали въ этихъ земляхъ въ понятіе «общерусское единство», какими мыслились его основныя скрѣпы. Въ настоящей короткой статьѣ я попытаюсь обратить вниманіе на вопросъ, который многіе изслѣдователи карпато-русскаго движенія зачастую обходятъ стороной, и, на мой взглядъ, несправедливо. Это вопросъ о литературной роли церковнославянскаго языка.

Распадъ политическаго единства древней Руси поставилъ вопросъ о сохраненіи хотя бы ея культурной и духовной общности, въ томъ числѣ на крайне западныхъ ея рубежахъ. Однимъ изъ факторовъ, ещё недостаточно оцѣнённыхъ въ современномъ обществѣ, былъ церковнославянскій языкъ и связанная съ нимъ литературная традиція.

Церковнославянскій языкъ не былъ кореннымъ языкомъ Руси — онъ былъ привнесёнъ изъ земель южныхъ славянъ и изначально имѣлъ замѣтныя структурныя отличія отъ древнерусскихъ говоровъ. Но, какъ языкъ церкви, онъ пріобрѣлъ значеніе сакральнаго языка — его отличность отъ разговорной рѣчи подчёркивала особый, высокій характеръ.

Эту же роль на протяженіи вѣковъ онъ игралъ и на крайне западныхъ рубежахъ Руси. Здѣсь есть существенный моментъ — церковнославянскій языкъ не былъ исключительнымъ продуктомъ русской цивилизаціи, конечно же — онъ игралъ не менѣе замѣтную

[1] Первая публикація осуществлена на сайтѣ «Западная Русь», въ настощемъ изданіи печатается въ дополненномъ видѣ.

роль на Балканахъ, среди южныхъ славянъ и, отчасти, даже румынъ. Но въ Галицкой, Угорской, а отчасти Волынской Руси онъ сыгралъ роль именно цивилизаціоннаго маркера. Западные славяне, хотя изначально знакомые съ церковнославянскимъ языкомъ, быстро отказались отъ него изъ-за стремительнаго распространенія католицизма. Роль «высокаго языка» въ Королевствѣ Польскомъ быстро пріобрѣлъ языкъ этой конфессіи — то есть латынь. Болѣе того, распространеніе латыни въ этой сферѣ было настолько широкимъ, что польскимъ культурнымъ дѣятелямъ XV вѣка пришлось бороться, отстаивая право писать на «высокія темы» на родномъ языкѣ. Немалая часть средневѣковой литературы Польши создана на латинскомъ языкѣ.

Это придало церковнославянскому языку неожиданную роль культурнаго маркера и какъ такового — одного изъ стержней русскости въ русскомъ Прикарпатьѣ, отчаянно пытавшемся выжить въ теченіе вѣковъ полонизаціи и окатоличиванія.

Сжатый объёмъ статьи не даётъ возможности сколь-нибудь подробно разсмотрѣть развитіе церковнославянской литературной традиціи, потому стоитъ остановиться лишь на свидѣтельствахъ эпохи ея пробужденія — XIX вѣкѣ.

Въ значительной мѣрѣ ополяченной и къ тому времени принявшей унію Галицкой Руси слабые ростки церковнославянскаго языка были тѣмъ маркеромъ, который указывалъ — эти земли не польскія, не католическія, не западнославянскія.

Потому первые «будители» края пытались не дать этимъ росткамъ зачахнуть. Показательна реакція на это. Въ біографіи священника Антонія Добрянскаго, написанной Богданомъ Дѣдицкимъ[2], описаны отвратительныя сцены нападокъ на преподаваніе церковнославянскаго языка въ стѣнахъ уніатской бурсы. Ополяченные русины изъ студентовъ подвергали преподавателей униженіямъ и физическому насилію, а самъ языкъ считался ими признакомъ «азіатчины», «Тартаріи», «схизмы». Очевидно, единственнымъ «азіатскимъ» моментомъ въ русскомъ изводѣ южнославянскаго языка было то, что онъ такъ или иначе указывалъ на духовную связь съ Московской и — шире — Державной Русью, которая не прерывалась многіе вѣка (и заслуживаетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія).

[2] Антоній Добрянскій, его жизнь и дѣятельность въ Галицкой Руси. Списалъ Богданъ А. Дѣдицкій. Накладомъ Общества имени Михаила Качковского, 1881.

Въ случаѣ съ Подкарпатьемъ, венгерскій языкъ и связанная съ нимъ культурная традиція была слишкомъ далека отъ русинскаго населенія и, несмотря на его ущемлённое положеніе, церковнославянскій языкъ довольно прочно сохранялся не только какъ культовый, но и какъ литературный языкъ. Какъ замѣтилъ въ своёмъ основномъ трудѣ лингвистъ и историкъ подкарпатской литературы Георгій Геровскій, традиція использованія церковнославянскаго языка была тамъ исключительно сильной, а самъ этотъ языкъ воспринимался какъ болѣе древняя, литературная, а значитъ — правильная форма мѣстнаго народнаго языка. Кстати, это же, хотя въ меньшей степени, касалось Галицкой Руси — по крайней мѣрѣ, наименованіе церковнославянскаго языка какъ «словено-россiй» было извѣстно и тамъ.

Первые «будители» Подкарпатья вообще считали церковнославянскій языкъ истокомъ всѣхъ русскихъ говоровъ и нарѣчій, а потому наиболѣе чистой и правильной формой, которую слѣдовало использовать какъ литературную. Среди поборниковъ этой точки зрѣнія были Андрей Бачинскій, Михаилъ Лучкай, Арсеній Коцакъ, Иванъ Фогорашій[3] — наиболѣе замѣтные представители подкарпатской интеллигенціи конца XVIII — первой четверти XIX вѣка. Связь съ Россіей и ея офиціальнымъ языкомъ, такимъ образомъ, выстраивалась вполнѣ закономѣрно. Печатная продукція, выходившая въ Москвѣ или иныхъ русскихъ центрахъ, доходила до прикарпатскихъ краёвъ нерегулярно, но даже и этого хватало, чтобъ мѣстный образованный классъ осознавалъ — русская литературная традиція во многомъ опирается на тотъ же церковнославянскій языкъ.

Любопытно, что реформа Ломоносова, приблизившая русскій литературный языкъ къ разговорному великорусскому, сначала не была понята нѣкоторыми дѣятелями Подкарпатской Руси — такъ, её критиковалъ Михаилъ Лучкай[4]. Но даже и реформированный русскій литературный языкъ содержалъ въ себѣ мощный пластъ церковнославянскихъ словъ и выраженій, родныхъ и понятныхъ на Подкарпатской Руси, имѣлъ сходную грамматику и этимологическое письмо, а потому его усвоеніе проходило срав-

---

[3] *Василій Гаджега.* Иванъ Фогорашій. 1927.

[4] *Георгій Геровскій.* Языкъ Подкарпатской Руси. Прага, 1934 (на чешскомъ языкѣ). Переизданіе: Москва, 1995 (на русскомъ языкѣ).

нительно легко, и онъ не воспринимался какъ языкъ чуждый. Тому примѣромъ служатъ многочисленныя произведенія авторовъ середины–конца XIX вѣка, языкъ которыхъ былъ достаточно близокъ къ русскому, хотя содержалъ и особенности мѣстныхъ народныхъ говоровъ (напримѣръ, творчество Александра Духновича, Ивана Сильвая, Александра Митрака и нѣкоторыхъ другихъ).

Постепенно пониманіе того, что церковнославянскій языкъ не можетъ быть современнымъ литературнымъ языкомъ изъ-за его архаичности и замѣтныхъ (прежде всего грамматическихъ) отличій отъ народнаго языка, приходило и къ литературнымъ дѣятелямъ Прикарпатской Руси.

Вѣрная червонорусской традиціи ихъ часть искала компромиссный варіантъ — наиболѣе полно онъ былъ изложенъ въ эпическомъ произведеніи Антонія Любича Могильницкаго «Скитъ Манявскій», а точнѣе, въ введеніи къ нему, гдѣ тотъ излагалъ свою точку зрѣнія на необходимость построенія литературнаго языка Прикарпатской Руси. Приведу цитату въ оригиналѣ:

Зъ дорогоцѣннои намъ Старословеѣщины <...> употребляю только тыи слова, котри часто и въ устахъ народа суть обыкновенни и зрозумѣли, хороню ся однакожь связей конструкційныхъ <...>. По мнѣнію моему Старословеѣщина въ отношенію къ бесѣдѣ просто народной есть то неизчерпаемый источникъ слôвъ чисто классическихъ, подобный богатому складови <...>, зъ котрогу руки вправного майстра, потребни и здôбни части доберати и ними будовли, пôдля новѣйшого вкуса внѣшній видъ и устроеніе надавати можетъ[5].

Далѣе Могильницкій сравнивалъ роль церковнославянскаго съ ролью древнегреческаго въ культурѣ современной ему Греціи — потерявъ функціи литературнаго языка изъ-за своей архаичности, онъ сохранилъ роль источника новыхъ словъ и понятій, литературнаго и духовнаго базиса, на которомъ развиваются новогреческіе языкъ и культура.

Важно отмѣтить здѣсь слѣдующій фактъ — Антонъ Любичъ Могильницкій, выросшій въ средѣ русиновъ, вѣками прожившихъ въ глубинѣ Рѣчи Посполитой, смотрѣлъ на взаимоотношенія

[5] *Могильницкій А. Л.* Скитъ Манявскій. Пѣснопѣніе епическое основане на повѣстехъ простонародныхъ русскихъ. Перемышль, 1852. С. XV–XVI.

Прикарпатской и Державной Руси неоднозначно. Онъ признавалъ общее происхожденіе карпаторусовъ и великорусовъ, однако считалъ, что языкъ послѣднихъ «подъ вліяніемъ окружающихъ его чудскихъ и финскихъ нарѣчій» уклонился настолько, что непонятенъ русинамъ. При этомъ, разрабатывая языкъ, основанный на литературныхъ традиціяхъ Прикарпатской Руси, онъ, по сути, своими руками опровергалъ собственныя построенія. Языкъ вступленія къ его «Скиту Манявскому» не тождественъ русскому литературному языку, но близокъ ему настолько, что любой носитель послѣдняго можетъ читать цѣлыми абзацами, лишь изрѣдка запинаясь на незнакомыхъ словахъ. Такимъ образомъ, строящійся на историческомъ и народномъ базисѣ языкъ Прикарпатья чётко демонстрировалъ своё близкое родство съ русскимъ литературнымъ языкомъ. Восходило это какъ и къ исключительно схожей (общей для восточныхъ, т. е. русскихъ, славянъ) грамматикѣ и морфологіи, — съ незначительными расхожденіями, такъ и на родствѣ огромной части словарнаго состава. Частично это опиралось на т. н. западнорусскій языкъ, офиціально использовавшійся въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и — спорадически — послѣ его растворенія въ Рѣчи Посполитой. Но во многомъ сохраняла общій лексическій базисъ и церковнославянская традиція.

Именно поэтому она была и продолжала оставаться объектомъ яростныхъ нападокъ всѣхъ враговъ русскаго единства. Къ нимъ относились не только польскіе и, въ меньшей мѣрѣ, венгерскіе шовинисты, но и особая часть мѣстнаго населенія. Рѣчь идётъ о той части уніатскаго населенія, которое удалось воспитать въ греко-католической традиціи съ упоромъ на вторую составляющую этого слова. Они подверглись сильному вліянію офиціальнаго австрійскаго образованія, усвоили господствовавшій въ Рѣчи Посполитой, а потомъ и въ имперіи Габсбурговъ взглядъ на Русскую государственность. Для нихъ это была «Москва, Азія, Тартарія», которая вызывала ненависть и желаніе любымъ образомъ отъ нея отгородиться. При этомъ показательно, что ненавистники ни единаго года не проживали въ этомъ государствѣ, и даже зачастую не видѣли въ глаза ни одного великороса.

Какъ не сложно догадаться, церковнославянская и связанная съ ней литературная традиціи рѣзали имъ глазъ, съ неизбѣжной очевидностью указывая, сколь много связей у исторической Галиціи

и Подкарпатья и съ Державной Русью вообще, и даже съ Москвой. По этой причинѣ они и начали полный демонтажъ этой традиціи.

Объёмъ статьи не позволяетъ прослѣдить этотъ процессъ въ деталяхъ. Но по факту произошло слѣдующее — церковнославянскій языкъ, послѣ «азіатчины», былъ объявленъ «мертвечиной», въ духѣ моднаго тогда народническаго націонализма была объявлена оріентація на «народный языкъ». Конечно, это было лукавство — мѣстные народные говоры, какъ и любой просторѣчный языкъ, не содержали отвлечённыхъ, абстрактныхъ терминовъ, для выраженія духовныхъ, гражданскихъ и иныхъ понятій. Значитъ, ихъ надо было гдѣ-то найти — и единственнымъ «донором» здѣсь выступилъ польскій языкъ, оставившій мощнѣйшій слѣдъ на всёмъ образованіи и народномъ духѣ Западной Руси. Въ создаваемый украинофилами литературный языкъ хлынули сотни полонизмовъ, причёмъ наиболѣе активно этотъ процессъ шёлъ въ критически важной составляющей любого языка — его «высокомъ слоѣ»[6].

При этомъ на Галичинѣ церковнославянскій языкъ, несмотря на опредѣлённый его престижъ въ глазахъ греко-католическаго духовенства, никогда не пользовался такимъ же широкимъ признаніемъ и не употреблялся такъ часто и привычно, какъ на Закарпатьѣ. Потому, когда украинофилы конца XIX вѣка начали кампанію по вытѣсненію изъ литературной рѣчи церковнославянизмовъ (названныхъ ими «мертвечиной»), имъ это въ большей или меньшей мѣрѣ удалось сдѣлать.

Анализируя причины, по которымъ украинская идея, строившаяся на воинственномъ отрицаніи любыхъ общерусскихъ корней, сравнительно быстро принялась на Галичинѣ, но имѣла (а отчасти и до сихъ поръ имѣетъ) куда болѣе слабыя позиціи на Закарпатьѣ/Подкарпатской Руси, не слѣдуетъ упускать изъ вниманія эту разную соціальную роль церковнославянскаго языка какъ одного изъ столповъ русскости. Этотъ вопросъ также слѣдуетъ держать въ памяти, разсматривая вопросъ о стремительномъ упадкѣ карпато-русской традиціи на Галичинѣ (въ меньшей степени — на Закарпатьѣ) въ періодъ между двумя міровыми войнами. **Вѣдь языковыя реформы раннихъ совѣтскихъ лѣтъ практически устранили церковнославянскій языкъ (а также этимологическое**

[6] Вопросъ, среди прочихъ, былъ изслѣдованъ выдающимся лингвистомъ Тимоѳеемъ Флоринскимъ. См.: *Флоринскій Т.Д.* Малорусскій языкъ и «українсько-руський» литературный сепаратизмъ. СПб., 1900.

правописаніе, важность котораго часто недооцѣнивается) изъ тогдашней русской культуры. «Плакатный» же языкъ Маяковскаго и совѣтскихъ газетъ былъ, очевидно, куда болѣе далёкъ отъ мѣстныхъ традицій, и пропаганда его какъ общерусскаго языка находила меньшій отзвукъ.

Результатомъ сталъ цивилизаціонный и культурный сдвигъ Прикарпатской, а слѣдомъ — и Украинской (Надднѣпровской) Руси въ сторону традиціи Рѣчи Посполитой. Итогъ мы видимъ сейчасъ собственными глазами — миѳологизированная исторія, культъ ненависти ко всему русскому, неспособность найти своё цивилизаціонное «я» и нападки на собственные литературные и просто культурные корни.

Владиславъ Владиміровичъ Николаенко
кандидатъ филологическихъ наукъ (Москва, Россія)

Какимъ будетъ русскій языкъ 2051 года?[1]

Пожалуй, единственное, что можно съ увѣренностью сказать о языкѣ середины XXI в., — что онъ будетъ разнымъ. Разрывъ между языкомъ разговорнымъ и литературнымъ, а также между рѣчью разныхъ слоёвъ общества, существующій и сейчасъ, станетъ замѣтнѣе. При этомъ развитіе разговорнаго языка предсказать проще — оно въ большей мѣрѣ зависитъ отъ собственныхъ внутреннихъ законовъ, чѣмъ пути языка литературнаго.

Уже давно идущее медленное исчезновеніе падежей продолжится. Всё больше случаевъ, въ которыхъ не слишкомъ образованные люди дѣлаютъ ошибки («согласно приказа»). Въ теченіе XX в. въ живомъ языкѣ перестали склоняться числительныя, географическія названія вродѣ «Бородино» и фамиліи вродѣ моей. Въ XXI, вѣроятно, то же случится съ нѣкоторыми прилагательными.

Этотъ процессъ подготовленъ уже сегодня. Изъ англійскаго нахлынула волна несклоняемыхъ опредѣленій (типа «рокъ-музыкантъ», «панкъ-тусовка»). Къ нимъ подравниваются унаслѣдованныя отъ совѣтской эпохи сокращенія («стройплощадка», «піонерлагерь»). Похоже, скоро такъ же начнутъ себя вести и другія слова — мы услышимъ что-нибудь вродѣ «солдатъ-паёкъ», «инженеръ-образованіе», а то и (если это затронетъ и литературный языкъ) «депутатъ-комиссія» и «президентъ-правленіе».

Ещё одна черта современной рѣчи, у которой большое будущее, — то, что нашему современнику почему-то проще сказать не «серьёзно», а «по-серьёзному». Фраза: «Сдѣлай по-хорошему» — въ наше время рѣдко подразумѣваетъ: «А иначе заставимъ» — чаще она просто значитъ: «Сдѣлай хорошо». Похоже, скоро нарѣчія на *-о* будутъ восприниматься какъ манерность, а говорить будутъ такъ: «Вернусь по-скорому», «Купилъ по-дешёвому».

Когда-то Корнѣй Чуковскій, мужественно отстаивавшій чистоту русской рѣчи, сказалъ съ полушутливымъ отчаяніемъ:

[1] Первая публикація осуществлена въ 2001 году.

«Я понимаю, что всё равно скоро всѣ будутъ говорить “шо́феръ” и “ло́жить”. Но партія учитъ насъ, что новое должно рождаться въ борьбѣ со старымъ. Вотъ я и есть это старое». Мы знаемъ, что отчаивался онъ напрасно: на его сторонѣ выступили газеты, радіо и школа (помните тетрадки, у которыхъ на оборотѣ было: «Правильно ставь удареніе!» — и списки словъ?), поэтому ни «шо́феръ», ни «ло́жить» не стали нормой — больше того, даже и ошибку такую рѣдко услышишь. А тѣ ошибки, которыя такого отпора не встрѣтили («одѣть пальто», «пара пустяковъ», «чёрное кофе»), стали (или становятся) нормой. То же будетъ происходить и въ дальнѣйшемъ. Трудно сказать, удастся ли, напримѣръ, объяснить всѣмъ, гдѣ удареніе въ словѣ «звони́тъ» и что значитъ слово «изувѣръ», — но ясно, что часть тѣхъ ошибокъ, что сегодня ещё рѣжутъ слухъ, черезъ полвѣка просто перестанутъ замѣчаться.

На каждомъ очередномъ рубежѣ вѣковъ, начиная, по крайней мѣрѣ, съ Петра Великаго, русскій языкъ переживаетъ кризисъ. Не справляясь съ новизной обстановки, онъ жадно хватаетъ слова изъ языковъ болѣе «современныхъ» сосѣдей. Не справляясь съ нуждами общества, пытается опереться на жаргоны. Привычныя нормы перестаютъ дѣйствовать. Пуристы затыкаютъ уши и бросаются перечитывать классиковъ, пародисты потѣшаются, учителя бьютъ тревогу. Къ серединѣ вѣка (а то и ранѣе) равновѣсіе возстанавливается. Заимствованія и жаргонизмы частью вытѣсняются изъ обихода, частью усваиваются языкомъ, занимаютъ свои ниши и уже не кажутся опасными и вредными. Языковой хаосъ начала вѣка вспоминаютъ лишь въ насмѣшку. Отъ послѣпетровской разноголосицы въ памяти остались курьёзы вродѣ «на фрыштикѣ въ пятьдесятъ кувертовъ при бытности многихъ отмѣнно важныхъ особъ…». Отъ начала XIX в. — «трогательный предметъ состраданія, коего задумчивая физіономія означала гипохондрію». Отъ начала XX — «энегрично фукцировать» и «замкомъ помордѣ»*.

Но языковая нормализація не происходитъ сама собою — она всегда есть плодъ усилій того общественнаго слоя, который осознаётъ себя хранителемъ культуры. И въ XXI вѣкѣ, похоже, впервые эту роль предстоитъ взять на себя не писателямъ, а учителямъ и журналистамъ. А это значитъ, что судьба литературнаго языка

* Замѣститель командующаго по морскимъ дѣламъ. — *Прим. издателя.*

будетъ зависѣть не столько отъ культурной, сколько отъ политической ситуаціи: и школа, и пресса зависятъ отъ нея существенно больше, чѣмъ литература. Поэтому развитіе литературнаго языка можетъ пойти разными путями.

Варіантъ первый. Длится, въ общемъ и въ цѣломъ, та же ситуація, что и теперь. Ни соціальной, ни экономической стабилизаціи не происходитъ, ни одинъ общественный слой не пользуется авторитетомъ. Политическая элита разношёрстна. Россія по-прежнему ощущаетъ собственную второсортность передъ Западомъ. Языковая политика отсутствуетъ, если не считать реформы орѳографіи, которая возведётъ въ норму ошибки вчерашнихъ двоечниковъ.

На это интеллигенція, въ особенности та ея часть, которая не можетъ или не хочетъ научиться играть по навязываемымъ правиламъ, скорѣе всего отреагируетъ всплескомъ пуризма. Такъ было съ послѣдними наслѣдниками римской культуры въ варварской Европѣ: «Такъ какъ нынѣ порушены всѣ ступени, отдѣлявшія нѣкогда высокость отъ низкости, то единственнымъ знакомъ благородства скоро останется владѣніе словесностью», — писалъ одинъ изъ нихъ. Языкъ станетъ знакомъ принадлежности къ сообществу: «своего» будутъ опознавать по тому, знаетъ ли онъ значеніе слова «довлѣть». Появится стремленіе отдѣлить свой языкъ отъ разговорной рѣчи, приблизившись къ классическому литературному языку XIX в., а также насыщая рѣчь цитатами и иноязычными (не-англійскими) фразами. Такой стиль существуетъ и сейчасъ (достаточно указать хотя бы на М. Соколова), но пока у нашей интеллигенціи въ цѣломъ демократическія настроенія преобладаютъ надъ элитарными и не даютъ ему стать нормой.

А просторѣчіе, въ свою очередь, раздвоится на англизированный жаргонъ (у тѣхъ, кому доступны Интернетъ и поѣздки за границу) и приблатнённый жаргонъ (у всѣхъ прочихъ) — съ переходными варіантами. При звукахъ этого живого языка интеллигенты будутъ морщиться и цѣдить сквозь зубы: «Русскаго языка надо знать!»

Варіантъ второй. Вновь воцарится жёсткая идеологія. (Это, кстати, необязательно значитъ «диктатура»: «политкорректность» американскаго образца — тоже идеологія, и не менѣе жёсткая, чѣмъ коммунизмъ или фашизмъ, хотя и обходится безъ диктатуры.) Тутъ подробности всякому ясны — мы это уже проходили…

Какъ и любая идеологія, она начнётъ создавать собственный словарь. Вѣрнѣе, даже два — словарь обязательныхъ заклинаній и словарь запрещённыхъ выраженій. Нарушители языкового спокойствія подвергаются моральному или физическому разстрѣлу.

Третій варіантъ. Россія такъ или иначе обрѣтётъ чувство собственнаго достоинства, слово «патріотизмъ» перестанетъ быть ругательнымъ. Сформируется общественный слой, поставляющій политическую и культурную элиту; рѣчь его представителей будетъ восприниматься какъ норма, и подражать ей будетъ престижно. Нѣкоторыя банальныя истины станутъ общепринятыми: напримѣръ, что политическій дѣятель долженъ имѣть не только дипломъ, но и образованіе, что въ парламентѣ нельзя ругаться матомъ и устраивать потасовки, что дикторъ телевидѣнія долженъ знать русскій языкъ и т. п. Тогда среди нихъ окажется и слѣдующій трюизмъ: «Культура языка есть часть національной культуры, и она тоже нуждается въ сохраненіи и защитѣ».

Въ этомъ случаѣ мы получимъ ситуацію, близкую къ той, что существуетъ во Франціи — съ телевикторинами, гдѣ будутъ спрашивать, какъ звучитъ 2-е лицо множественнаго числа отъ глагола «быть» и какъ образовать дѣепричастіе отъ «писать». Употреблять англійское слово, если его можно замѣнить русскимъ, станетъ дурнымъ тономъ. Жаргоны, конечно, не исчезнутъ — но они будутъ именно жаргонами, и ихъ смѣшеніе съ литературнымъ языкомъ прекратится. Конечно, многое изъ того, что вошло въ обиходъ за послѣднія полтора десятилѣтія, останется — но будетъ наведёнъ какой-то порядокъ. И неважно, удержатся ли «брэндъ» и «подставить» (вмѣсто «подвести»), а «бутикъ» и «по жизни» (вмѣсто «по натурѣ») забудутся, или случится наоборотъ, — главное, что говорящій будетъ знать: «такъ — можно, а такъ — нехорошо».

А вообще — имѣйте въ виду: какимъ бы ни сталъ русскій языкъ, онъ будетъ хуже теперешняго. Идеалъ языка всегда лежитъ въ прошломъ, и любыя измѣненія всегда кажутся порчей.

По дорогѣ[1]

Въ 2001 году я написалъ статью «Какимъ будетъ русскій языкъ 2051 года?» — пытаясь заглянуть на полвѣка вперёдъ. Минуло около четверти отмѣряннаго срока, — уже можно прикинуть, насколько точны оказались прогнозы, и добавить нѣкоторыя наблюденія о языкѣ современномъ.

«Пожалуй, единственное, что можно съ увѣренностью сказать о языкѣ середины XXI в., — что онъ будетъ разнымъ. Разрывъ между языкомъ разговорнымъ и литературнымъ, а также между рѣчью разныхъ слоёвъ общества, существующій и сейчасъ, станетъ замѣтнѣе», — писалъ я тогда. Первое сбылось: разговорный языкъ всё дальше отходитъ отъ литературнаго. Сбылось ли второе, не возьмусь судить: слои общества стало выдѣлять труднѣе, — во всякомъ случаѣ, мнѣ, «пришельцу изъ прошлаго».

Двѣ слѣдующихъ черты — распространеніе несклоняемыхъ прилагательныхъ и нарѣчій на «по-» — увидѣны, сколько я могу судить, вѣрно. Въ 1960-хъ въ Москвѣ дѣйствовало «джазовое кафе “Синяя птица”», — сегодня оно, несомнѣнно, было бы *джазъ*-: никого не удивляетъ и никому не рѣжетъ слухъ даже «бардъ-кафе» (и даже «кунфу-панда»). А нарѣчіе «по-скорому» я услышалъ всего черезъ годъ или два послѣ написанія статьи, гдѣ оно фигурировало какъ придуманный примѣръ. Почувствуйте себя Леверье.

Кстати, ещё одно родственное явленіе того же плана — экспансія мѣстоименій на *-то* за счётъ ихъ собратьевъ на *-либо* и *-нибудь*. «Мы что-то придумаемъ», «не вздумай что-то ляпнуть», «быстрѣе, чѣмъ кто-то»…

Дальше я перечислилъ три основныхъ варіанта, по которымъ можетъ пойти развитіе литературнаго языка. Изъ нихъ пока дѣйствительность больше напоминаетъ первый: «Ни соціальной, ни экономической стабилизаціи не происходитъ, ни одинъ общественный слой не пользуется авторитетомъ. Политическая элита разношёрстна. Россія по-прежнему ощущаетъ собственную второсортность передъ Западомъ. Языковая политика отсутствуетъ, если не считать реформы орѳографіи, которая возведётъ въ норму ошибки вчерашнихъ двоечниковъ.

[1] Публикуется впервые.

«На это интеллигенція, въ особенности та ея часть, которая не можетъ или не хочетъ научиться играть по навязываемымъ правиламъ, скорѣе всего отреагируетъ всплескомъ пуризма… Языкъ станетъ знакомъ принадлежности къ сообществу: “своего” будутъ опознавать по тому, знаетъ ли онъ значеніе слова “довлѣть”. Появится стремленіе отдѣлить свой языкъ отъ разговорной рѣчи, приблизившись къ классическому литературному языку XIX в., а также насыщая рѣчь цитатами и иноязычными (не-англійскими) фразами».

Здѣсь, конечно, нужны оговорки. Прежде всего, интеллигенція какъ «слой общества» перестала существовать. Людей, которыхъ мы по привычкѣ назвали бы интеллигентами, по-прежнему много, но никакой единой среды они больше не образуютъ.

Часть изъ нихъ, однако, на безъязычіе современности отреагировала имянно такъ: «стремленіемъ отдѣлить свой языкъ отъ разговорной рѣчи, приблизившись къ классическому литературному языку XIX в.». Собственно, использованіе русской орѳографіи — тоже одинъ изъ способовъ такого отдѣленія.

Слѣдующій прогнозъ — «а просторѣчіе, въ свою очередь, раздвоится на англизированный жаргонъ (у тѣхъ, кому доступны Интернетъ и поѣздки за границу) и приблатнённый жаргонъ (у всѣхъ прочихъ)» — оказался, пожалуй, наименѣе точенъ. Я не предвидѣлъ быстраго и повальнаго распространенія Интернета — и, соотвѣтственно, связанныхъ съ нимъ американизмовъ. Въ итогѣ просторѣчіе оказалось довольно однороднымъ, легко вбирая и заимствованія, и слова изъ «блатной музыки», и, добавимъ, канцелярскія конструкціи.

Объ этихъ конструкціяхъ придётся сказать нѣсколько словъ — въ жанрѣ руководствъ вродѣ «Ne dites pas».

Первая эпидемія, совершенно повальная, захлестнувшая не только письменный, но и живой языкъ, — конструкція съ мѣстоименіемъ «то» при глаголахъ, которые его не требуютъ. «Заявить о томъ, что», «увѣренъ въ томъ, что», «предложеніе о томъ, чтобы», «настаивать на томъ, что» etc., etc. ad inf. Бóльшая ихъ часть встрѣчается издавна, но сейчасъ происходитъ рѣшительная экспансія: конструкцію безъ этого «то» уже днёмъ съ огнёмъ не сыщешь.

Вторая эпидемія — пассивъ. Опять же — существуетъ онъ испоконъ вѣковъ и его употребленіе бываетъ умѣстно, но если полвѣка назадъ всѣ понимали, что «домъ строится рабочими» —

грамматически вѣрно, но стилистически скверно, то сегодня это пониманіе если не вовсе утрачено, то быстро уходитъ (подъ двойнымъ вліяніемъ: канцелярщины и американскаго языка).

Третья — «процессъ» и «фактъ». Слова сами по себѣ невинныя, но употребляются они нынче такъ: «процессъ прозрѣнія можетъ затянуться», «въ процессѣ поиска нужной программы», «не отмѣняетъ того факта, что…», «учитывая тотъ фактъ, что…» и т. п.

Распространены и ещё нѣсколько такихъ тавтологическихъ конструкцій: «для того, чтобы», «только лишь», «въ томъ случаѣ, если»…

Русскую рѣчь ломаютъ по шаблонамъ плохого англійскаго языка. Отсюда безобразныя заимствованія (вродѣ «лукъ» въ смыслѣ ‘одежда, манера одѣваться, внѣшній видъ’), отсюда всё болѣе частое «какой-то», изъ котораго пытаются сдѣлать неопредѣлённый артикль, отсюда пассивъ, въ которомъ даже видны попытки согласованія времёнъ, отсюда обороты вродѣ «самыя важныя фэшнъ основы»…

Добавимъ, что благодаря этой модѣ на всё американское по-русски возникаетъ и нѣчто вродѣ политкорректнаго словаря: «афроамериканецъ» встрѣчается чаще «негра», «геи» и невозможное «ЛГБТ» проникаютъ даже въ разговорный языкъ, — развѣ только цыганъ пока не зовутъ «рома». Къ счастью, у насъ, въ отличіе отъ англосаксонскихъ странъ, всѣ эти слова не подкрѣплены идеологіей, опирающейся на силу, — потому, скажемъ, «гей» уже перенимаетъ всѣ обертоны слова «педерастъ».

Кромѣ того, плохая современная рѣчь, какъ и любая плохая рѣчь, путаетъ слова, близкія либо по звучанію, либо по значенію. Къ «довлѣть», производимому отъ «давить», и къ «столпотворенію» отъ «толпы» добавилось «апробировать» отъ «опробовать». «Признаться» не отличаютъ отъ «признать». «Достаточно» сплошь и рядомъ употребляютъ тамъ, гдѣ ещё недавно могло стоять только «довольно». «Критично» путаютъ съ «критически». «Традиціонно» не отличаютъ отъ «обычно» — и такихъ примѣровъ десятки.

Въ цѣломъ же создаётся впечатлѣніе, что русскія слова больше «не держатъ» больше одного элемента значенія. Это мы уже видѣли со словомъ «процессъ»: если «основное» существительное подразумѣваетъ протяжённость во времени, этотъ смыслъ выносится въ отдѣльное слово. Точно такъ же субстантивированныя

прилагательныя «не держатъ» субстантивности и дополняются «пустымъ» существительнымъ: не «русскіе», а «русскіе люди», не «умирающій», а «умирающій человѣкъ» и т. п.

Если собрать всѣ эти черты воедино (что, по счастью, пока что рѣдкость), мы получимъ нѣчто вродѣ латыни времёнъ Григорія Турскаго — съ ея путаницей падежныхъ окончаній, невѣрнымъ употребленіемъ союзовъ, подмѣнами подлежащихъ посерединѣ предложенія, торчащими въ разныя стороны обособленными оборотами и прочими чертами, указывающими на распадъ «сильной въ выраженіяхъ краткости» классическаго языка.

Ирина Александровна Трушина
кандидатъ философскихъ наукъ, доцентъ каѳедры культурологіи и русскаго языка Сѣверо-Западнаго института управленія Россійской академіи народнаго хозяйства и государственной службы при Президентѣ Россійской Федераціи (Санктъ-Петербургъ, Россія)

Церковнославянскій языкъ какъ факторъ національной безопасности славянскихъ народовъ[1]

> А связь Церковно-Славянскаго нарѣчія съ нашимъ языкомъ есть живая, непрерывная, проникающая всю нашу исторію и нимало не ослабѣвшая до настоящихъ дней: его звуки и теперь первые принимаютъ каждаго русскаго, вступающаго въ свѣтъ Божій, они же раздаются и послѣдніе надъ нимъ, съ прекращеніемъ земного существованія.
>
> *П. А. Лавровскій*

Культура каждаго славянскаго народа имѣетъ своё неповторимое національное своеобразіе, но всѣхъ ихъ связываетъ воедино церковнославянскій языкъ и созданное на его основѣ единое пространство христіанской славянской культуры. Отказаться отъ его употребленія, сбереженія, его прославленія — значитъ предать дѣло святыхъ равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, отречься отъ своей вѣры и отъ своего народа.

О дѣятельности просвѣтителей изъ Солуни написаны тома изслѣдованій, но и сегодня поражаетъ ихъ колоссальный трудъ, въ результатѣ котораго, во-первыхъ, возникъ новый церковнославянскій языкъ, имѣющій много общаго со славянскими языками, однако и значительно отличающійся отъ нихъ, а вмѣстѣ съ нимъ — духовная и лингвистическая традиція, которая осталась жизнеспособной и черезъ тысячелѣтіе послѣ ихъ смерти. Новый церковнославянскій языкъ возникъ въ связи съ потребностью христіанской религіи въ болѣе точной передачѣ ея сакральныхъ

[1] Публикуется впервые.

смысловъ вновь обращённымъ славянскимъ народамъ, смысловъ новыхъ, не существовавшихъ ранѣе. Это могъ обезпечить только новый видъ алфавитнаго письма. Не случайно первыми трудами братьевъ становятся новая азбука и переводъ Евангелія отъ Іоанна. Въ обращеніе было введено огромное количество словъ, отсутствовавшихъ въ живыхъ нарѣчіяхъ. Они образовали новыя значенія, которыя отражали тотъ уровень новой культуры и духовнаго содержанія, который пришёлъ съ переводомъ христіанской литературы. Зафиксированный при помощи новой письменности, соотвѣтствующей ему, и религіозной канонизаціи, этотъ языкъ на долгіе вѣка сталъ неизмѣннымъ эталономъ выраженія христіанской духовности. Вотъ что пишется въ «Похвальномъ словѣ Кириллу и Меѳодію», написанномъ вскорѣ послѣ кончины послѣдняго: «…того же слова были проповѣдники и новые апостолы, не на чужомъ основаніи дѣло своё поставивъ, но новыя письмена создали и записали на новомъ языкѣ…» [3]. Это направленіе ихъ дѣятельности для нашихъ современниковъ наиболѣе труднопонимаемо и оцѣнено недостаточно. А вѣдь безъ этого языка не обошлась въ своёмъ становленіи ни одна современная славянская литература, въ томъ числѣ и великая русская. «Церковнославянскій языкъ приходилъ вмѣстѣ съ русскимъ литературнымъ языкомъ, отъ котораго онъ искусственно былъ отторгнутъ лишь въ совѣтское время. Изученіе русской словесности предполагало обращеніе ко всѣмъ ея составляющимъ, а церковнославянскій языкъ на Руси со времёнъ святого Владиміра (а можетъ быть, и ранѣе) былъ однимъ изъ основныхъ компонентовъ культурно-языковой ситуаціи» [1].

Благодаря дѣятельности святыхъ Кирилла и Меѳодія уже черезъ нѣсколько лѣтъ на церковнославянскій языкъ были переведены съ греческаго книги Священнаго Писанія, патристика, философскія ученія. Въ процессѣ перевода создавались средства передачи абстрактныхъ понятій, вырабатывалась славянская религіозно-философская и политическая терминологія. «Языкъ книгъ Священнаго Писанія и сочиненій отцовъ церкви сталъ тѣмъ образцомъ, на который оріентировались славянскіе (въ томъ числѣ древнерусскіе) писатели, создававшіе произведенія на церковнославянскомъ языкѣ. Многіе изъ этихъ сочиненій не могутъ быть до конца поняты безъ знанія библейско-канонической литературы и твореній Отцовъ Церкви» [6].

А вѣдь для этой дѣятельности святому Кириллу было отпущено всего шесть лѣтъ. Въ первыхъ мѣсяцахъ 863 года началась «моравская миссія» Кирилла (до принятія схимы — Константина Философа) и Меѳодія, а уже въ 869 г. Кириллъ былъ вызванъ въ Римъ, гдѣ черезъ два мѣсяца, 14 февраля, принявъ схиму и новое монашеское имя Кириллъ, скончался. Но за эти шесть лѣтъ съ помощью азбуки, по агіографическому преданію «открытой» Константину Самимъ Богомъ, сдѣланы переводы Евангелія и Псалтыри, основныхъ служебныхъ церковныхъ книгъ, подготовлены ученики, организована служба на церковнославянскомъ языкѣ, освящены книги и рукоположены въ священническій санъ нѣкоторые изъ учениковъ въ самомъ Римѣ, получено благословеніе отъ папы на дѣло славянскаго просвѣщенія.

Дѣло равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія продолжили ихъ славянскіе братья. Судьба ихъ не была простой. Всѣ ученики подверглись гоненіямъ, многіе были заключены въ тюрьмы, проданы въ рабство, книги съ первыми переводами Кирилла и Меѳодія были изъяты и сожжены. И даже послѣ канонизаціи братьевъ Римомъ не прекратилось преслѣдованіе церковнославянскаго языка, продолжающееся и по сей день.

Церковнославянскій языкъ былъ данъ славянскимъ народамъ прежде всего какъ средство общенія съ Богомъ. Въ этомъ своёмъ качествѣ онъ пережилъ 1200-лѣтнюю исторію и сохраняется какъ единственный живой сакральный языкъ и по сей день. Затѣмъ его функціи были расширены. Уже съ XI вѣка богослужебный языкъ сталъ языкомъ высокой книжности и вплоть до XVIII вѣка оставался языкомъ науки, литературы, юридической письменности.

Такимъ образомъ, древній церковнославянскій языкъ былъ не только богослужебнымъ языкомъ, но обладалъ и такимъ важнымъ свойствомъ языка, какъ многофункціональностью, такъ какъ окормлялъ государственную и моральную стороны жизни славянскихъ народовъ, давая имъ необходимое духовное измѣреніе.

Утрата церковнославянскаго языка чревата угрозой потери славянскими народами національнаго самосознанія, воспитаннаго религіей предковъ. Не случайно церковнославянскій языкъ часто служилъ знаменемъ борьбы за восточнославянскую духовную культуру. Если человѣкъ владѣетъ языкомъ своей духовной культуры, способенъ читать и понимать тексты прошлыхъ поколѣній — онъ спо-

собенъ воспринять и посланія, заключённыя въ нихъ. Только такъ можетъ быть реально возстановлена живая связь поколѣній, въ которой заключается національная мощь народа, государства и отдѣльной личности. Этотъ смыслъ очень хорошо понимаютъ въ большинствѣ странъ, создавшихъ систему защиты своей національной святыни. Интересенъ опытъ Франціи, Италіи, Польши, Турціи и, особенно, Израиля — государства, которое началось въ томъ числѣ и съ усилій одного энтузіаста по возрожденію языка древнихъ іудеевъ — иврита въ качествѣ разговорнаго. За 1800 лѣтъ ивритъ практически вышелъ изъ употребленія и сталъ только языкомъ богослуженій. А вотъ благодаря возрожденію языка и появилось государство Израиль, ибо «буквы святого языка — это не просто символы, обозначающіе звуки. Эти буквы подобны элементамъ, изъ которыхъ слагается весь матеріальный міръ, онѣ — “колесницы”, “перевозчики” Божественной энергіи, и каждая изъ нихъ несётъ свой особый энергетическій зарядъ… Упадокъ интереса къ языку чреватъ для народа самыми пагубными послѣдствіями» [7].

А вотъ у насъ такой защиты для нашего сакральнаго языка нѣтъ, и мы даже не ставимъ вопросъ объ опасности, которая можетъ намъ грозить въ случаѣ утраты связи со своими языковыми корнями, которая послѣдуетъ за безконечными реформами, то выбрасывающими изъ употребленія буквы русскаго языка, то мѣняющаго его грамматику. И не обязательно углубляться въ мистику, чтобы понять — изъятіе буквъ изъ алфавита въ языкѣ можетъ привести къ измѣненію базовыхъ свойствъ въ носителяхъ даннаго языка, въ народѣ.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не изслѣдованы и не оцѣнены для русскаго языка и литературы губительныя послѣдствія реформъ 1917–1920 гг., когда изъ алфавита было выброшено 4 буквы и онъ былъ отторгнутъ отъ своего корня — церковнославянскаго языка. Выдающійся русскій философъ XX вѣка И. Ильинъ писалъ: «Правописаніе имѣетъ свои историческія, конкретныя и въ то же время философическія и національныя основы. Поэтому оно не подлежитъ произвольному слому, но лишь осторожному, обоснованному преобразованію, совершенствованію, а не разрушенію» [4]. Но именно такому слому и разрушенію подвергся русскій языкъ въ XX вѣкѣ: произошла катастрофа, масштабы которой мы пока слишкомъ слабо осознаёмъ. Съ помощью новой орѳографіи безбожная

власть противопоставила революціонную культуру «старой», лукаво отлучивъ «массы» отъ дореволюціонной духовности, культуры, національной традиціи, измѣнивъ подлинные смыслы русской литературы XIX в. Современныя изданія по-прежнему противорѣчатъ авторскому смыслу русской классики, искажаютъ авторскіе тексты, самъ ихъ духъ. «Главное моё возраженіе», — писалъ А. Блокъ, — «что она [новая орѳографія] относится къ техникѣ творчества, въ которую государство не должно вмѣшиваться. Старыхъ писателей, которые пользовались ятями какъ однимъ изъ средствъ для выраженія своего творчества, надо издавать со старой орѳографіей» [2]. Мы даже не задумываемся надъ тѣмъ, что читаемъ, казалось бы, свою родную русскую литературу Пушкина, Гоголя, Достоевскаго, Толстого, Лѣскова и многихъ другихъ, кто писалъ на «старомъ» русскомъ языкѣ, въ грубомъ и циничномъ переводѣ, при которомъ теряются смысловыя и нравственныя значенія.

О нравственномъ потенціалѣ церковнославянскаго языка, который онъ несётъ въ себѣ, свидѣтельствуетъ множество фактовъ, на это неоднократно указывали русскіе писатели и такіе филологи, какъ А. С. Шишковъ, В. И. Даль, Д. С. Лихачёвъ и многіе другіе. Изначально для славянскихъ народовъ новая письменность, литература, «ученіе книжное» имѣли единственную цѣль — передать божественный свѣтъ ученія Христа, его духовную сущность, нравственныя основанія жизни обновлённаго крещеніемъ народа. Къ сожалѣнію, сегодня же эти слагаемыя древняго понятія «просвѣщеніе» оказались насильственно расторгнуты, смыслы подмѣнены нерѣдко противоположными по значенію.

Внѣ церковнославянскаго языка заглушено ощущеніе религіозныхъ основъ жизни, разрушаются жизненныя связи съ родной землёй, предками и другъ съ другомъ. Только черезъ постиженіе историческихъ основъ своего языка, культуры и возможно возвращеніе исторической памяти, которая поможетъ возстановить разорванное сознаніе, идентифицировать себя, свою личность. Черезъ возрожденіе подлиннаго русскаго языка, его духовнаго измѣренія возможно и возрожденіе русской національной идеи. И это начало — творческое движеніе къ собственнымъ духовнымъ истокамъ — необходимо культивировать въ молодомъ поколѣніи. Наши предки сохранили себя въ нашей культурѣ, сакральномъ церковнославянскомъ языкѣ, переданномъ славянамъ свв. Кирилломъ

и Меѳодіемъ, и сегодня незримо сквозь вѣка протягиваютъ намъ руку помощи; но, чтобы принять эту помощь, нужно понимать языкъ, на которомъ они говорили.

Литература

1. *Панинъ Л. Г.* Церковнославянскій языкъ и русская словесность [Электронный ресурсъ]. — Режимъ доступа: http://www.slavdict.narod.ru/art02.htm.

2. *Блокъ А. А.* Собр. соч.: Въ 8 т. — Т. 7. — М.; Л., 1963. — С. 319.

3. Сказанія о началѣ славянской письменности. — М.: Наука, 1981. — С. 31.

4. *Ильинъ И. А.* Какъ же это случилось? (Заключительное слово о русскомъ національномъ правописаніи) // Собр. соч.: Въ 10 т. — Т. 2. — Кн. II. — М., 1993. — С. 150.

5. *Камчатновъ А.* Сакральный славянскій языкъ въ Церкви и культурѣ [Электронный ресурсъ]. — Режимъ доступа: www.pravoslavie.ru/smi/44289.htm.

6. *Успенскій Б. А.* Исторія русскаго литературнаго языка (XI–XVII вв.). — München, 1987. — С. 55–56.

7. *Хвыля-Олинтеръ А. И., свящ., к. ю. н.* Духовно-религіозныя основанія національной безопасности Россіи. — М.: Академія управленія МВД РФ, 2012.

Константинъ Николаевичъ
и Владиміръ Николаевичъ Ходаковскіе
журналисты, изслѣдователи-краевѣды (Керчь, Россія)

Трудности въ дѣлѣ возвращенія дореформенной орѳографіи[1]

Революція 1917 года потрясла всѣ сферы русской жизни, трудно назвать область, которая не понесла бы значительнаго урона. Катастрофическія послѣдствія слома традицій и прекращенія поступательнаго развитія въ пользу разрушительныхъ преобразованій до сихъ поръ оказываютъ губительное вліяніе на жизнь нашей страны. Поэтому необходимо хотя бы осмыслить масштабы потерь, чтобы начать созидательную работу по возвращенію всѣхъ существенныхъ утратъ.

Къ таковымъ, несомнѣнно, слѣдуетъ отнести и дореформенную русскую орѳографію. Письмо отличалось бóльшимъ разнообразіемъ и эстетической привлекательностью благодаря четырёмъ упразднённымъ буквамъ — а если прибавить и «ё», неправомѣрно игнорируемую почти во всѣхъ современныхъ печатныхъ текстахъ, — то и всѣми пятью. Несмотря на то, что буква «ё» сохраняется въ алфавитѣ, изъ-за ея упорнаго игнорированія устоялись неправильныя прочтенія даже такихъ извѣстныхъ имёнъ, какъ Лёвъ Толстой[2], герцогъ де Ришельё, Германъ Гёрингъ, Йозефъ Гёббельсъ, Жераръ Депардьё и такъ далѣе[3]. Нерѣдко отсутствіе «ё» приводитъ къ неправильной передачѣ смысла на письмѣ. А вѣдь упраздненіе одной буквы «ѣ» повлекло за собой гораздо болѣе существенное обѣднѣніе русскаго письма: смѣшеніе корней, склоненій, размытіе этимологіи. А упраздненіе нѣкоторыхъ правилъ окончаній отразилось на смѣшеніи родовъ.

Реформа совершалась якобы съ цѣлью упрощенія освоенія грамматики, но на дѣлѣ объёмъ упразднённыхъ нормъ въ общемъ

[1] Публикуется впервые.

[2] Имя Льва Толстого читалось двояко: Лёвъ и Левъ.

[3] Въ нѣкоторыя имена прочно вошло «е»: такъ, Аѳанасій Фётъ сталъ Фетомъ вслѣдствіе неправильной записи своей фамиліи.

сводѣ правилъ русскаго языка крайне невеликъ и не носитъ принципіальнаго характера съ точки зрѣнія облегченія обученія. При этомъ объёмъ языковыхъ потерь оказался колоссальнымъ. По большому счёту для большевиковъ, какъ ненавистниковъ православной Россіи, реформа служила идеологическимъ цѣлямъ, олицетворяя разрывъ съ традиціей, съ церковнославянскимъ языкомъ, объединяющимъ исторію и народы, символизировала приходъ новой эпохи, что находило отраженіе въ любомъ письменномъ текстѣ. Достаточно было лишь взглянуть на слова, чтобы понять, изъ какого они времени. Одновременно большевики создавали бѣлорусскій и украинскій языки на основѣ соотвѣтствующихъ нарѣчій, а реформа русскаго служила цѣлямъ дополнительнаго раздѣленія.

Кстати, это не самый худшій примѣръ идейнаго фанатизма: католическая церковь лишила западныхъ славянъ своего удобнаго и адаптированнаго подъ рѣчь кириллическаго письма, замѣнивъ его «священной» латиницей. Въ результатѣ, напримѣръ, обычные славянскіе звуки, прежде всего шипящіе, въ польскомъ языкѣ (одномъ изъ самыхъ шипящихъ) отражаются сразу нѣсколькими знаками. Достаточно сказать, что кириллической буквѣ «щ» соотвѣтствуетъ написаніе «szcz».

Причёмъ этотъ негативный процессъ латинизаціи живъ до сихъ поръ. Подобное происходитъ въ регіонахъ бывшей Югославіи, гдѣ съ цѣлію политическаго и культурнаго размежеванія народа независимыми правительствами создаются новые языки на основѣ сербскаго, въ томъ числѣ съ латинской письменностью. Эти неестественныя тенденціи проявляются настолько выпукло, что появился даже терминъ «балканизація», хотя онъ относится далеко не только къ Балканамъ. Напримѣръ, на Украинѣ, и въ меньшей степени въ Бѣлоруссіи, государствомъ активно формируются максимально оторванныя отъ общерусскаго корня національныя идентичности черезъ школы и средства массовой информаціи. На почвѣ русофобскихъ настроеній всё чаще высказывается идея отказа отъ кириллицы въ украинскомъ и бѣлорусскомъ языкахъ, которая, несмотря на кажущуюся нелѣпость и маловѣроятность, когда-то можетъ найти воплощеніе въ жизни, какъ и въ прошломъ — большевистская реформа.

Съ академической точки зрѣнія не столь упрощённая, сколь обѣднённая совѣтская орѳографія являлась письмомъ для мало-

грамотныхъ. Но, къ сожалѣнію, для полной русской грамматики большевики просто не оставили мѣста въ общественной жизни — хотя бы въ качествѣ «высокаго стиля». Ещё десять лѣтъ назадъ лишь единицы людей могли столкнуться съ оригинальнымъ текстомъ даже русскихъ дореволюціонныхъ классиковъ, прочесть историческіе документы въ ихъ подлинномъ видѣ. Но и сегодня пріобрѣсти новыя изданія Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Достоевскаго съ оригинальной орѳографіей почти невозможно.

Зачѣмъ въ настоящее время издатели продолжаютъ брать на себя отвѣтственность за искаженія стихотворныхъ риѳмъ, упрощеніе слога и размытіе заложенныхъ выдающимися русскими литераторами смысловъ? Какъ современному человѣку понять разницу даже въ названіяхъ произведеній «Война и Миръ» Л. Н. Толстого и «Война и Міръ» В. В. Маяковскаго? То, что для нашихъ предковъ было на поверхности, современному человѣку недоступно безъ дополнительнаго углубленія въ тему.

Справедливости ради стоитъ сказать, что сегодня существуютъ рѣдкіе примѣры переизданій дореволюціонныхъ произведеній въ полной русской орѳографіи, даже не репринтныхъ. Это скорѣе исключеніе изъ правилъ, но очевидно, что такихъ примѣровъ будетъ больше. Къ счастью, благодаря развитію электронныхъ библіотекъ и масштабному процессу оцифровки книгъ сегодня у каждаго есть возможность прочесть почти любое дореволюціонное изданіе въ оригинальномъ видѣ. Это полностью снимаетъ существовавшее прежде главное препятствіе въ освоеніи классическаго русскаго языка: помимо знанія правилъ необходимо ихъ закрѣпить, что наиболѣе просто достигается путёмъ чтенія.

При условіи знанія полной грамматики освоить соотвѣтствующую форму рукописи не составляетъ труда, поэтому здѣсь не встрѣчается какихъ-либо препятствій для возвращенія дореформеннаго правописанія. Вдобавокъ этотъ способъ письма уже рѣдко встрѣчается, уступивъ мѣсто компьютерному набору. Поэтому главныя трудности слѣдуетъ отнести къ неразвитости инструментовъ набора электронныхъ текстовъ.

Въ первую очередь требуется созданіе новаго стандарта раскладки русской клавіатуры, въ которой бы нашлись соотвѣтствующія мѣста для часто встрѣчающихся буквъ «і», «ѣ» и гораздо болѣе активнаго употребленія «ъ». По всей видимости,

это невозможно осуществить безъ использованія функціональной клавиши, добавляющей второе значеніе нѣкоторымъ кнопкамъ. При этомъ полное сохраненіе современной раскладки нецѣлесообразно. Напримѣръ, «ѣ» встрѣчается на письмѣ гораздо чаще, чѣмъ «э», а «й» могла бы помѣняться мѣстами съ «ъ». Кромѣ того, профессіональные наборщики давно говорятъ о недостаткахъ современной раскладки, которая замедляетъ процессъ набора, — ихъ слѣдовало бы устранить. И важное въ этомъ процессѣ не само по себѣ созданіе удобной раскладки (этотъ вопросъ каждый человѣкъ можетъ легко рѣшить самостоятельно съ помощью соотвѣтствующихъ программъ вродѣ Microsoft Keyboard Layout Creator), а именно выработка единаго стандарта, позволяющаго свободно переходить отъ одного устройства къ другому.

При этомъ аппаратныя клавіатуры наряду съ настольными компьютерами и ноутбуками всё сильнѣе вытѣсняются изъ повседневнаго обихода рядовыхъ пользователей экранными аналогами мобильныхъ устройствъ, гдѣ проблема раскладки рѣшается ещё проще. Но возникаетъ другая сложность: ускоренный методъ набора типа Swype требуетъ словарной поддержки. Офиціальныя клавіатуры мобильныхъ операціонныхъ системъ пока не позволяютъ устанавливать дополнительные языковые модули, поэтому безъ участія государства можно разсчитывать лишь на стороннія рѣшенія, напримѣръ отъ *Яндекса*, но и здѣсь требуется желаніе самой компаніи. Что касается словарной поддержки, на сегодняшній день эту работу провела отечественная ABBYY съ цѣлью болѣе качественнаго визуальнаго распознаванія текста въ дореформенной орѳографіи черезъ программу Finereader. Область примѣненія этихъ наработокъ было бы желательно расширить. Дѣйствуютъ также сайты dorev.ru и slavenica.com, пользователями разработаны модули провѣрки орѳографіи.

Созданіе послѣднихъ — главная техническая задача, отъ реализаціи которой зависитъ возможность широкаго распространенія полной русской грамматики. Къ сожалѣнію, на сегодняшній день такія средства не доступны для наиболѣе популярныхъ офисныхъ программъ и профессіональныхъ рѣшеній для вёрстки. Поэтому современному пользователю, привыкшему къ компьютерной коррекціи грамотности, окажется нѣсколько затруднительно начать употребленіе дореформенной орѳографіи. Однако это не можетъ

служить оправданіемъ для издательствъ и серьёзныхъ информаціонныхъ ресурсовъ, которые въ своей работѣ обязаны опираться на грамотныхъ редакторовъ и корректоровъ.

Ещё лѣтъ десять назадъ были распространены 8-битныя кодовыя таблицы символовъ вродѣ KOI8-R или CP1251, въ которыя изначально не были включены дореформенныя буквы русскаго алфавита, что вызывало большія сложности въ работѣ нѣкоторыхъ приложеній. Но съ распространеніемъ поддержки Unicode эти проблемы почти полностью ушли въ прошлое. Современныя операціонныя системы позволяютъ использовать упразднённыя русскія буквы даже въ названіяхъ файловъ.

И если прежде было трудно найти русскій шрифтъ, включающій всѣ символы нашего алфавита, но теперь большинство стандартныхъ и поставляемыхъ съ операціонной системой шрифтовъ позволяютъ производить наборъ въ царской орѳографіи. Сегодня говорить о полноцѣнной поддержкѣ русскаго языка шрифтомъ безъ наличія въ нёмъ символовъ «ѣ», «і», «ѳ» и «ѵ» невозможно, такъ какъ послѣдніе необходимы наборщикамъ, по крайней мѣрѣ, для цитированій и переизданій.

Въ цѣломъ, при условіи государственной поддержки, возвращеніе дореформеннаго правописанія не имѣетъ сколь-нибудь серьёзныхъ препятствій, тѣмъ болѣе если будетъ осуществляться плавный переходъ безъ запрета на употребленіе совѣтской орѳографіи. Однако, чтобы это произошло, русскимъ людямъ уже сегодня необходимо прикладывать усилія для возвращенія къ жизни своего богатаго и красиваго правописанія.

Необходимо совмѣстно рѣшать трудности техническаго характера, пропагандировать и всячески распространять дореволюціонное письмо, выпускать новыя и переиздавать старыя книги въ правильномъ видѣ, вводить дореволюціонное письмо въ информаціонное пространство. Особенно слѣдуетъ обращать вниманіе на меморіальные объекты: всякій памятникъ царской эпохи долженъ имѣть надписи въ родной орѳографіи, это же цѣлесообразно и для современныхъ монументовъ. Какъ показала практика, общество реагируетъ на это вполнѣ лояльно. Напримѣръ, въ Керчи въ послѣдніе годы открыты памятники П. Н. Врангелю, Петру I и доска въ честь вхожденія города въ составъ Россіи въ 1774 и 2014 годахъ, надписи на которыхъ выполнены въ дореформенной

орѳографіи, и никого ровнымъ счётомъ это не смущаетъ. Въ бизнесѣ давно наблюдается тяготѣніе къ царскому языковому наслѣдію — и слѣдуетъ поддерживать эту тенденцію, помогая одновременно избѣгать столь нерѣдкихъ сегодня ошибокъ въ логотипахъ и названіяхъ компаній.

Для болѣе лёгкаго перехода на дореформенную орѳографію большое значеніе играютъ автоматическія системы преобразованія текстовъ. Конечно, для ихъ корректной работы необходимо не просто опираться на базу данныхъ словъ и простѣйшія правила вродѣ ера послѣ согласныхъ въ концѣ словъ или буквы «і» передъ гласными и «й», но также использовать анализъ текста для опредѣленія родовъ, чиселъ, падежей и прочаго. Но всё же въ нѣкоторыхъ случаяхъ не удастся избѣжать разночтеній, требующихъ выбора пользователя. Примѣромъ простѣйшихъ и далеко не совершенныхъ конвертеровъ можетъ служить сайтъ slavenica.com. Помимо прочаго, онъ не поддерживаетъ сохраненіе даже базовыхъ стилей оформленія текста.

Среди контраргументовъ можетъ прозвучать нецѣлесообразность буквы «ъ» послѣ твёрдыхъ согласныхъ въ концѣ словъ, якобы не имѣющей практической пользы и лишь напрасно запружающей текстъ. Но, во-первыхъ, количество символовъ возрастаетъ въ среднемъ всего лишь на 3,5 %. Во-вторыхъ, благодаря болѣе компактному написанію «і», экономящему приблизительно 0,5 % пространства, объёмъ текста расширяется ещё меньше. Но главное — якобы избыточный еръ оказываетъ огромную помощь въ чтеніи рукописнаго текста, часто страдающаго неравномѣрностью пробѣловъ и неразборчивостью буквъ. Ту же пользу еръ оказываетъ въ компьютерномъ распознаваніи печатнаго текста, обозначая конецъ словъ и помогая автоматикѣ отличать предлоги *въ, къ, съ* отъ однобуквенныхъ союзовъ. Да и языкъ — не та область, въ которой нужно стремиться къ экономіи и скупости, тѣмъ болѣе въ современномъ мірѣ, гдѣ даже бумага перестаётъ быть основнымъ носителемъ для текстовъ.

Нужно сказать и нѣсколько словъ о пособіяхъ, по которымъ заинтересованные люди могли бы восполнить недостатокъ знаній русскаго языка. Конечно, сегодня легко доступны дореволюціонные учебники, сообщающіе и нынѣшнія правила, и утраченные моменты грамматики. Но такъ какъ большинству людей необхо-

димо узнать лишь разницу между совѣтской и полной орѳографіей, то крайне желателенъ выпускъ соотвѣтствующихъ краткихъ и понятныхъ пособій. Изданія подобнаго рода пока можно сосчитать по пальцамъ одной руки, впрочемъ базовыя знанія удастся почерпнуть даже изъ Википедіи (основныя правила тамъ изложены вполнѣ сносно).

Василій Евгеньевичъ Черновъ
(Москва, Россія)

Реформы и Лингвистика[1]

1. Въ сѣтевыхъ дискуссіяхъ о «старой орѳографіи», въ которыхъ случилось участвовать автору этихъ строкъ, въ качествѣ одного изъ самыхъ вѣсомыхъ аргументовъ въ пользу реформы 1917–1919 гг. неоднократно приводилось то обстоятельство, что въ разработкѣ новаго правописанія активно участвовали весьма именитые языковѣды; сходный аргументъ выдвигался и непосредственно въ ходѣ дореволюціонныхъ дебатовъ о необходимости орѳографической реформы (*въ орѳографическомъ вопросѣ публика и печать могли бы оказать большее довѣріе спеціалистамъ,* — Р. Брандтъ); по-видимому, у болѣе-менѣе информированнаго непрофессіонала обычно имѣется впечатлѣніе, что «лингвистика — за новую орѳографію».

Между тѣмъ, нынѣшнимъ лингвистамъ какъ сообществу, какъ представляется автору, могло бы быть непріятно, что имъ приписываютъ безоговорочный одобрительный консенсусъ по этому вопросу.

Дѣйствительно, на человѣка, знакомаго съ фонологической проблематикой, должны производить нѣсколько пугающее впечатлѣніе требованія такого типа: *чтобы каждому начертанію соотвѣтствовалъ особый звукъ и чтобы одинъ и тотъ же звукъ не означался разными буквами* (П. Сакулинъ). Обнаруживъ же въ томъ же текстѣ (программномъ докладѣ 1901 г.) предложеніе унифицировать написаніе через *-з-* приставокъ *воз-, из-, низ-* и *раз-*, а также ввести въ качествѣ нормативныхъ написанія вродѣ *гнатся*, *сьесть* и *мелкий*[2] (при безусловно-нормативномъ для того времени произношеніи [ˈmʲɛɫkɤj], съ твёрдымъ [k]), трудно не предположить, что авторъ либо вообще не понималъ, о чёмъ пишетъ, либо сознательно занимался демагогіей.

[1] Публикуется впервые. Часть положеній статьи уже высказывалась авторомъ въ сѣтевыхъ дискуссіяхъ. Авторъ выражаетъ свою искреннюю благодарность участникамъ этихъ обсужденій, и особенно Ивану Держанскому и Я. Г. Тестельцу, критика которыхъ помогла существенно переработать аргументацію по ряду пунктовъ.

[2] Наряду съ радикально-фонетическими *жыр, лекцыя, ево, тиш* и т. п.

Впрочемъ, какъ мы знаемъ, реально реформа была проведена въ варіантѣ гораздо болѣе консервативномъ, чѣмъ первоначальныя предложенія Р. Брандта, П. Сакулина и ихъ единомышленниковъ. Въ то же время едва ли можно утверждать, что главнымъ образомъ такъ получилось благодаря учёту какихъ-то дополнительныхъ *лингвистическихъ* соображеній[3]; скорѣе можно говорить просто о компромиссности ряда рѣшеній и непослѣдовательности, неизбѣжной въ силу чисто процедурныхъ моментовъ[4].

Отдавая себѣ отчётъ въ томъ, что удивительность многихъ конкретныхъ формулировокъ для современнаго лингвиста можетъ просто быть слѣдствіемъ произошедшаго прогресса въ наукахъ о языкѣ, попробуемъ отвлечься отъ конкретики и обратиться къ наиболѣе общимъ мотивировкамъ сторонниковъ реформы.

2. Одинъ изъ наиболѣе важныхъ моментовъ такого рода — разсужденія о самой по себѣ необходимости реформъ (или даже ихъ неизбѣжности, въ представленіи ихъ сторонниковъ). Въ первую очередь рѣчь идётъ объ апелляціи къ непрерывному развитію (разговорнаго) языка какъ объективному процессу, (якобы) требующему періодическаго реформированія орѳографіи: *историческое развитіе словъ есть движеніе, а движеніе нельзя изобразить на письмѣ: орѳографія можетъ уловить только одинъ какой-нибудь моментъ <…> естественно брать для изображенія настоящій моментъ* (Р. Брандтъ).

Другая бросающаяся въ глаза особенность разсужденій реформаторовъ — сугубая утилитарность подхода къ орѳографіи: реформы оправдываются задачами распространенія грамотности, необходимостью облегченія обученія письму, экономіей для типографій и т. п.; но при этомъ, напр., о какой-либо самостоятельной цѣнности сложившейся орѳографической традиціи рѣчи нѣтъ.

---

[3] Таковыя, разумѣется, высказывались и обсуждались — но, что характерно, почему-то вліяли на очередныя версіи реформаторскихъ проектовъ главнымъ образомъ въ планѣ сближенія съ «гротовской» нормой.

[4] Насколько можно понять по имѣющейся литературѣ, внѣдрявшаяся съ 1917 г. орѳографія окончательно сформировалась въ процессѣ *голосованія* по каждому отдѣльному нововведенію, причёмъ далеко не всѣ пункты болѣе раннихъ предложеній вошли въ списокъ; ничуть не удивительно поэтому, что «совѣтская» орѳографія оказалась гораздо болѣе «гротовской», чѣмъ любой изъ предлагавшихся ранѣе проектовъ.

Авторъ этихъ строкъ вполнѣ способенъ встать на подобную точку зрѣнія[5], разсматривающую систему письма сугубо функціонально, какъ чисто техническое средство достиженія нѣкихъ внѣшнихъ цѣлей. Однако именно въ такомъ ракурсѣ наиболѣе выпукло встаютъ вопросы — каковы, собственно, должны быть эти цѣли и каковы могутъ быть соотвѣтствующія имъ техническія средства?

3. Очевидно (и было не менѣе очевидно въ началѣ XX в.), что исторически письменность — это въ первую очередь компенсація ограниченій человѣческой памяти. Письмо позволяетъ хранить и накапливать информацію въ объёмахъ, совершенно непредставимыхъ для безписьменныхъ обществъ. Распространеніе грамотности самими же авторами реформъ мыслилось въ первую очередь какъ средство *просвѣщенія* и *образованія*, т. е. пріобщенія народа къ этимъ огромнымъ культурнымъ накопленіямъ (а отнюдь не наученія его, напр., составленію судебныхъ исковъ — такого рода прагматическіе мотивы, кажется, совершенно въ сочиненіяхъ реформаторовъ отсутствуютъ). Но разсмотрѣніе орѳографіи въ такомъ ракурсѣ радикально мѣняетъ разстановку пріоритетовъ: первоочередной задачей любой кодификаціи становится *неухудшеніе* воспріятія всего ранѣе написаннаго. Съ этой точки зрѣнія какъ ранніе проекты реформы, такъ и ея реальное воплощеніе выглядятъ чрезвычайно неуклюже (если, конечно, не подозрѣвать авторовъ въ лукавствѣ): объявляя цѣль изъ области *повышенія* доступности образованія и грамотности, реформаторы полностью проигнорировали опасность разрыва традиціи и *сниженія* (для обучаемыхъ по новой нормѣ) доступности всего, что издано до реформъ[6].

Между тѣмъ, эта линія разсужденія допускаетъ продолженіе. Проектируя хранилище информаціи, естественно думать о такихъ вещахъ, какъ отсутствіе принципіальныхъ (архитектурныхъ) ограниченій на объёмъ хранимаго и время его храненія, о масштабируемости, инкрементальности процесса пополненія и т. п.; особенно это касается форматовъ храненія данныхъ, поскольку любое сколь-

---

[5] Ни въ коемъ случаѣ не настаивая, однако, на ея единственности или исключительной важности.

[6] Эта проблема часто съ трудомъ осознаётся лингвистами и вообще людьми, активно работающими съ языкомъ. Однако автору извѣстны случаи, когда, напр., покупатель отказывался отъ пріобрѣтенія факсимильнаго изданія дореволюціонной книги на русскомъ языкѣ со словами «Я не читаю по-церковнославянски».

ко-нибудь нетривіальное измѣненіе въ нихъ, напр. съ цѣлью исправленія неудачныхъ прежнихъ техническихъ рѣшеній, обычно оказывается особо дорогостоящимъ. Съ точки зрѣнія культуры въ цѣломъ орѳографія относится именно къ области форматовъ данныхъ (и это, въ общемъ-то, даже не метафора). Тѣмъ самымъ при кодификаціи орѳографіи въ высшей степени логично думать на *столѣтія* — какъ назадъ, такъ и впередъ (поскольку именно таковъ временной масштабъ уже имѣющихся накопленій, и нѣтъ причины считать, что въ будущемъ требованія къ времени храненія радикально смягчатся).

4. Въ свѣтѣ такой постановки вопроса, очевидно, особую важность (какъ единственное на первый взглядъ основаніе для рѣзкаго суженія временного горизонта) пріобрѣтаетъ вышеприведённый аргументъ Брандта объ «уловленіи момента».

По наблюденіямъ автора, аргументъ этотъ, легко сводимый къ формулѣ «языкъ мѣняется»[7] съ дальнѣйшимъ живописаніемъ ужасныхъ послѣдствій несоотвѣтствія орѳографіи произошедшимъ измѣненіямъ, обладаетъ огромной убѣдительной силой и для нашихъ современниковъ. Ввиду полной несостоятельности обоихъ этихъ положеній (объ измѣнчивости и объ ужасности), полезно разсмотрѣть каждое изъ нихъ отдѣльно.

Нетрудно замѣтить, что если бы самымъ важнымъ свойствомъ языка было то, что онъ «мѣняется», то не только дѣды съ внуками, но и старшеклассники съ учениками младшихъ классовъ были бы вынуждены общаться черезъ переводчика. Поскольку ничего подобнаго въ дѣйствительности не наблюдается, то очевидно, что съ лозунгомъ «языкъ мѣняется» что-то не такъ. Это впечатлѣніе должно усилиться, если мы вспомнимъ, что наши русскоязычные современники и языкъ Ломоносова, при нѣкоторыхъ затрудненіяхъ въ его воспріятіи, всё-таки отнюдь не ощущаютъ какъ иностранный. Иначе говоря, при всей формальной безспорности утвержденія «языкъ мѣняется», оно описываетъ наблюдаемую реальность существенно хуже, чѣмъ *почти* противоположное ему по смыслу: «языкъ *почти* не мѣняется». Во всякомъ случаѣ, на масштабахъ не только десятковъ, но и первыхъ сотенъ лѣтъ *качественно* картина именно такова.

---

[7] И обычно служащій, опять-таки по наблюденіямъ автора, для оправданія чего-нибудь плохого.

Если, въ отличіе отъ авторовъ реформаторскихъ проектовъ, мы, какъ описано выше, въ первую очередь хотимъ думать о техническихъ характеристикахъ орѳографіи въ терминахъ *столѣтій*, то естественно попытаться понять, какъ долго можно *почти не мѣнять* орѳографическую систему и насколько это дорого въ планѣ другихъ ея функціональныхъ качествъ. И, разсуждая такимъ образомъ, мы очень быстро придёмъ къ выводамъ, которые, подозрѣваю, показались бы Брандту или Фортунатову совершенно возмутительными.

5. Дѣйствительно, непосредственное отношеніе къ орѳографіи имѣютъ отнюдь не всѣ измѣненія въ языкѣ, но почти исключительно измѣненія фонетическія (измѣненія другихъ уровней касаются другихъ сторонъ нормализаціи языка, затрагивающихъ орѳографію лишь опосредованно). Среди фонетическихъ же измѣненій преобладаютъ измѣненія регулярныя; большинство словоформъ языка никакимъ инымъ (нерегулярнымъ) фонетическимъ измѣненіямъ не подвергается. Регулярность же фонетическихъ измѣненій означаетъ, что пересчётъ съ написанія на произношеніе сохраняетъ свою однозначность и послѣ измѣненія — при условіи, что онъ былъ однозначенъ до такового. Иначе говоря, произношеніе мѣняется, но измѣнившееся произношеніе передаётся неизмѣнившимся написаніемъ съ прежней точностью. Проблема, которая при этомъ возникаетъ, связана съ усложненіемъ соотношенія между написаніемъ и произношеніемъ: орѳографія игнорируетъ потери информаціи, произошедшія въ произношеніи, такъ что правильное написаніе слова, произношеніе котораго извѣстно, требуетъ привлеченія дополнительной информаціи (получаемой при обученіи правописанію, а въ сложныхъ случаяхъ — извлекаемой изъ спеціальныхъ справочныхъ пособій). Русская орѳографія, въ томъ числѣ «новая», даётъ множество примѣровъ такого рода сложностей: различеніе безударныхъ *а* и *о*, отличеніе конечныхъ звонкихъ согласныхъ отъ глухихъ и т. п. явленія, нѣкогда соотвѣтствовавшія живому произношенію, въ настоящее время требуютъ спеціальнаго изученія, поскольку измѣнившееся произношеніе не даётъ достаточной информаціи для опредѣленія не измѣнившагося (въ данныхъ пунктахъ) написанія.

Вопросъ, такимъ образомъ, состоитъ въ оцѣнкѣ, во-первыхъ, времени, за которое отношенія фонетики и правописанія могутъ стать непріемлемо сложными изъ-за регулярныхъ фонетическихъ

измѣненій, и, во-вторыхъ, масштаба потенціальныхъ проблемъ, связанныхъ съ нерегулярными измѣненіями.

6. Отвѣтъ по второму пункту состоитъ въ томъ, что для орѳографической системы въ цѣломъ нерегулярныя измѣненія, по-видимому, серьёзной проблемой не являются. Современный русскій языкъ даётъ тутъ немало примѣровъ наподобіе *пожалста*, *собсно*, *что-нить* и т. п.; многія такого рода формы довольно стары — *дескать*, *чтобъ*, *щасъ* и под.; ихъ использованіе на письмѣ является скорѣе вопросомъ стилистики и далеко не всегда (и обычно съ большимъ запозданіемъ) становится нормой (*если* вм. *естьли* и т. д.). (Большинство фонетически нерегулярныхъ нормативныхъ формъ, напр.: окончаніе инфинитива *-ть*, возвратное *-сь* послѣ гласныхъ, частотныя слова вродѣ *тамъ* или *какъ* и пр., — возникли задолго до стабилизаціи въ какомъ бы то ни было смыслѣ «современнаго» письменнаго языка и потому не должны разсматриваться въ контекстѣ реакціи кодифицированной орѳографіи на фонетическія измѣненія.) Собственно, въ силу самой «нерегулярности» данныхъ измѣненій такой отвѣтъ вполнѣ ожидаемъ.

7. По первому же пункту отвѣтъ, пожалуй, прозвучитъ нѣсколько неожиданно. По-видимому, для современнаго русскаго языка (какъ и для большинства литературныхъ славянскихъ) была бы мыслима письменность, чисто косметически (грубо говоря, кое-какой діакритикой[8]) отличающаяся отъ фонологически точной передачи *праславянскаго* произношенія[9]. Такая система, вѣроятно,

[8] Въ основномъ необходимой для передачи сравнительно легко поддающихся систематизаціи «полурегулярныхъ» измѣненій (напр., выпаденій гласныхъ помимо слабыхъ еровъ, стяженій гласныхъ, морфологически обусловленныхъ смягченій/отвердѣній согласныхъ и т. п.), а также для обозначенія сочетаній звуковъ, которыя не могутъ быть результатомъ регулярнаго фонетическаго развитія праславянскихъ сочетаній (напр., *дю*, *бю*, *ге*, конечнаго *-нтъ* и т. д.). Конкретно въ случаѣ русскаго языка, какъ одинъ изъ возможныхъ варіантовъ, можно было бы представить себѣ также дополнительное обозначеніе особаго развитія звуковъ въ церковнославянскихъ заимствованіяхъ.

[9] Данное утвержденіе, кажется, не должно слишкомъ сильно удивить славистовъ; для неславистовъ же пояснимъ, что сложность такой воображаемой орѳографіи (по сравненію, напр., съ современной русской) въ основномъ состояла бы въ сохраненіи на письмѣ многихъ выпавшихъ звуковъ, а также въ довольно причудливой системѣ обозначенія мѣста ударенія. Другія особенности (напр., въ обозначеніи полногласныхъ сочетаній, результатовъ первой и второй палатализаціи и др.) выглядѣли бы необычно, но были бы полностью регулярны въ рамкахъ данной системы, т. е. не представляли бы особыхъ трудностей для владѣющихъ ея основами.

привела бы въ ужасъ сподвижниковъ Брандта, но въ цѣломъ выглядѣла бы не болѣе странно, чѣмъ современная англійская. Дѣйствительно, по своимъ принципамъ она была бы не такъ ужъ далека отъ того, что мы используемъ сегодня — когда, напримѣръ, обозначаемъ мягкость *согласнаго* съ помощью сосѣдней буквы, исходно обозначавшей передній (или йотированный) *гласный* (*ь я ю и е ѣ*), что не вполнѣ соотвѣтствовало сегментной привязкѣ соотвѣтствующаго признака уже въ древнерусскомъ языкѣ, скажемъ, XII вѣка. Слѣдуетъ, правда, оговориться, что тутъ есть доля везенія, связаннаго съ извѣстнымъ консерватизмомъ фонетическаго развитія славянскихъ языковъ; французская (и даже старофранцузская) орѳографія, «косметически» отличающаяся отъ латинской, или англійская, въ основномъ прямо воспроизводящая древнеанглійскую, — не были бы примѣнимы на практикѣ. Тѣмъ не менѣе, съ достаточной увѣренностью можно утверждать, что болѣе-менѣе гарантированный срокъ жизни алфавитной орѳографической системы съ точки зрѣнія типичнаго темпа фонетическихъ измѣненій въ языкахъ міра составляетъ около *тысячи лѣтъ*[10].

Подчеркнёмъ, что информація, необходимая для этого умозаключенія, была вполнѣ доступна спеціалистамъ и въ началѣ XX в., поскольку какъ минимумъ исторія основныхъ европейскихъ языковъ была къ этому моменту описана съ достаточной подробностью.

8. Разобравшись съ оцѣнкой роли измѣнчивости (разговорнаго) языка, обратимся къ оцѣнкѣ предположительно негативныхъ послѣдствій несоотвѣтствія орѳографіи произношенію. Сочиненія реформаторовъ полны патетическихъ восклицаній, апеллирующихъ (какъ къ чему-то самоочевидному) къ представленію, что несоотвѣтствіе традиціоннаго русскаго правописанія «живому произношенію» есть чуть ли не главное препятствіе для распространенія грамотности, что изученіе ятей занимаетъ едва ли не бóльшую часть времени въ народныхъ школахъ, отнимая его у всѣхъ

[10] Оговоримся ещё разъ, что рѣчь идётъ именно о соотношеніи правописанія и произношенія. Въ грамматикѣ и лексикѣ любого языка за тысячу лѣтъ происходятъ достаточно серьёзныя измѣненія, которыя неизбѣжно затруднили бы чтеніе древняго текста даже при самой консервативной орѳографической системѣ. Въ то же время несомнѣнно, что консервативная письменность можетъ (при нѣкоторомъ дополнительномъ обученіи) очень существенно облегчать чтеніе и болѣе древнихъ текстовъ (что видно на примѣрѣ такихъ языковъ, какъ новогреческій или китайскій).

прочихъ предметовъ, и т. п. Этотъ паѳосъ, насколько намъ извѣстно, никогда не былъ подтверждёнъ какими-либо научными изысканіями или экспериментами и представляется совершенно удивительнымъ въ свѣтѣ нѣсколькихъ очень простыхъ соображеній.

Во-первыхъ, тѣ моменты русской орѳографіи, на которые преимущественно была направлена ненависть реформаторовъ (особенно ять и прочія «лишнія буквы»), составляютъ весьма незначительную часть сложностей русскаго правописанія въ цѣломъ — въ частности, по сравненію съ тѣми, которыя не подвергались въ проектахъ реформъ существенному упрощенію (правописаніе звонкихъ и глухихъ согласныхъ въ позиціяхъ ихъ неразличенія, безударныхъ гласныхъ, возстановленіе выпадающихъ въ произношеніи согласныхъ въ такихъ словахъ, какъ *лѣстница* или *праздный*, и т. д. и т. п.). Эта ошибка въ оцѣнкѣ неизбѣжной общей сложности орѳографическихъ правилъ, и въ своёмъ «совѣтскомъ» варіантѣ регулярно ставящихъ въ тупикъ самыхъ разныхъ людей — отъ первоклассниковъ до профессіональныхъ корректоровъ, представляется совершенно фатальной.

Во-вторыхъ, примѣръ ряда европейскихъ странъ, безусловно подразумѣвавшихся въ качествѣ образца въ борьбѣ за распространеніе грамотности, казалось бы, долженъ былъ дать поводъ для серьёзныхъ сомнѣній: въ странахъ со значительно болѣе высокимъ, чѣмъ въ Россійской Имперіи, уровнемъ грамотности — во всѣхъ какъ на подборъ — использовались орѳографическія системы, объективно существенно болѣе сложныя, чѣмъ русская «гротовская» (въ частности, съ болѣе сложными отношеніями между «звукомъ» и «буквой»).

Съ современной, благодаря глобализаціи болѣе широкой, точки обзора виденъ ещё одинъ моментъ. Два самыхъ распространённыхъ на планетѣ языка — англійскій и китайскій — пользуются письменностями, въ которыхъ несоотвѣтствіе «живому произношенію» является совершенно вызывающимъ[11]. Поскольку въ обоихъ случаяхъ рѣчь идётъ о результатахъ многовѣковой культурной

[11] Тотъ фактъ, что въ первыхъ строчкахъ списка наиболѣе распространённыхъ языковъ міра присутствуетъ также испанскій, орѳографія котораго существенно *лучше* передаётъ нормативное произношеніе, чѣмъ русская (и цѣленаправленно реформировалась примѣрно на столѣтіе раньше), никакъ не отмѣняетъ этого наблюденія; при значительномъ сходствѣ сценаріевъ глобальнаго распространенія онъ, пожалуй, лишь подчёркиваетъ преимущество, которое досталось англійскому.

экспансіи, можно задуматься надъ тѣмъ, не является ли сложная и консервативная письменность факторомъ, на самомъ дѣлѣ *облегчающимъ* (какъ минимумъ, въ долгосрочной перспективѣ) распространеніе литературнаго языка среди носителей какъ неродственныхъ ему языковъ, такъ и сильно различающихся родственныхъ діалектовъ. Насколько можно судить, соображенія такого рода полностью находились за предѣлами кругозора пропонентовъ реформъ; но вѣдь это, пожалуй, не говоритъ ничего хорошаго о реформаторахъ офиціальнаго языка многонаціональной имперіи — и одной изъ несомнѣнныхъ сверхдержавъ своего времени.

9. Однако разговоръ о несоотвѣтствіи орѳографіи произношенію никакъ нельзя завершить констатаціей надуманности этой проблемы примѣнительно къ традиціонному русскому правописанію. Соотношеніе устнаго и письменнаго языка — вещь нетривіальная въ силу ряда совершенно фундаментальныхъ причинъ; поэтому апріорно отнюдь не очевидно рѣшеніе обратной задачи — оцѣнки попытокъ реформированія, нацѣленныхъ на приведеніе орѳографіи въ соотвѣтствіе произношенію.

Прежде всего, какъ неоднократно указывали критики реформированной орѳографіи, довольно странна установка реформаторовъ на облегченіе правописанія для пишущаго, цѣной очевиднаго ухудшенія его для читающаго. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь большинство людей читаютъ гораздо больше, чѣмъ пишутъ, и бóльшая часть читаемыхъ ими текстовъ пишется профессіоналами[12]. На эту тему написано уже достаточно[13], и мы не будемъ повторять общеизвѣстнаго. Отмѣтимъ только, что характерный методъ упрощенія правописанія «для двоечниковъ», принятый авторами реформъ, — *выкидываніе* вызывающихъ затрудненіе элементовъ — въ предѣлѣ, по-видимому, долженъ привести къ чему-то вродѣ неогласованнаго письма на одномъ изъ семитскихъ алфавитовъ[14]; дѣйствительно, съ точки зрѣнія лёгкости для пишущаго именно такая письменность близка къ идеалу. Осознаніе этого обстоятельства, кажется, могло бы

---

[12] Вопреки расхожимъ мнѣніямъ, всеобщая грамотность и сѣтевыя технологіи мало что тутъ измѣнили. Напримѣръ, трудъ, который берётъ на себя авторъ популярнаго блога, очевидно, не по плечу большинству его читателей и требуетъ отъ него, въ сущности, профессіонализма.

[13] Напримѣръ, Иваномъ Ильинымъ; сѣтевыя изданія его статей по данной темѣ легко находятся поисковиками.

[14] Или, корректнѣе, абджадовъ.

помѣнять привычное отождествленіе этого направленія реформированія съ *прогрессомъ*.

Другой моментъ (также разбиравшійся критиками реформъ) связанъ съ вопросомъ о томъ, *какому именно* произношенію должно соотвѣтствовать правописаніе. Традиціонная орѳографія можетъ быть въ очень значительной степени наддіалектной — именно благодаря своему консерватизму; однако орѳографія, стремящаяся соотвѣтствовать «живому произношенію», встаётъ передъ дилеммой: требуется либо отказъ отъ унификаціи, либо отказъ отъ соотвѣтствія произношенію *большинства* носителей даннаго языка. Интересно, что наличіе такой проблемы реформаторами признавалось; напримѣръ, Р. Брандтъ писалъ: *нѣтъ никакой надобности въ полномъ единствѣ орѳографіи: разнообразіе только не должно быть столь велико, чтобы затруднять пониманіе*. Изъ этой цитаты очевидно, однако, что истинный масштабъ проблемы совершенно не осознавался. Дѣло вѣдь не только въ діалектахъ, сильно отличающихся отъ литературнаго языка, но и въ безчисленныхъ варіаціяхъ, полностью лежащихъ въ рамкахъ нормы; въ случаѣ русскаго языка это, напр., различія между московскимъ и петербуржскимъ традиціоннымъ произношеніемъ, множество переходныхъ варіантовъ между послѣдовательнымъ иканьемъ и послѣдовательнымъ еканьемъ и т. п.

Наконецъ, требованіе постояннаго соотвѣтствія *современному* произношенію требуетъ регулярнаго повторенія реформъ — пожалуй, въ типичномъ случаѣ примѣрно каждыя пятьдесятъ лѣтъ.

При этомъ Р. Брандтъ совершенно напрасно надѣялся, что можно обойтись допущеніемъ *незначительнаго* варьированія въ правописаніи. Такъ, болѣе консервативные лекты могутъ отличаться отъ болѣе инноваціонныхъ своимъ фонемнымъ инвентарёмъ[15]; при послѣдовательномъ проведеніи принципа соотвѣтствія произношенію это, видимо, будетъ означать использованіе разными носителями не вполнѣ совпадающихъ *алфавитовъ*. Иначе говоря, совсѣмъ не просто добиться ситуаціи, въ которой соотвѣтствующее произношенію правописаніе варьируетъ *незначительно* — это на самомъ дѣлѣ довольно нетривіальная задача.

[15] Такъ, изъ преобладающаго русскаго произношенія за послѣднія сто лѣтъ исчезли звонкія согласныя, парныя къ *щ* и *х* (а также рядъ болѣе рѣдкихъ фонемъ, употреблявшихся образованными носителями въ иностранныхъ заимствованіяхъ).

Впрочемъ, мы уже знаемъ, какъ со всѣми этими проблемами обошлись реформаторы на дѣлѣ: принципъ соотвѣтствія произношенію былъ фактически полностью отброшенъ (и замѣнёнъ «морфемнымъ» принципомъ — которому, какъ легко показать, гротовская орѳографія соотвѣтствовала какъ минимумъ не хуже). По-видимому, это должно намъ что-то говорить о *логичности* (на которой реформаторы исходно чрезвычайно настаивали).

10. Какъ можно было догадаться по упоминанію нами «косметическихъ» измѣненій въ гипотетическихъ предѣльно консервативныхъ орѳографіяхъ, полностью неизмѣнное правописаніе всё-таки невозможно и не должно разсматриваться какъ идеалъ. Получается, что реформы какъ бы всё же необходимы, и проблема съ реформой 1917–1919 гг. есть скорѣе вопросъ мѣры и осмысленія (въ томъ числѣ научнаго) поставленныхъ цѣлей. Такая постановка вопроса пріемлема, но съ оговоркой, примѣрно столь же существенной, какъ слова «почти не», выше добавленной нами къ формулѣ «языкъ мѣняется». Суть ея въ томъ, что идеальная реформа — такая, которую (почти) не замѣчаетъ большинство грамотныхъ носителей (она по большей части касается только профессіоналовъ, такихъ какъ корректоры или преподаватели языка). Стоитъ также подчеркнуть, что это практически всегда возможно, потому что и измѣненія въ разговорномъ языкѣ (не только фонетическія, о которыхъ мы говорили выше, но и всѣ прочія) идутъ плавно и *въ своей системной части* большинствомъ носителей просто не замѣчаются. Если мы попытаемся вспомнить людей, похожихъ, въ этомъ смыслѣ, на «идеальныхъ реформаторовъ», то это, пожалуй, окажутся люди, подобные Я. К. Гроту (или, если угодно, Д. Э. Розенталю). Поскольку же обычно ихъ дѣятельность называется не словомъ «реформированіе», но разными другими словами (напр., «кодификація орѳографіи»), то, возможно, эти же слова проще было бы использовать для обозначенія того, что мы выше назвали «идеальной реформой».

Отношеніе къ традиціонной орѳографіи — часть отношенія къ собственной культурѣ. Совершенно не удивительно, что культура, пользующаяся письменностью, очень плавно мѣнявшейся въ теченіе столѣтій (или даже тысячелѣтій), можетъ объединять болѣе милліарда человѣкъ: хотя прямой причинной зависимости тутъ нѣтъ, видѣть въ этомъ корреляцію — болѣе чѣмъ естественно.

И не менѣе очевидно, что, руководствуясь съ самаго начала сугубо преходящими соображеніями («давайте писать, какъ говорится», «въ кодировку не помѣщается», «на мобильникѣ набирать неудобно» и т. п.), можно было бы въ лучшемъ случаѣ лишь создать культуру, объединяющую нѣсколько сосѣднихъ деревень. Такое суженіе перспективы и сокращеніе, какъ сейчасъ говорятъ, «горизонтовъ планированія» совершенно удивительно въ людяхъ, несомнѣнно входившихъ въ интеллектуальную элиту своего времени. И чрезвычайно хотѣлось бы надѣяться, что современная интеллектуальная элита, включая сообщество профессіоналовъ, работающихъ съ языкомъ, сумѣетъ извлечь изъ опыта орѳографической реформы соотвѣтствующіе уроки.

Такъ или иначе, естественное и плавное развитіе русской орѳографіи было въ очередной разъ[16] прервано, и это было частью катастрофическаго разрыва въ русской культурной традиціи въ цѣломъ.

11. Послѣ всего сказаннаго выше умѣстенъ вопросъ: что, собственно, дѣлать съ этой аргументаціей и съ этими оцѣнками сейчасъ, спустя столѣтіе, нынѣшнимъ филологамъ и лингвистамъ?

Прежде всего, конечно, намъ слѣдуетъ благодарить Провидѣніе за то, что реформы были воплощены въ гораздо менѣе разрушительномъ варіантѣ, чѣмъ первоначально задумывалось, и разрывъ письменной традиціи оказался не такимъ зіяющимъ, какъ могло бы получиться.

Въ то же время придётся констатировать, что критическая аргументація противъ реформъ орѳографіи, къ сожалѣнію, пригодится профессіоналамъ ещё не разъ: попытки дальнѣйшаго недальновиднаго реформированія отнюдь не закончились при совѣтской власти и продолжаютъ предприниматься до сихъ поръ — причёмъ какъ разъ людьми, позиціонирующими себя въ качествѣ лингвистовъ.

Но, возможно, наиболѣе актуальная проблема — инерція поддержанія обсуждавшагося выше разрыва письменной традиціи. На фонѣ, скажемъ, словаря Вебстера, всюду, гдѣ возможно, приводящаго среднеанглійскія и древнеанглійскія формы англійскихъ словъ, какъ-то удивительно несолидно смотрятся современные

[16] Справедливости ради упомянемъ, что предыдущій (и, на нашъ взглядъ, ещё болѣе катастрофическій) разрывъ въ развитіи письменной традиціи имѣлъ мѣсто при Петрѣ I.

словари русскаго языка, изъ которыхъ традиціонно невозможно узнать даже дореформенное написаніе словъ русскихъ. Съ этой не по-хорошему экзотической совѣтской привычкой давно уже можно было бы начать что-то дѣлать. Ещё болѣе странно смотрятся научныя, въ первую очередь филологическія и историческія, работы, почти никогда не цитирующія русскихъ классиковъ или историческіе документы въ оригинальномъ правописаніи. Профессіоналы могли бы многое тутъ измѣнить «въ явочномъ порядкѣ»; въ дальнѣйшемъ же базовыя свѣдѣнія о дореформенной орѳографіи можно было бы включить и въ стандартныя программы по русскому языку — сначала вузовскія, а затѣмъ и школьныя. Со временемъ вполнѣ достижимы и измѣненіе мнѣнія широкой общественности относительно сравнительныхъ достоинствъ «царской» и «совѣтской» орѳографій, и болѣе однозначное негативное отношеніе къ реформаторскому зуду.

12. Хочется добавить ещё такое соображеніе. Порождённый революціей идейный расколъ въ россійскомъ обществѣ болѣе чѣмъ актуаленъ и сейчасъ; пути и однажды упущенныя возможности его преодолѣнія естественно искать въ эпохѣ, предшествующей этимъ событіямъ. По мнѣнію автора этихъ строкъ, возстановленіе культурной преемственности поверхъ искусственно созданной пропасти — задача совершенно практическая, и на современныхъ лингвистахъ и филологахъ лежитъ немалая отвѣтственность, связанная съ этой миссіей.

Алексѣй Валентиновичъ Ѳёдоровъ
историкъ-публицистъ, въ 1996 году предсѣдатель организаціоннаго комитета первой всероссійской научно-практической конференціи «Судьба русской орѳографіи» (Санктъ-Петербургъ, Россія)

Русская орѳографія: вопреки судьбѣ[1]

Уже продолжительное время въ нашемъ Отечествѣ по иниціативѣ властей организуются мѣропріятія, призванныя преодолѣть послѣдствія революціи и гражданской войны, раздѣлившихъ русскій народъ. Этотъ процессъ, неоднозначно оцѣниваемый въ обществѣ, идётъ трудно и не всегда продуманно. Порой возникаютъ опасенія, что простое «механическое» возвращеніе имёнъ дѣятелей русской эмиграціи или даже перенесеніе ихъ могилъ на родину безъ должнаго осмысленія наслѣдія русскаго зарубежья и возстановленія въ правахъ сохранённыхъ ими культурныхъ традицій можетъ только помѣшать безусловно важному дѣлу гражданскаго примиренія.

Въ 2005 году на кладбищѣ Донского монастыря въ Москвѣ состоялось перезахороненіе останковъ философа И. А. Ильина и генерала А. И. Деникина съ супругами. Это событіе было названо «Акціей національнаго примиренія и согласія». Затѣмъ, въ началѣ 2007 года, рядомъ съ этими могилами былъ погребёнъ прахъ генерала В. О. Каппеля. 24 мая 2009 года состоялось торжественное открытіе прекраснаго меморіала, объединившаго собою эти захороненія. Къ сожалѣнію, хорошее впечатлѣніе портитъ одинъ досадный фактъ, — всѣ имена на могильныхъ камняхъ выполнены въ «большевицкой» орѳографіи. Именно такъ именовали декретное правописаніе 1918 года въ русской эмиграціи. Не сталъ исключеніемъ и расположенный неподалёку памятникъ на могилѣ писателя И. С. Шмелёва, чей прахъ былъ перезахороненъ ещё въ 2000 году. Если мнѣніе русскихъ генераловъ Деникина и Каппеля о декретной орѳографіи, пожалуй, неизвѣстно, то отношеніе къ ней Ильина и Шмелёва, дружившихъ при жизни, было

[1] Публикуется впервые.

единодушно отрицательнымъ. Шмелёвъ не желалъ писать и издаваться на «невѣдомомъ языкѣ», Ильинъ же самымъ внимательнымъ образомъ изслѣдовалъ послѣдствія введенія, какъ онъ выражался, «кривописанія» и благодаря своимъ трудамъ до сихъ поръ остаётся главнымъ идеологомъ возвращенія классической русской орѳографіи. Слѣдуетъ признать, что использованіе современнаго правописанія на могилахъ людей, совершенно сознательно его не принимавшихъ, мягко говоря, оскорбительно для ихъ памяти. И. А. Ильинъ, И. С. Шмелёвъ и другіе дѣятели русскаго зарубежья не мыслили себя внѣ цѣнностей и традицій исторической Россіи, сохраняя въ изгнаніи старую орѳографію, какъ часть ея великой культуры. Они полагали, что, когда Россія вновь вернётся на свой историческій путь, возродится и прежнее русское правописаніе.

Какъ мы знаемъ изъ исторіи, послѣ выхода декрета 1918 года* использованіе стараго письма приравнивалось къ пособничеству контрреволюціи и сопровождалось угрозами насилія. Отношеніе къ орѳографіи стало самымъ яркимъ, зримымъ символомъ раздѣленія русскаго народа. Долгіе годы традиціонное правописаніе разсматривалось исключительно въ политической плоскости, какъ атрибутъ свергнутаго режима, а ея носители подозрѣвались въ антисовѣтизмѣ и «бѣлогвардейщинѣ».

Теперь, когда идеологическое воспріятіе этой проблемы ушло въ прошлое, въ обществѣ можно было бы спокойно обсудить то мѣсто, которое слѣдуетъ занять исторической русской орѳографіи въ русской культурѣ, сосуществуя съ уже вѣковымъ современнымъ правописаніемъ. *Символъ раздѣленія могъ бы стать символомъ искомаго согласія и примиренія.* Однако представители офиціальной постсовѣтской науки по-прежнему выстраиваютъ своё отношеніе къ традиціонному правописанію въ логикѣ «побѣдителей». Какъ только имъ напоминаютъ о необходимости реабилитаціи стараго русскаго письма, о насиліи, сопровождавшемъ реформу, о потеряхъ, которыя понесла русская культура, объ искаженіи класси-

* Первый декретъ, «О введеніи новаго правописанія», вышелъ 23 декабря 1917 года, по новому стилю 5 января 1918, поэтому его иногда относятъ къ послѣднему году. Второй декретъ, «О введеніи новой орѳографіи», датированъ 27 сентября (10 октября) 1918 года, опубликованъ 13 октября новаго стиля. Именно послѣдній декретъ возымѣлъ фактическое дѣйствіе, послѣ его изданія стали изыматься соотвѣтствующія литеры изъ типографій. — *Прим. издателя.*

ческой литературы и т. д., то въ отвѣтъ слышится хорошо знакомая, уже набившая оскомину отповѣдь: декретная орѳографія никакая не большевицкая, она академическая, готовилась задолго до 1918 года лучшими свѣтилами науки, ея проведеніе въ жизнь началось ещё при Временномъ правительствѣ, она безспорно прогрессивна и демократична, возвращеніе стараго правописанія въ современную жизнь невозможно и ненужно. Эти многократно опровергнутые доводы продолжаютъ звучать и понынѣ и свидѣтельствуютъ о категорическомъ нежеланіи обсуждать эти вопросы и, что самое главное, нежеланіи признать самъ фактъ существованія проблемы.

И всё же въ исторіи постсовѣтской Россіи былъ эпизодъ, когда на достаточно высокомъ уровнѣ былъ поднятъ вопросъ о правомѣрности насильственнаго искаженія традиціоннаго русскаго правописанія, было признано и существованіе орѳографической проблемы. Рѣчь идётъ о первой всероссійской научно-практической конференціи «Судьба русской орѳографіи», проведённой въ С.-Петербургѣ 13 мая 1996 года.

Устроителемъ конференціи выступило Общество возрожденія духовныхъ традицій Руси (1993–1997), чья работа строилась по Уставу дореволюціоннаго Общества возрожденія художественной Руси (1915–1917), дѣйствовавшаго въ Царскомъ Селѣ подъ покровительствомъ св. царя Николая II Александровича. Согласно Уставу цѣлью дореволюціоннаго Общества было «распространеніе въ русскомъ народѣ широкаго знакомства съ древнимъ русскимъ творчествомъ во всѣхъ его проявленіяхъ и дальнѣйшее его преемственное развитіе въ примѣненіи къ современнымъ условіямъ». Одной изъ важнѣйшихъ задачъ считалась также защита русскаго языка, въ частности очищеніе его отъ неоправданныхъ иностранныхъ заимствованій. Дѣйствуя въ духѣ и буквѣ своего предшественника, «примѣнительно къ современнымъ условіямъ», Общество возрожденія духовныхъ традицій Руси приняло рѣшеніе о проведеніи масштабной научной конференціи, посвящённой традиціонной русской орѳографіи. Почти годъ длилась подготовка. Организаціоннымъ комитетомъ былъ собранъ обширный архивъ по исторіи вопроса, въ томъ числѣ рѣдкія изданія XIX–XX вв., посвящённыя русскому правописанію. Также были проведены многочисленныя консультаціи со спеціалистами въ данной области и представителями Русской Православной Церкви. Противъ

ожиданій организаторовъ, наибольшая поддержка была получена именно въ учёной средѣ. Особо слѣдуетъ отмѣтить благожелательное отношеніе къ идеѣ проведенія конференціи академиковъ РАН Д. С. Лихачёва и А. М. Панченко, чей авторитетъ и знанія въ тѣ годы были совершенно неоспоримы. При личной встрѣчѣ Александръ Михайловичъ Панченко (1937–2002) чётко сформулировалъ свою позицію: «Орѳографическая проблема существуетъ, и о ней слѣдуетъ говорить». Онъ согласился быть ведущимъ первой части конференціи и выступить съ докладомъ *о петровской реформѣ азбуки*. Роль Д. С. Лихачёва (1906–1999) была особенно важна въ періодъ подготовки форума. Вниманіе, которое удѣлилъ Дмитрій Сергѣевичъ его устроителямъ, несомнѣнно, было связано съ тѣмъ, что въ 1928 году, будучи совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, Лихачёвъ написалъ и прочёлъ въ кругу друзей докладъ о преимуществахъ старой орѳографіи, «попранной и искажённой врагомъ Церкви Христовой и народа россійскаго». Этотъ студенческій кружокъ назывался въ шутку «Космической академіей наукъ», да и многіе доклады, читаемые въ нёмъ, облекались въ шутливую форму. Кто-то донёсъ на «академистовъ», и Дмитрій Сергѣевичъ былъ осуждёнъ на пять лѣтъ за контрреволюціонную дѣятельность съ заключеніемъ на Соловкахъ. Пожалуй, это единственный извѣстный случай ареста человѣка за приверженность традиціонной орѳографіи. Надо было видѣть, какъ загорѣлись глаза этого весьма пожилого человѣка, когда онъ узналъ о темѣ предстоящаго мѣропріятія. Благодаря неоднократнымъ встрѣчамъ съ Д. С. Лихачёвымъ былъ опредѣлёнъ рядъ позитивныхъ задачъ готовившейся конференціи. Въ частности, Дмитрій Сергѣевичъ говорилъ о необходимости свободной дискуссіи и предостерёгъ устроителей отъ того, чтобы форумъ выражалъ мнѣнія исключительно сторонниковъ старой орѳографіи.

Благодаря финансовой и организаціонной помощи Сергѣя Васильевича Рогова (1954–1996), президента промышленной группы «РОССКО», конференція была проведена на высокомъ научномъ уровнѣ. Форумъ происходилъ въ знаковомъ для каждаго русскаго человѣка мѣстѣ — на Мойкѣ, 12, въ конференцъ-залѣ Всероссійскаго музея А. С. Пушкина. Девизомъ форума стали слова Михаила Васильевича Ломоносова: «Нѣкоторые покушались истребить букву Ѣ изъ азбуки россійской. Но сіе какъ невозможно, такъ и свойствамъ россійскаго языка противно».

Высокій уровень мѣропріятія былъ опредѣлёнъ и участіемъ въ нёмъ выдающагося представителя петербургской филологической школы профессора Владиміра Викторовича Колесова, доктора филологическихъ наукъ, завѣдующаго каѳедрой русскаго языка филологическаго факультета С.-Петербургскаго государственнаго университета *(докладъ «Устная рѣчь на письмѣ»)*, а также ведущаго спеціалиста въ области орѳографіи профессора СПб. университета Вѣры Ѳёдоровны Ивановой (1920–2001), доктора филологическихъ наукъ *(докладъ «Теоретическія основы современнаго правописанія»)*. На конференціи прозвучали доклады и другихъ петербургскихъ изслѣдователей, такихъ какъ доцентъ СПбГУ, д-ръ филол. наукъ Дмитрій Григорьевичъ Демидовъ *(докладъ «Контрреформа русской орѳографіи»)*; спеціалистъ по церковнославянскому языку доцентъ СПб. консерваторіи Нина Павловна Саблина (1937–2007) *(докладъ «Церковнославянская орѳографія — насущная проблема языкового просвѣщенія»)*; доцентъ СПбГУ Павелъ Анатольевичъ Клубковъ (1949–2011) *(докладъ «Тредіаковскій объ окончаніяхъ имёнъ прилагательныхъ»)*. Москву представляли проф., ведущій научный сотрудникъ Института языкознанія, д-ръ филол. наукъ Владиміръ Константиновичъ Журавлёвъ (1922–2010) *(докладъ «Современная задача параллельнаго преподаванія русскаго и церковно-славянскаго языка въ школѣ»)* и доцентъ РГГУ, д-ръ филол. наукъ Иванъ Андреевичъ Есауловъ *(докладъ «Реформа русской орѳографіи въ оцѣнкѣ И. А. Ильина: культурологическій аспектъ»)*. Представителей Петрозаводскаго гос. университета возглавлялъ проф., зав. каѳедрой русской литературы, д-ръ филол. наукъ Владиміръ Николаевичъ Захаровъ *(докладъ «Русская орѳографія какъ текстологическая проблема»)*. Также прозвучали доклады: «Къ вопросу о реформѣ стиха», Н. Н. Ильина, аспирантъ СПбГУ; «Славянскій азбучный именникъ», Л. В. Савельева, проф., д-ръ филол. наукъ (Петрозаводскъ); «Буква ять какъ смысловая опора въ отечественной письменности», В. В. Рождественская, преп. СПб. епархіи; «Оформленіе альтернативныхъ конструкцій при изданіи текста», Е. В. Маркасова, преп. Петрозаводскаго университета; «“Пойте Богу разумно…” О знаковой системѣ древнерусской пѣвческой традиціи», И. В. Болдышева, регентъ собора Владимірской иконы Божіей Матери; «Анти-духовная суть введенія новой орѳографіи», іеродіаконъ Меѳодій (Бабкинъ),

Свято-Троицкій Зеленецкій монастырь; «Церковь и новая орѳографія», М. А. Кустовъ, преп. СПб. дух. училища.

Къ сожалѣнію, А. М. Панченко не смогъ по болѣзни присутствовать на конференціи. Бремя открытія и веденія утренняго засѣданія легло на В. В. Колесова, который блестяще справился съ этой ролью, задавъ взвѣшенный и доброжелательный тонъ всему форуму. Дневное засѣданіе вёлъ В. Н. Захаровъ. Многіе выступавшіе высказались за постепенное возвращеніе въ культурную жизнь Россіи исторической орѳографіи. Говорилось о томъ, что прецедентъ 1918 года породилъ неуважительное отношеніе къ письменной рѣчи, какъ къ нѣкой функціи по обслуживанію общества, которую можно безконечно измѣнять и «улучшать». Отмѣчалось, что современный упадокъ письменной и устной рѣчи, беззащитность передъ англоязычной экспансіей и жаргонизмами во многомъ связаны съ измѣненіемъ культурнаго кода русскаго народа, произошедшимъ въ 1918 году. В. В. Колесовъ въ своёмъ докладѣ отмѣтилъ: «Буква “Ѣ” — это форма высокаго стиля. А уничтоженіе высокаго стиля — это основная проблема XX вѣка. Вообще, снятіе высокаго стиля, снятіе образцовыхъ текстовъ, откуда поступали формы и смыслы высокаго стиля, привело къ тому, что средній стиль у насъ сталъ стилемъ высокимъ, а низкій, подлый у насъ поднялся до уровня средняго и теперь представляетъ собою какъ бы норму, съ включеніемъ всѣхъ эмоціональныхъ и образныхъ подтекстовъ, связанныхъ съ возвышеніемъ этого подлаго стиля. <…> Убрали “Ѣ” — и начинается каскадъ всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыя идутъ. Почему? Потому что эта буква — символъ, а когда изъ культуры, изъ зданія культуры вынимается нѣкій символъ, вся система скособочивается, скукоживается, сжимается, распыляется». Большой интересъ у гостей конференціи вызвалъ докладъ В. Н. Захарова, въ которомъ онъ разсказалъ о только начинавшемся тогда проектѣ по выпуску издательствомъ Петрозаводскаго университета Полнаго собранія сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго въ авторской орѳографіи и пунктуаціи.

Аплодисментами было встрѣчено Привѣтственное слово академика Дмитрія Сергѣевича Лихачёва въ адресъ первой научно-практической конференціи «Судьба русской орѳографіи», оглашённое предсѣдателемъ организаціоннаго комитета:

«Я съ радостью хочу сказать нѣсколько словъ въ адресъ пер-

вой научно-практической конференціи “Судьба русской орѳографіи”. Надѣюсь, она станетъ первымъ шагомъ на пути возвращенія старой орѳографіи въ общественную жизнь и, въ первую очередь, конечно, въ литературу. Когда-то, ещё въ 1928 г., я, немного въ шутливой формѣ, но вполнѣ серьёзно, доказывалъ преимущества старой орѳографіи. Главными доводами были — ея связь съ нашими корнями (церковнославянскимъ языкомъ) и то, что въ ней написана вся Великая Русская Литература. Теперь эта юношеская работа, ставшая одной изъ причинъ моего заключенія въ лагерь на Соловкахъ, попала въ научный архивъ конференціи и переиздаётся вторично. Радъ, что спустя почти семьдесятъ лѣтъ моя позиція противника реформы нашла своихъ сторонниковъ. Думаю, что идея издавать классическую литературу въ ея природной орѳографіи, высказанная устроителемъ конференціи: “Обществомъ возрожденія духовныхъ традицій Руси”, найдётъ откликъ среди любителей и знатоковъ русской словесности. Надѣюсь и на интересъ издательствъ къ этой иниціативѣ. Ещё разъ желаю успѣшной и плодотворной работы конференціи и вѣрю, что нынѣшнее засѣданіе будетъ не послѣднимъ, и мы не разъ ещё встрѣтимся за обсужденіемъ этой интересной и важной темы. Д. Лихачёвъ. 6.V.96».

Гостями конференціи было болѣе ста человѣкъ — преподаватели и студенты высшихъ учебныхъ заведеній, школьные учителя, духовенство, слушатели духовнаго училища, издатели, дѣятели культуры, представители СМИ и общественныхъ организацій. Въ качествѣ наблюдателя на форумѣ присутствовала учёный секретарь Орѳографической комиссіи при РАН Людмила Константиновна Чельцова. Въ своёмъ выступленіи она сообщила, что её спеціально прислали изъ Москвы для выясненія существующихъ въ обществѣ настроеній и что «ни одинъ изъ членовъ комиссіи даже не можетъ предположить, что можетъ быть желаніе вернуть старую орѳографію». Въ концѣ каждаго изъ двухъ засѣданій происходили длительныя, порой бурныя обсужденія съ участіемъ гостей конференціи. Бóльшая часть выступавшихъ гостей была согласна въ томъ, что мириться съ полной утратой исторической орѳографіи нельзя и она должна быть обязательно возстановлена въ томъ или иномъ качествѣ. Извѣстный петербургскій историкъ В. В. Антоновъ (1938–2014) въ своёмъ выступленіи высоко оцѣнилъ духовное значеніе конференціи и позицію Д. С. Лихачёва, высказанную имъ

въ Привѣтственномъ словѣ. Открытая дискуссія обнаружила очевидную слабость аргументовъ въ пользу декрета 1918 года. По сути, кромѣ пресловутой «академичности» реформы и авторитета академиковъ Ф. Ѳ. Фортунатова и А. А. Шахматова, защитники современнаго правописанія (В. Ѳ. Иванова, П. А. Клубковъ) не смогли назвать вѣскихъ причинъ радикальнаго измѣненія устойчивой системы русскаго письма. Ихъ оппонентами были процитированы слова А. А. Шахматова, сказанныя имъ въ іюнѣ 1918 года: «Въ томъ, что происходитъ, отчасти и мы виноваты. Засѣданіе, въ которомъ мы приняли новую орѳографію [въ маѣ 1917 г.], было по настроенію большевицкимъ… Мы тоже разрушители».

Организаторами конференціи были подготовлены и розданы всѣмъ участникамъ форума матеріалы по исторіи вопроса и проектъ ряда мѣропріятій по возвращенію въ общественную жизнь исторической орѳографіи. Въ частности, предлагалось учредить Общественную орѳографическую комиссію. Практическая часть конференціи выразилась въ подписаніи соглашеній между Обществомъ возрожденія духовныхъ традицій Руси и нѣсколькими петербургскими издательствами. Эти соглашенія предполагали сотрудничество въ слѣдующихъ областяхъ: выпускъ учебныхъ пособій, орѳографическихъ словарей, совмѣстная разработка шрифтовъ, компьютерной переводной программы и т. д. Въ заключительной части конференціи было продекларировано намѣреніе большей части участниковъ форума подготовить резолюцію и письмо въ адресъ Орѳографической комиссіи при РАН и другія учрежденія. Къ сожалѣнію, вскорѣ разразившійся финансовый кризисъ и смерть основателя Общества возрожденія духовныхъ традицій Руси, русскаго промышленника и благотворителя Сергѣя Васильевича Рогова поставила крестъ на многихъ иниціативахъ, заявленныхъ на конференціи. Въ началѣ 1997 года Общество прекратило свою дѣятельность и было распущено.

Конференція стала серьёзнымъ культурнымъ событіемъ своего времени. О ней писали не только въ отечественной, но и въ международной прессѣ («Русская Мысль», «Континентъ», журналъ Валаамскаго общества Америки «Русскій Паломникъ»). Московская Орѳографическая комиссія также откликнулась на проведённую конференцію въ статьѣ д-ра филол. наукъ В. В. Лопатина «Орѳографія: саморазвитіе и упорядоченіе» (Вѣстникъ РАН. 1997.

Т. 67. № 8. С. 681–687), гдѣ помимо разсказа о петербургской конференціи, цитированія ея документовъ и традиціонной ссылки на орѳографическій проектъ 1904 года приводится рядъ аргументовъ въ пользу декрета 1918 года и необходимости сохраненія существующаго положенія. Въ частности, В. В. Лопатинъ писалъ: «<…> нельзя не признать, что такъ называемая всеобщая грамотность была достигнута при большевикахъ за столь короткіе сроки и благодаря проведённой реформѣ. <…> Новая орѳографія, какова бы ни была исторія ея принятія, по прошествіи многихъ лѣтъ, снявшихъ политическую остроту вопроса, стала привычной для носителей русскаго языка и вполнѣ успѣшно обслуживаетъ культурныя потребности современнаго общества. Мѣропріятія, подобныя описанной петербургской конференціи, такъ или иначе вызываютъ тѣхъ, кто занимается регламентаціей современнаго письма (прежде всего Институтъ русскаго языка РАН, нынѣшнюю Орѳографическую комиссію, учрежденія системы образованія), на конфронтацію. Мы такой конфронтаціи не хотимъ. <…> тревожитъ возможная ситуація “біорѳографизма”, которая возникнетъ въ случаѣ принятія предложеній, подобныхъ звучавшимъ на петербургской конференціи: предлагается издавать классиковъ русской литературы, используя старую орѳографію, а современную болѣе лёгкую, массовую литературу (детективы и т. п.) и, по-видимому, прессу — используя новую. Можно, конечно, издавать по старой орѳографіи классиковъ. Но много ли будетъ у такихъ книгъ читателей? Не слишкомъ ли большой изыскъ — предпринятое въ Петрозаводскѣ изданіе Полнаго собранія сочиненій Достоевскаго (тиражомъ всего 5 тыс. экземпляровъ) по старой орѳографіи, претенціозно именуемаго “каноническими текстами”? Ностальгію опредѣлённыхъ общественныхъ круговъ по старой орѳографіи можно понять. Но намного важнѣе сейчасъ забота о насущныхъ проблемахъ и нуждахъ сегодняшней орѳографіи».

Комментируя эти доводы, умѣстно вспомнить работу академика Л. В. Щербы (1880–1944) «Безграмотность и ея причины», опубликованную въ 1927 году: «Можетъ показаться страннымъ, что послѣ проведенія реформы орѳографіи, которая и была задумана въ значительной мѣрѣ въ цѣляхъ облегченія достиженія полной грамотности, результаты получились какъ разъ обратные ожидаемымъ. Между тѣмъ нѣтъ ничего естественнѣе, и это можно

было даже предвидѣть. Въ самомъ дѣлѣ, реформа облегчала орѳографію, но не дѣлала её лёгкой, ибо орѳографія языка, употребляемаго полутора сотнями милліоновъ людей, по самому существу вещей не можетъ быть абсолютно лёгкой — почему, здѣсь было бы очень долго объяснять; скажу только, что полтораста милліоновъ, разселённые на колоссальной территоріи, не могутъ говорить одинаково, а писать должны одинаково. Итакъ, реформа не сдѣлала орѳографію безусловно лёгкой, но зато въ корнѣ подорвала ея престижъ. Намъ, филологамъ, было, конечно, всегда понятно, что орѳографія есть вещь условная и мѣняющаяся во времени; но широкіе круги грамотныхъ людей считали её покоящейся на какихъ-то незыблемыхъ основаніяхъ. <…> Реформа орѳографіи наглядно, а потому безвозвратно, уничтожила всѣ эти иллюзіи. <…> Практическій выводъ, который былъ сдѣланъ отсюда широкими массами, и не только ими, но и учительствомъ, и не только низовымъ, но и среднимъ, вообще почти всѣмъ обществомъ, былъ тотъ, что орѳографія — вещь неважная, пиши, дескать, какъ хочешь, не въ томъ сила. Я утверждаю это не какъ собственный домыселъ, а какъ постоянно подтверждающееся наблюденіе надъ жизнью и школой». На конференціи 1996 года отмѣчалось, что отсутствіе уваженія къ упрощённому русскому письму, несмотря на всю его «академичность», провоцируетъ попытки его дальнѣйшаго «улучшенія». Досадно, что В. В. Лопатинъ понимаетъ «снятіе политической остроты вопроса» исключительно въ пользу пореформеннаго письма, которое «успѣшно обслуживаетъ культурныя потребности современнаго общества». Истекшее двадцатилѣтіе показало, что интересъ къ старой орѳографіи въ обществѣ многократно возросъ. Свидѣтельство тому — использованіе ея отдѣльныхъ элементовъ въ рекламѣ, названіяхъ театральныхъ и телевизіонныхъ постановокъ, кинокартинъ, логотиповъ магазиновъ и банковъ *(«болѣе 50 россійскихъ компаній использовали въ названіи Ѣ и ещё 219 организацій — Ъ», данныя «СПАРК-Интерфаксъ»)*. О причинахъ этого явленія спорятъ, но всѣ согласны съ тѣмъ, что элементы старой орѳографіи привлекаютъ потребителей предлагаемыхъ услугъ, рождаютъ чувство довѣрія, надёжности. Въ какомъ-то смыслѣ ситуація «біорѳографизма» уже реально существуетъ, — объ этомъ говоритъ востребованность обширныхъ интернетъ-ресурсовъ, посвящённыхъ отмѣнённому правописанію,

съ учебниками, словарями, многочисленными произведеніями классической литературы, молитвословами и т. д. Дѣйствуютъ сообщества, объединяющія любителей стараго письма. Въ соціальной сѣти «ВъКонтактѣ», въ спискѣ языковъ, предлагаемыхъ для оформленія своей страницы, значится «дореволюціонный». Таковы «культурныя потребности современнаго общества». Орѳографическая комиссія не желаетъ «конфронтаціи» со сторонниками стараго письма? Это очень хорошо, но она не желаетъ и діалога, честной дискуссіи о мѣстѣ историческаго правописанія въ современномъ обществѣ. Не желаетъ она и нести отвѣтственность за его присутствіе въ публичномъ пространствѣ. Фактически старая орѳографія никому не принадлежитъ, никто не отвѣчаетъ за грамотность при ея использованіи. Никто не можетъ помѣшать варвару — производителю хлѣба или пельменей произвольно разставить въ рекламныхъ текстахъ на упаковкѣ «еры» и «яти» для приданія рецептурѣ продукта благородной старины. Ужасныя, нелѣпыя ошибки въ рекламныхъ вывѣскахъ, въ фильмахъ на историческія темы и т. д. стали уже привычной картиной. Всё пущено на самотёкъ. И, наконецъ, о «ностальгіи опредѣлённыхъ общественныхъ круговъ по старой орѳографіи». Въ дѣйствительности какъ въ 90-е годы, такъ и сейчасъ никакихъ «опредѣлённыхъ общественныхъ круговъ» нѣтъ. Это образованные, но совершенно разные люди. Да, среди нихъ есть православные монархисты, но есть и инославные, и атеисты, и даже либералы. Это своеобразный срѣзъ всего общества. Главное, что объединяетъ этихъ людей, — это интересъ къ письменной культурѣ исторической Россіи и осознаніе того печальнаго факта, что всѣ мы, носители русскаго языка, оказались обворованы.

Казалось бы, болѣе другихъ ратовать за возвращеніе дореформенной орѳографіи должно священноначаліе Русской Православной Церкви, но это, увы, не такъ. Въ церковныхъ изданіяхъ стало нормой использованіе транскрибированной орѳографіи, принятой по распоряженію Ленина. Въ этомъ правописаніи можно увидѣть Евангеліе, молитвословы, Псалтырь, нерѣдко подписи къ храмовымъ росписямъ, ювелирнымъ издѣліямъ и иконамъ. «Церковность» любого текста въ этой орѳографіи стала достигаться съ помощью одной лишь церковнославянской графики. Въ серединѣ 90-хъ это можно было объяснить конфронтаціей съ РПЦЗ,

которая стала открывать самостоятельные приходы въ Россіи, теперь же ситуація совершенно иная — 17 мая 2007 года былъ подписанъ историческій Актъ о каноническомъ общеніи двухъ частей Русской Церкви. Если это возсоединеніе дѣйствительно духовный актъ, а не механическое поглощеніе меньшей части большею, то наслѣдіе русской культуры, бережно сохранённое въ Зарубежьѣ, должно стать нашимъ общимъ достояніемъ. Когда-то, въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ, книжный голодъ въ Церкви утолялся во многомъ зарубежными изданіями въ старой орѳографіи и дореволюціонными репринтами. Благодаря этому новоначальные христіане, пассивно усваивая старое правописаніе, въ дальнѣйшемъ могли легко читать и понимать церковнославянскій текстъ. Это былъ недолгій, но важный опытъ, показавшій, что свѣтская старая орѳографія играетъ роль «мостика», посредника для пониманія литургическаго языка Церкви. Ея возвращеніе въ церковную жизнь поставило бы надёжный заслонъ отъ нападокъ на церковнославянскій языкъ, отъ призывовъ служить по-русски.

Большинство сторонниковъ стараго правописанія прекрасно понимаютъ, что ставить вопросъ о глобальной контрреформѣ въ условіяхъ современной Россіи нельзя — никому не нужна новая орѳографическая смута. Рѣчь идётъ объ офиціальной реабилитаціи старой орѳографіи (въ ея послѣдней предреволюціонной редакціи) и надѣленіи ея статусомъ историческаго и культурнаго достоянія. Также необходимо опредѣлить области примѣненія дореформеннаго правописанія въ современныхъ условіяхъ. Помимо изданій классической русской литературы, это могли бы быть государственные акты, военныя знамёна, награды и наградные документы, дипломы, топонимы историческихъ центровъ городовъ, памятники и меморіальныя доски, посвящённые дѣятелямъ дореволюціонной Россіи, русскаго зарубежья и т. д. Необходимъ спеціальный органъ, отвѣчающій за грамотность при использованіи старой орѳографіи въ публичной сферѣ.

Старая орѳографія, какъ и вся національная культура Россіи, ещё не раздѣлённой на «красныхъ» и «бѣлыхъ», можетъ стать основой для желаемаго «національнаго примиренія и согласія». Согласно извѣстному историческому анекдоту, буква «Ѣ» была нужна для различенія грамотныхъ отъ неграмотныхъ. Теперь же она можетъ пригодиться для того, чтобы отличать дѣйствитель-

ныхъ сторонниковъ возстановленія исторической и духовной связи со старой Россіей отъ политическихъ манипуляторовъ и любителей «хруста французской булки».

Декретъ 1918 года — это болевая точка русской культуры, которую не удастся безконечно игнорировать. Орѳографическая проблема ждётъ своего рѣшенія.

СОДЕРЖАНІЕ

Предисловіе издателя 3

0. Кульманъ Н. К.
О русскомъ правописаніи 10

1. Барабтарло Г. А.
Инородная рѣчь (О переводѣ съ русскаго на русскій) 28

2. Будейко В.Э.
Кириллическіе сѵмволы за послѣдніе четыре вѣка 47

3. Гоникбергъ С. В.
О причинахъ деградаціи русскаго языка и литературы 57

4. Добродомовъ И. Г.
Чѣмъ грозила и грозитъ «реформа» орѳографіи 68

5. Захаровъ В. Н.
Текстологія какъ технологія 80
Буква и духъ русской классики 100

6. Камчатновъ А. М.
Два подхода къ реформѣ правописанія 110

7. Кривочупринъ Е. Л.
Роль церковнославянскаго (старославянскаго) языка
какъ одного изъ маркеровъ карпато-русскости 132

8. Николаенко В. В.
Какимъ будетъ русскій языкъ 2051 года? 139
По дорогѣ 143

9. Трушина И. А.
Церковнославянскій языкъ какъ факторъ національной
безопасности славянскихъ народовъ 147

10. Ходаковскіе К. Н. и В. Н.
Трудности въ дѣлѣ возвращенія
дореформенной орѳографіи 153

11. Черновъ В. Е.
Реформы и Лингвистика 160

12. Ѳёдоровъ А. В.
Русская орѳографія: вопреки судьбѣ 173

Труды по русскому правописанію
Выпускъ 1

Дизайнъ обложки *Р. И. Галяутдиновъ*
Техническій редакторъ, вёрстка *Т. Р. Вѣнковъ*
Главный редакторъ *М. С. Тейкинъ*

Форматъ 60 × 90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 12. Уч.-изд. л. 8. Тиражъ 1000 экз.

Свои отзывы, просьбы, пожеланія и предложенія направляйте по адресу: teikin-ms@mail.ru, Михаилу Спартаковичу Тейкину.

Для замѣтокъ

Для замѣтокъ

Для замѣтокъ

ТРУДЫ ПО РУССКОМУ ПРАВОПИСАНІЮ

1

2017